ПИОНЕР

2
1988

ISSN 0130—8009

70 РКСМ ВЛКСМ

Виталий БАНЕВУР:
«Работал на революцию...»

«...ПРО ОТВАГУ, ДОЛГ И ЧЕСТЬ»

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ

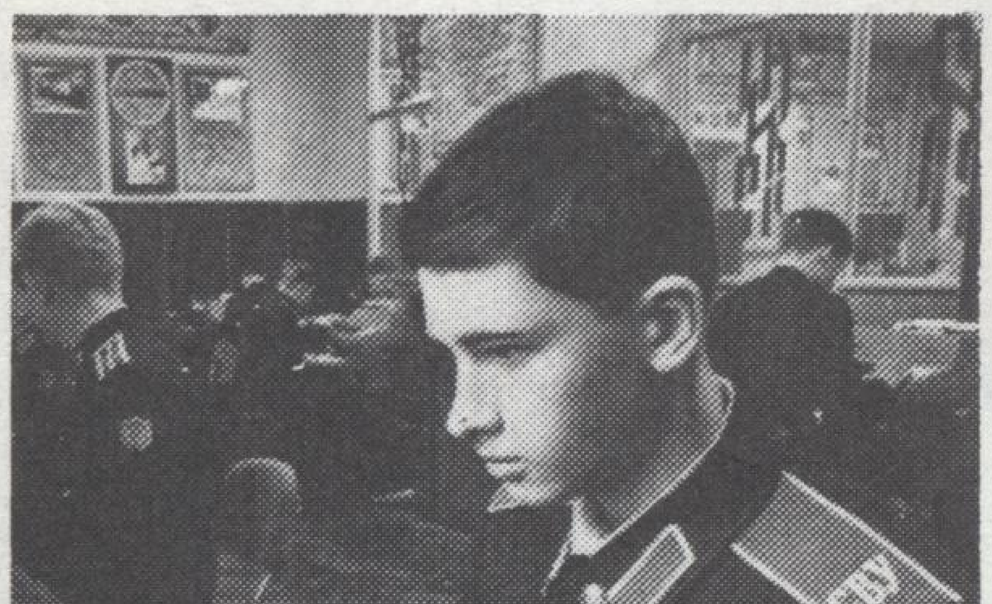
Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег,

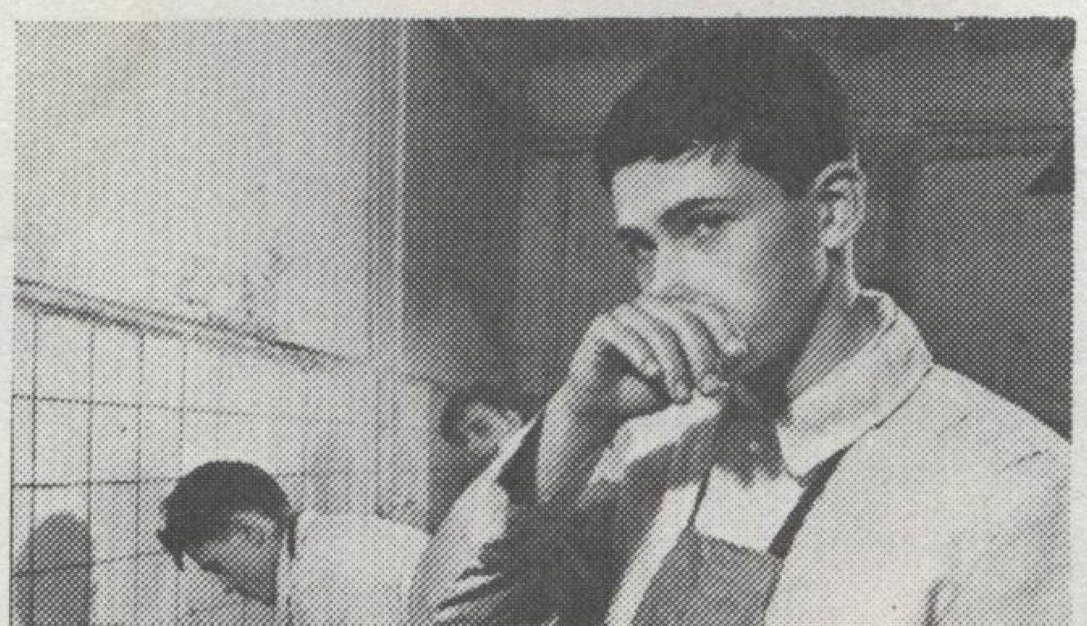
Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

...И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится,
Можно жить
И можно умирать.

(А. Твардовский)





Красная площадь. 7 ноября 1987 года. Без одной минуты десять. Над парадными расчетами пробежал и затих легкий гул. Минутная стрелка замерла возле двенадцати. Алеша начал считать удары курантов: раз, два...

Словно стальная, отполированная тысячами ног брусчатка. Красные зубчатые стены. Колыхание знамен на ветру. И он — в черной отутюженной шинели с алыми прямоугольниками суворовских погон на плечах.

Эту минуту Алеша запомнит на всю жизнь...

«Десять», — выдохнул он. И еще до того, как прозвучала команда, вытянулся по стойке «смирно»...

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ: ДЕД И ВНУК

«...За время обучения в дополнительном классе показал следующие успехи: в законе божьем — отличные, русский язык — отличные, немецкий

язык — отличные, французский язык — отличные, арифметика — отличные, алгебра — отличные, тригонометрия — отличные, специальные курсы (основания аналитической геометрии, анализа бесконечно малых) — отличные, физика — отличные, математическая география — отличные, рисование — отличные, законоведение — отличные».

(Из «Свидетельства» об окончании дополнительного класса Елабугинского реального училища.)

«...Русский язык — 4, литература — 4, алгебра — 4, геометрия — 4, история — 5, география — 5, биология — 4, физика — 4, химия — 3, физкультура — 4, трудовое и профессиональное обучение — 4...»

(Из дневника ученика седьмого класса 5-й московской специальной средней школы с преподаванием ряда предметов на английском языке.)

По вечерам Алеша любил играть в солдатиков. Маленькие фигурки расставлялись по всей комнате. Справа — «свои», слева — «чужие». А он — в широченном кителе и сползающей на глаза фуражке — вершил их судьбы. Но к гостям в таком виде выходить стеснялся.

Единственный ребенок в семье. Бабушкин внук. Его любили, холили, баловали, дарили дорогие игрушки. Но самым ценным подарком стали для него погоны. Не те обыкновенные, которые многие из нас выпрашивают у мам в Военторге, а старые, дедушкины... Постепенно к нему перекочевали и другие вещи деда. Пенсне, шашка, полевая сумка, письма, документы, фотографии... Так уж получилось, что все оставшиеся в доме реликвии бабушка Лидия Ивановна отдавала не сыновьям, а младшему внуку:

— Он деда не видел. У него другой памяти нет.

Алеша мог часами раскладывать и перекладывать фотографии, читать письма, глазеть на улицу сквозь отличный полевой бинокль деда...

«...А по-моему, он у вас сноб,— жаловалась родителям классная руководительница.— Смотрит на всех свысока. Ни с кем особо не разговаривает».

Говорят, дед Алеши был молчун. Клещами слово не вытянешь. Такие же дядя, отец. И Алеша не из болтливых. Нет, он не ходит, словно воды в рот набрав. Может и пошутить, и посмеяться... Но вот с ребятами из класса ему разговаривать просто трудно.

Представьте себе, английская спецшкола. Все готовят себя в дипломаты, в журналисты-международники, в сотрудники Внешторга... На меньшее никто не согласен. И тут он заявляет:

— Хочу быть военным!

— Военным атташе? — переспрашивает кто-то.

— Нет. Просто офицером. Общевойсковым.

Это в их школе никому не интересно. Скучно, грустно, непрестижно.

— Понятно. Ать-два, левой, правой... И головой работать не надо...

В ЗАЩИТУ ПРОФЕССИИ: ДЕД

«...Он сразу мне понравился... Мне придется не раз говорить о встречах с генералами. Как люди любой профессии, генералы были разными — новаторами или рутинерами, умными или ограниченными, скромными или чванливыми. [Этот] был настоящим артиллеристом, то есть человеком точного расчета, ясной и трезвой мысли. Он рассказал мне, что учился в Петроградском политехническом институте кораблестроения; шла первая мировая война, и в 1917 году молоденького прапорщика отправили на фронт. Он очень любил Ленинград, и было в нем что-то от классического ленинградца — сдержанность, хорошо скрытая страсть. Он не только говорил с увлечением, он и меня увлек... Рассказываю я об этом теперь только чтоб передать облик человека: в холодной избе возле Можайска я увидел не браво-го вояку, а скорее математика или инженера, хорошего русского интеллигента».

(Из книги Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь».)

Прямо над Алешиной кроватью висела огромная, в массивной деревянной раме фотография деда. Ордена, щеточка усов, резкие тени морщин... Он смотрел на внука строго, даже сурово...

Наверное, был недоволен Алешей. Мальчик изнежен, хил. Подтянуться на турнике и то как следует не может. Не организован. Ходит весь день по дому туда-сюда, а уроки не сделаны, в школе с тройки на четверку перебивается, даже двойки имеют место... Одни разговоры про желание быть офицером — подготовки никакой...

Самым страшным ругательством в устах деда было «бездельник». Более крепких слов от него в жизни никто не слышал. Это Алеша знал. Сочиняя по утрам от имени деда гневные монологи, он тоже называл себя бездельником. А потом принимал решение начать новую жизнь... Хватало его на день, от силы — на неделю... И снова бесцельное шатание по квартире, четверки в дневнике чередуются с тройками.

Наконец наступил день, когда он понял: дать слово мало — надо научиться его держать. И принял решение. Услышав про суворовское училище, мама чуть не заплакала. Отец был спокоен:

— Пойми, офицерская профессия — не только парады и погоны. Это ежечасная, ежеминутная готовность отдать жизнь за Родину.— Произнеся столь высокие слова, Сергей Леонидович слегка покраснел и взглянул на сына. Но на лице того не было и тени улыбки. Он слушал совершенно серьезно.— В общем, никто не заставляет тебя быть офицером. Хорошо бы... Но чины и звания у нас по наследству не передаются. Учти и еще одно. С нашей фамилией в армии трудно. Тебя всегда будут сравнивать с дедом, дядей Володей... Знаю по себе...

Но Алеша стоял на своем: после восьмого класса поступаю в суворовское. Иначе так дома разленюсь и изнежусь, что ни в каком военном училище после десятого учиться не смогу!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва, 1988 г. • Издательство «Правда»

— Может, ты и прав,— подумав, сказал отец.— Только, если взялся за гуж...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА: ДЯДЯ

«...Ты хочешь воевать с фашистами немедленно? Но подумай о большой пользе от тебя для армии. Ведь ей нужны грамотные в военном отношении командиры. Пройди хотя бы крошечный курс подготовки...»

(Письмо деда своему сыну — дяде Володе. Действующая армия. 1942 г.)

«Год назад он наказывал сыну, чтобы тот поступил в артиллерийское училище и, окончив его, приезжал: «Будем воевать вместе». В сорок третьем сын прибыл на Ленинградский фронт командиром огневого взвода. Его батарея стояла у 8-й ГРЭС — блокадники знают, какое это было горячее место. Нет, никто не мог упрекнуть [отца] в том, что он подыскал Владимиру местечко побезопасней...»

(Газета «Смена», 1987 г.)

На вступительных экзаменах в Московское суворовское училище Алеша набрал 17 баллов из 20 возможных. В принципе не густо. Хорошо еще, физкультура в зачет не шла. А конкурс был будь здоров! Даже после всех медицинских комиссий и прочих проверок оставалось четыре человека на место.

Еще в начале лета учитель математики сказал Алеше:

— Никогда не встречал восьмиклассника, который с таким упорством добивался бы своей цели...

Признание учителя наполнило Алешу гордостью. Да, теперь никто бы не смог назвать его бездельником. За год он изучил две учебные программы. Одну — для школы, где занятия шли по экспериментальной методике. Другую — для поступления в училище, на которое этот эксперимент, к сожалению, не распространялся. А по геометрии вообще пришлось учить такие вопросы, которые в школах не проходят лет десять...

Но теперь все это позади. Он добился своей цели. Он победил.

Через несколько дней его вызвали в училище. Стриженных под «полубокс» и оттого кажущихся слегка лопоухими, их построили в колонны, провели в физкультурный зал и зачитали список принятых. В нем была и его фамилия...

ОТЕЦ: ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Как-то, достав из конверта эту фотографию, бабушка Лидия Ивановна рассказала Алеше:

— Твой отец не хотел быть военным. Что же, говорил, если отец с братом всю жизнь в армии, то мне другая дорога заказана? Думаю, стеснялся он. Пойдет в армию, а все вокруг начнут сплетничать: мол, подался Сережа за легкой службой да быстрой карьерой. Вот и хотел всем доказать, что и без чьей-нибудь помощи на гражданке многого достигнет. Ну, а я ему перечить не стала. Зачем? Каждый сам должен свою тропинку в жизни протаптывать.

А тогда только и разговоров было что о космосе. Первые спутники, Гагарин... Какого мальчишку ни спросишь, обязательно космонавтом мечтает быть. И твой отец туда же. Поступил в Московский авиационный институт. Конкурс был большой, но он поступил. После окончания его даже на кафедре оставили.

Вроде все у человека в жизни нормально... Но, вижу, что-то загрустил мой Сережа. Ходит как в воду опущенный. В общем-то понятно... Он же с младенчества ко всему армейскому привык: к порядкам, дисциплине, быту, форме... Все-таки, как бы ни говорили, а что в тебя в детстве вложили, то из тебя и выйдет... Так и получилось. Приходит он как-то домой и говорит: «Мама, я подал рапорт о зачислении меня в кадры армии...»

Школа окончилась, началась служба. Здесь не каникулы, а отпуск. Не староста, а вице-сержант. И двойка грозит не легкой родительской нотацией, а лишением увольнения.

В учебном плане он подглядел тему одного из будущих занятий: «Наблюдение за полем боя. Целеуказание и выбор целей, определение расстояний до целей». И пусть остались русский, физика, математика и даже его нелюбимая химия, Алеша понимал, что без них определить «расстояние до целей» невозможно.

Увы, военная служба, даже в суворовском училище, состоит не только из побед. Он так и не мог подтянуться нужное количество раз, отставал в беге и, быть может, самое главное, катастрофически не успевал сделать все уроки за отведенные для этих целей три часа.

Есть в суворовском училище так называемая «доска справедливости». На ней зафиксирован средний балл каждого суворовца. Чем он выше, тем больше шансов у его обладателя выбрать для поступления военное училище по вкусу. Алеша не попадал даже в первые пятьдесят.

И он стал просить дневальных будить его ровно в пять утра. Не две недели. Не месяц. Практически весь первый год. В дождь, в снег, в мороз. Вставал, подтягивался на турнике и делал уроки, бегал и делал уроки, прыгал через козла и делал уроки...

Иногда ему хотелось плюнуть на все и уйти из училища. Другие ведь уходили. Ворота-то вот они — рядом. Но обратно в них хода нет. Он это знал. И не сдавался.

Позже командир его взвода майор Фомичев скажет родителям:

— Вы еще не знаете своего сына. Он далеко пойдет...

СТРОКИ ИСТОРИИ:

ДЕД:

***«Говоров Леонид Александрович** (1897—1955), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945)... Войска под командованием Говорова участвовали в Московской и Ленинградской битвах, прорыве блокады Ленинграда (январь 1943), провели Красносельскую-Ропшинскую, Выборгскую, Таллинскую, Моонзундскую десантную и др. операции. После войны командовал Войсками ПВО страны... одновременно (с 1950) зам. военного министра (министра обороны) СССР... Награжден 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, Красной Звезды. Удостоен ордена «Победа».*

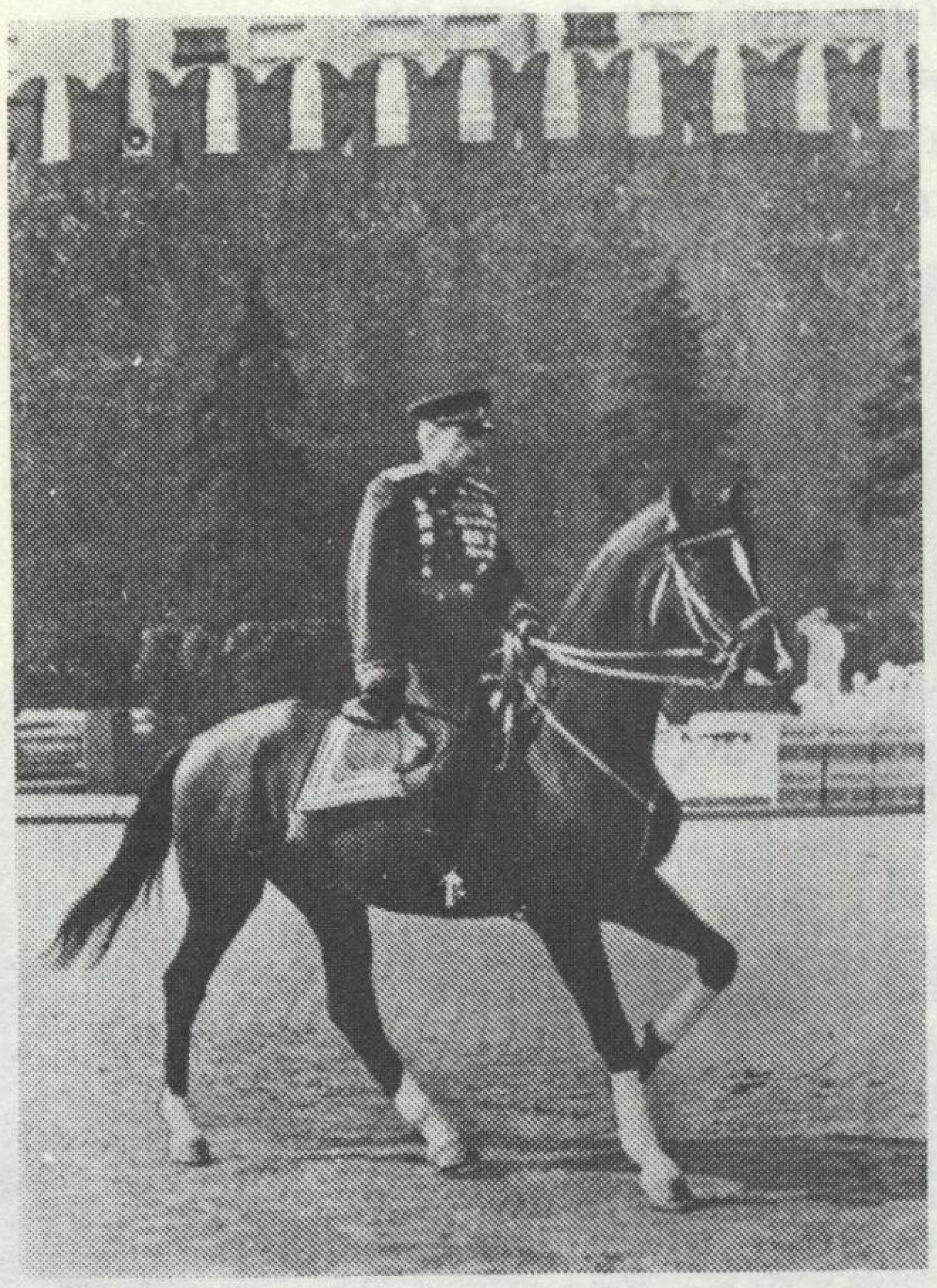
(Из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945»)

ДЯДЯ:

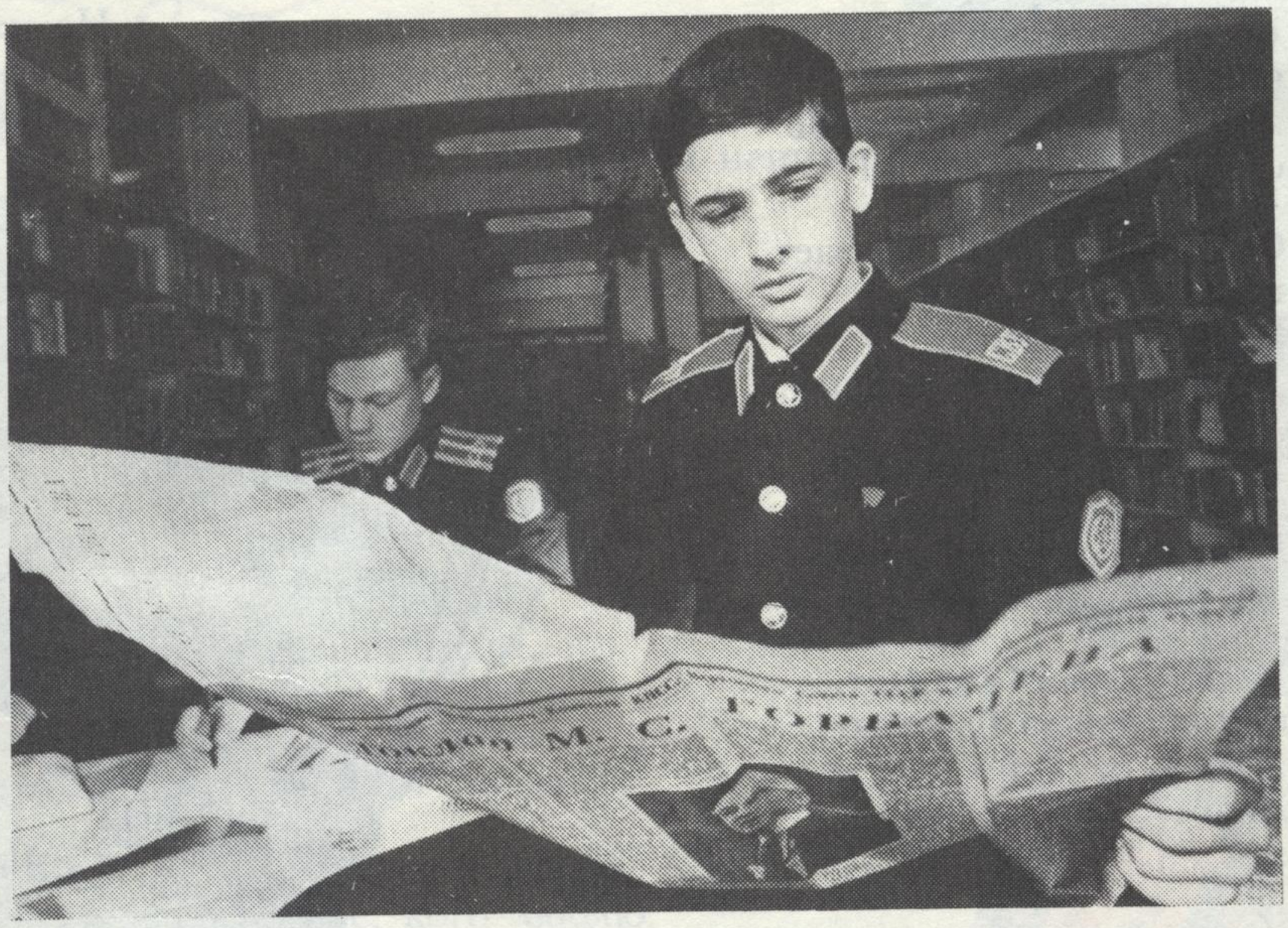
***«Говоров Владимир Леонидович** (р. 1924), советский военачальник, генерал армии (1977)... Заместитель министра обороны СССР. Член ЦК КПСС (кандидат с 1976). Депутат Верховного Совета СССР с 1972».*

(Из Советского энциклопедического словаря.)

Пятидесятые.
ГОВОРОВЫ:
Леонид Александрович, Сергей Леонидович, Лидия Ивановна и Владимир Леонидович.



Сороковые.
Маршал Говоров на Красной площади.



Восьмидесятые.
Алексей Говоров в суворовском училище.

ОТЕЦ:

*«**Говоров Сергей Леонидович,** 1944 года рождения, русский, член КПСС, образование высшее, воинское звание — подполковник».*

(Из служебной характеристики.)

ВНУК:

*«Зачислить... **Говорова Алексея Сергеевича** воспитанником Московского суворовского училища...»*

(Из приказа по МСвУ.)

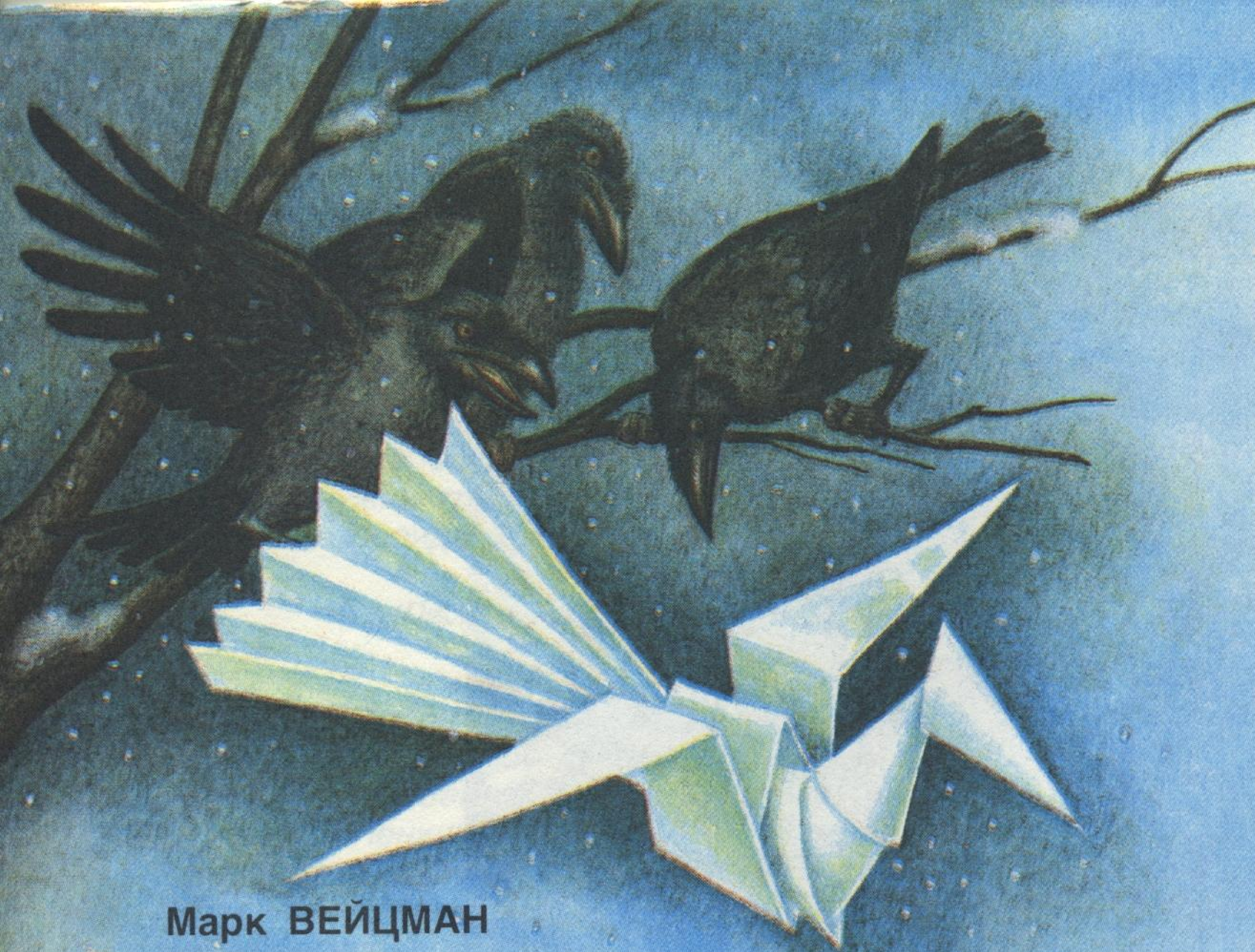
— ...Па-ар-ра-ад! К торжественному маршу в ознаменование 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции...— разнеслось над площадью.

...Красная площадь! Она помнит его деда. Его дядю. Его отца. Теперь настал Алешин черед сделать те самые 266 шагов мимо Мавзолея.

— Ма-арш!

И Алеша сделал свой первый шаг...

Николай ЛАММ



Марк ВЕЙЦМАН

Песенка о бумажном голубе

Встречает зиму город,
от холода дрожа.
Летит бумажный голубь
с восьмого этажа.

Он клювик свой вонзает
в сиреневую тишь.
Он тихо напевает:
«Живешь, пока летишь».

Нахохлившись, вороны
глядят на смельчака.
Вздыхая, хмурят брови
седые облака.

Мороз вовсю колдует,
и снег вовсю блестит.
А он и в ус не дует:
живет, пока летит!

Понедельник — день веселый

Пламенеют окна школы,
блещет вешняя вода.
Понедельник — день тяжелый?
Не поверим никогда!

Не дадим его в обиду!
Мы довольны этим днем!
Снова что-нибудь увидим,
снова что-нибудь поймем!

Он сулит забот немало,
но — и света, и тепла.
От него берут начало
все хорошие дела!

Не на дорожке, не в строю

Не на дорожке, не в строю —
на третьей парте с краю
я постоянно отстаю,
я вечно догоняю.

Бегут отличники вперед
и хорошисты следом.
И лишь тому, кто отстает,
азарт совсем неведом.

Но как-то я не рассчитал
и слишком разогнался,
впервые в жизни не отстал
и первым оказался!

И в грудь вошел мне вихрь хмельной,
и зяблики запели!
А сзади, за моей спиной
отличники сопели...

Не на дорожке, не в строю —
на третьей парте с краю
я лишь от солнца отстаю,
лишь ветер догоняю!

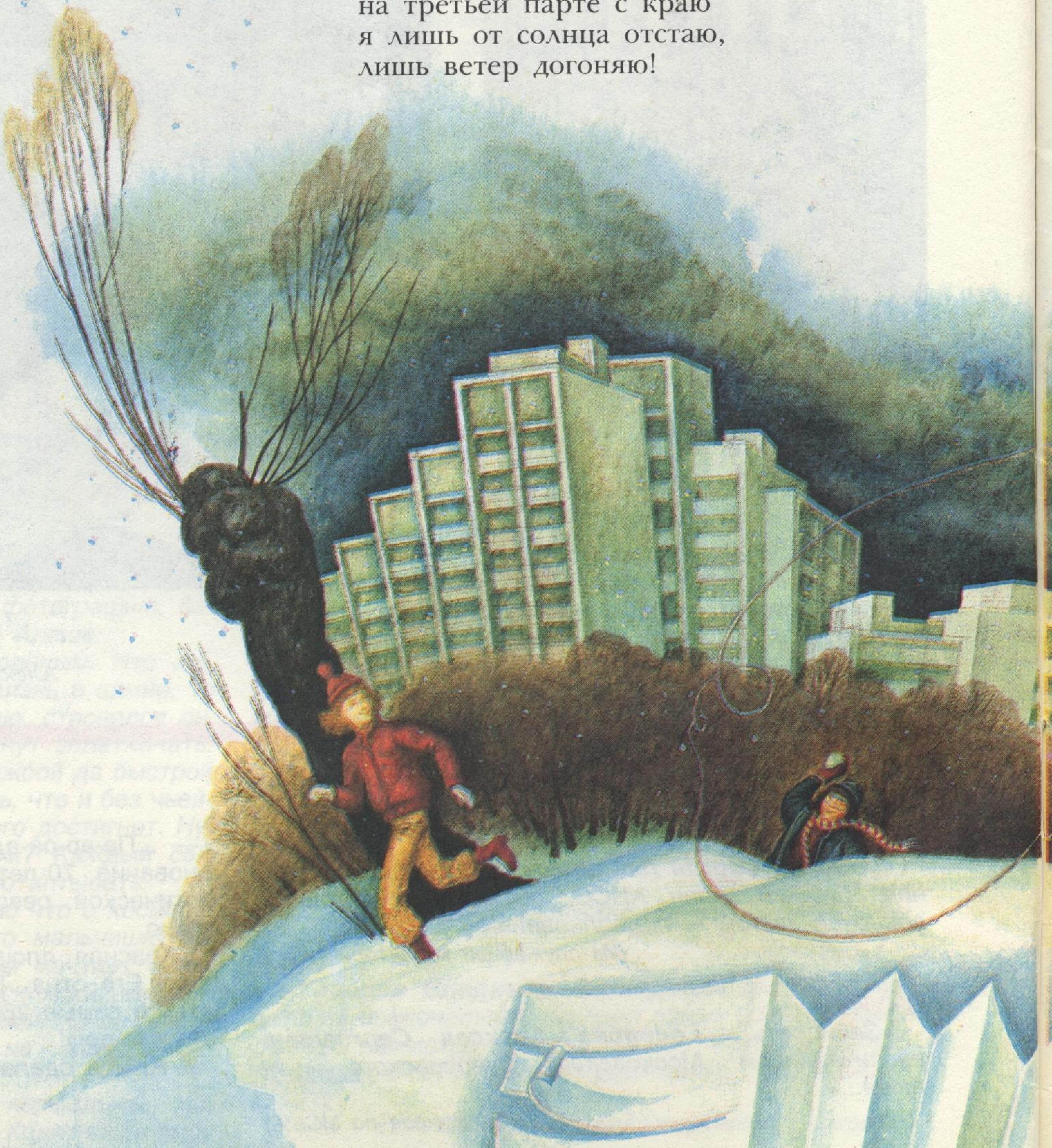


Рисунок А. ДУГИНА.

Мы избавились от Грекова

Мы избавились от Грекова,
он уехал из Черкасс.
Слава богу, больше некому
подводить звено и класс!

Нам теперь в соревновании
непременно повезет,
и подскочит успеваемость
до невиданных высот!

...Патлы рыжие курчавились,
и синели щелки глаз.
Мы от Грекова избавились.
Или, может, он от нас?

Гармошка из тетрадного листка

Гармошка из тетрадного листка,
в линеечку бумажные меха,
под музыку шуршащую твою
я песню настоящую пою.

Мелодия беззвучна, как трава,
неслышно произносятся слова.
Я вовсе не желаю вам мешать
читать, или чертить, или решать.

Всю жизнь на эти клавиши давлю.
И, может быть, все те, кого люблю,
твой голос различат издалека,
гармошка из тетрадного листка...

Куда уходит время?

А куда уходит время,
кто ответит, кто подскажет?
В раздевалке баба Феня
все носки кому-то вяжет.

Голова ее седая
с каждым годом все белее.
Осень листьями латает
опустевшие аллеи.

Бьют часы на стенке грозно,
сохнет мел на полках ветхих,
и с крючков свисают гроздья
наших курток разноцветных.

Очень жаль, что слишком прытко
медный маятник болтался.
Но клубочек прочных ниток
до сих пор не размотался.

Смотрит строго баба Феня,
чуть скрипит под нею кресло.
А куда уходит время —
это ей неинтересно.

Илья МОСКВИН

ФОРВАРД — В ЗАЩИТУ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

I. РИКОШЕТ

В небольшом южном городе субботним августовским утром мать, отец и сын сидели за завтраком.

— Лелик Смородинцев гербарии собирает, Витя Пальчиков — радиосхемы и даже светомузыку. Вчера у них венгерский танец Брамса в цвете слушала. Так краси-и-во! — сказала мать.

— Мам,— вроде бы даже заинтересованно спросил Юра, размешивая сахар,— а Брамс, кроме венгерских, какие еще танцы сочинял? Английские или, может, португальские?

Отцу такой переход не нравится.

— Брамс,— говорит отец,— создавал прекрасную музыку, то есть занимался делом. Ты понимаешь, Юра, де-лом! А вот что ты хорошего в жизни сделал?

— Сто тридцать семь голов забил,— ответил Юра не то вызывающим, не то огорченным тоном.— Не, вру, сто тридцать девять,— прочитал он где-то на потолке, сосредоточенно закатив глаза.

Вот тут отец ему и сказал:

— Сто сорок. Запиши себе еще одно очко. За изворотливость.

— За какую такую...— начал было Юра.

А мать тихо, грустно так уточнила:

— Сто пятьдесят.

— Это почему?— насторожился Юра.

— Десять очков за сожженную песочницу.

— Что-о?! — яростно крикнул Юра.

Отец же никак не разделил его ярость и нестерпимо сентиментально произнес:

— Два хороших человека, трудяги, решили сделать людям добро. А юные мерзавцы над их трудом надругались. Чиркнули спичкой и...

Недоговорив, отец отвернулся. Мать же продолжала смотреть на сына. А Юре вдруг показалось, что на него глядит еще один человек — он сам, Юра Голованов, только более старший: Юра-будущий, или Юрий Александрович Голованов, мужчина лет эдак двадцати — пятидесяти. Сокращенно ЮАГ. Словно сжал Юре плечо и произнес: «Ты виноват. Не смей оправдываться».

Тут Юра как стукнет кулаком по столу!

— Да почему все я да я! Вы что, видали? Шину у кого-то прокололи — Голованов, лампочки повывертывали — Голованов, чего-то там подожгли — Голованов. Все Голованов да Голова-а-анов! — И он заревел.

Отец растерянно тряханул сына за плечо, а тот все выплакивал свою фамилию. И получилось:

— Го-го-го-го-ло-ло-ло-ло-ва-ва-ва-ва-ва-а-а-а-а-а...

— Ва-ва-ва! — передразнил отец.— Умел скверное дело делать, умей хоть достойно в этом признаться.— И вышел.

А Юру, как закоренелого преступника, снова потянуло взглянуть на дело рук своих.

Он вышел на балкон.

Внизу пестрел пустырь — их Лужники. По нему шли в разных направлениях хозяйки с авоськами, бодро насвистывая, двигался огромный, но скорый на ходу мужик Константин Петрович Терновский, аквариумист мирового значения. Говорили, что к нему приходят письма даже из Австралии. В руке огромный бидон, на плече сачок: уже успел наловить циклопов. Мощной рукой взметнул сачок ввысь — кого-то поприветствовал. Юра перегнулся и глянул — Матильду Серебряную, старую певицу, выгуливавшую свою таксу. Матильда ответила Терновскому легким кивком и еле заметной беглой улыбкой: она очень дорого ценила свою приветливость и отпускала ее крохотными порциями.

А футбол уже бесновался — Гаги, Эдик, Пашка, в воротах Толик.

А вон и оно, позорное пепелище...

Среди играющих вдруг появился Славик. В руках он держал весьма оригинальный мяч, составленный не только из белых и черных, но также и из красных многоугольников. Ультраолимпийский мяч.

Игра угасла.

— Где достал? — спросил Пашка.

— Украл,— равнодушно ответил Славик Стефаненков.

— Имитация,— пренебрежительно заметил Гаги.

— Так точно,— столь же пренебрежительно согласился хозяин мяча.

Таков был Славик: ничем его не проймешь. Юра ему завидовал.

Эдик хотел надуть мяч ртом. Но Славик тут же отнял его, сказав:

— Ну ты, батрак!

У него, оказывается, была с собой модерновая «лягушка», и он стал надувать сам — не торопясь, по всем правилам.

«Батрак», «плебей» — такие слова Славик любил. Он аристократ. Однако кое в чем он был и простым: все знали, что он ловит раков, сам их варит и торгует ими у пивного ларька.

Стоя на балконе, Юра прислушивался к разговору родителей.

— Кулачком по столу! — Голос отца.— Когда человек прав, он тихо себя ведет. А то кулачком по столу!

За кулачок Юра обиделся. Ему всегда казалось, что у него кулак. Он дважды сжал свой кулак, любуясь начавшими набухать венами и коротким, крепким, похожим на маленький окорок большим пальцем.

— Юрка! Голова!— крикнул Пашка, увидев Юру.— Выходи, поработаем. Видал, мячишко какой?

— Плохо видно, в глазах чтой-то рябит,— лениво ответил Юра, но сразу стряхнул с себя тоску.

Славик, не поднимая головы, проворчал:

— Я тебя в твоих лаптях вообще к этому мячу не подпущу.

— Дурак,— не нашелся Юра.

— Возможно,— не возражал Славик и с приветливой улыбкой сдавил ладонями туго надутый мяч, пробуя его на слух, как арбуз.

Славик — он и есть Славик. Черт с ним! Гораздо важнее, о чем сейчас толкуют родители. Мать, похоже, возражала. Слышно было: «Не он». Отец же неумолимо продолжал:

— Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав.

Еще одна великая мудрость. Хитрая, с подвохом, самозатачивающаяся. Это тебе не «чистота — залог здоровья». Против такой возражать — последние нервы истреплешь.

А папаша — финансист великий — уже и итог подбил:

— Блудлив, как кот, труслив, как заяц.

Уважал бухгалтер-экономист Александр Александрович Голованов пословицы и поговорки.

Юра меж тем быстро надел новенькие бутсы и сбежал вниз.

Игра снова остановилась. А как же иначе: бутсы были из темно-красной кожи, выше обычных и сплошь утыканы медными бляшками.

Славик же на это чудо не смотрел. Он присел на мяч и терпеливо выжидал, отвернувшись. Когда ребята о нем наконец вспомнили, он равнодушно пустил мяч в игру. Юра бил по мячу с радостью: Славик был повержен его великолепными бутсами. «В лаптях, говоришь?» — только и успел подумать Юра, получив очередной пас. Рядом оказался Славик. Юра чуть-чуть опередил — изо всей силы ударил по воротам.

— Мой!— диким голосом заорал Славик.

А мяч рикошетом от штанги — прямо в раскрытое на третьем этаже окно. Где-то в глубине комнаты раздался звон стекла. И голос:

— Эх, черт бы вас побрал!

Все сразу кто куда. Задержались неуверенно Юра и — из-за своего драгоценного мяча — Славик.

В окне показался Терновский с мячом в руках.

— Ваша работа?— спросил он безразличным голосом.

Они не успели ответить. Терновский прицелился и резко метнул мяч. В последний момент сделав обманный баскетбольный финт и направив его Славику. Резко и зло. Хрясь!

Мяч был мокрый.

Значит,— страшно подумать — мячом и прямехонько по аквариуму.

Юра пошел в неопределенном направлении. С одной стороны, надо было обдумать случившееся, а с другой — ну никакой мочи не было случившееся обдумывать. И еще эта песочница...

Пойти к Косте повиниться? Кое-какие деньги он скопил. Так, мол, и так, извините. Готов уплатить за причиненный ущерб. Говорят, он добрый, Костя, да кто его толком знает? Кулак его видал?.. А может, так и надо? Пусть врежет — и квиты? Не, здоров кулак...

По счастью, у отца на работе сейчас лютовала ревизия. Конечно, кому счастье, а кому и не очень. Отец приходил поздно, был злой, усталый и крепко ругал ревизоров. Они — ревизоры — хотели уличить отца в махинациях или на худой конец в нарушении финансовой дисциплины, и все безуспешно: батя был человек идейный насчет государственного кармана. В другой момент Юра бы не преминул взять реванш. Отец ругал бы ревизоров, а сын бы невинно заметил: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав». А отец, наверно, в ответ на это схватил бы ботинок да и запустил бы в сына. И поступил бы, в общем, справедливо.

В пятницу за чаем Юра заявил:

— Я к бабе Нине в станицу поеду. Решил собирать гербарий.

— И не думай!— недоуменно, но твердо проговорила мать.

— Погоди, Веся,— сказал отец.— Почему бы ему не съездить?

— Так я завтра и поеду,— заключил Юра.

Как завтра?— заспорил отец.— Что за спешка? К таким делам надо готовиться основательно.

Он, видимо, считал, что такое счастье не должно просто вот так, за здорово живешь, даваться в руки. Его надо заслужить. Совсем замотался человек на работе. И ярко, ярко ему сейчас представлялось, как чудесно ходить босиком по берегу Миусинки (какая там зелень! На весь век хватит для воспоминаний), рвать цветы и складывать их в папку. Не то что сидеть в пыльной конторе и тысячу раз долбить упрямым ревизорам одно и то же.

— Чего готовиться?— возразил Юра.— Я там через два часа буду. Автобусом. Через неделю вернусь.

— Ну, что ж,— задумчиво произнес отец и прилег на диван, закинув руки за голову.— Мне твоя решительность где-то нравится.

Он мечтательно улыбнулся и, наверно, в этот момент мысленно сиганул с «тарзанки» в быстрые воды речки Миусинки.

— На неделю!— ужаснулась мать.

— Трех дней хватит!— вынес окончательное решение отец.— Во вторник чтобы был здесь.

В дверь позвонили. В передней затараторил знакомый женский голос. Очень много слов и почти все на букву «э»: «этический», «эстетический», «эмоциональный»... Славикова мать. Наверно, насчет аквариума. Нет, пожалуй, все эти красивые слова на букву «э» не имеют отношения к некрасивому футбольному происшествию.

— Наше будущее светило!— кивнула Стефаненкова Юре, обаятельно и загадочно улыбнувшись.

Гостью посадили пить чай. Отцу тоже пришлось сесть. Стефаненкова продолжала:

— Я говорю этой самой ихней химичке: наш разговор абсолютно неинформативен. Вы даже не потрудились сформулировать свои мысли. Какие конкретно у вас претензии к моему сыну? Он что, недостаточно интеллектуален? Или некоммуникабелен? Вы абсолютно игнорируете личностные особенности. Вот, например, с Головановым все ясно,— вдруг перешла она на русский,— он пойдет по стопам дяди, будет математиком. А мой...

«Вот почему «светило»,— смекнул Юра.— Бедный папа!» Украдкой глянул на отца: тот сидел равнодушный и прямой. Но Юра знал, хорошо знал, что упоминание о двоюродном брате, московском профессоре, отцу неприятно: почему-то всем, кроме, конечно, Юры и матери, отец на фоне брата казался неудачником.

— Кстати, мы тут о высоких материях, а я до

вас совсем по другому вопросу,— сказала гостья.— Юра, что там за инцидент случился? Кто все-таки разбил аквариум?

— Я,— ответил Юра просто.

— Ну вот, так я и думала!— обрадовалась Стефаненкова.— Славик такой благородный: никогда товарища не выдаст. Но мяч-то был наш, и все считают, что виноваты мы...

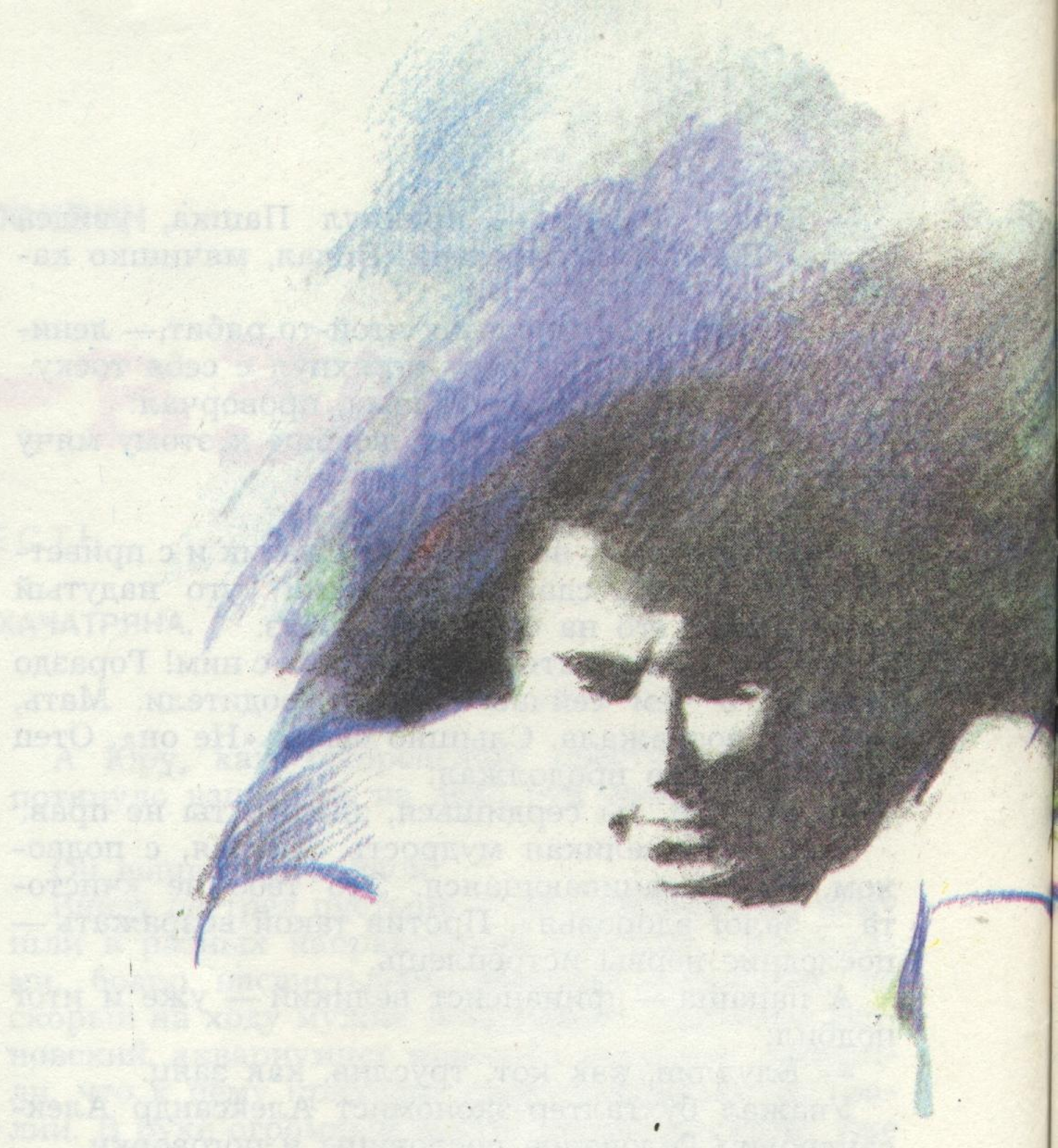
Юра убежал в свою комнату. А Стефаненкова:

— Петровых залило. Аквариум, говорят, был литров на пятьсот. Но то ж в литрах! А по весу, наверно, и вся тонна будет.

Юра больше не слушал, что они там говорят. Он набивал портфель: положил свитер, сдутый футбольный мяч и новые бутсы. Достал откуда-то пять чайных ложек (а это еще зачем?), и их туда же, в портфель.

Когда Стефаненкова ушла, на пороге возник отец.

Постоял, подумал, что-то надумал. Потом вроде передумал. И потом все-таки надумал. Подошел и закатил сыну подзатыльник. Надо полагать, за все — за песочницу, за аквариум, а также за трусость и за увертливость. Хорошо еще, что оптом — за все сразу.

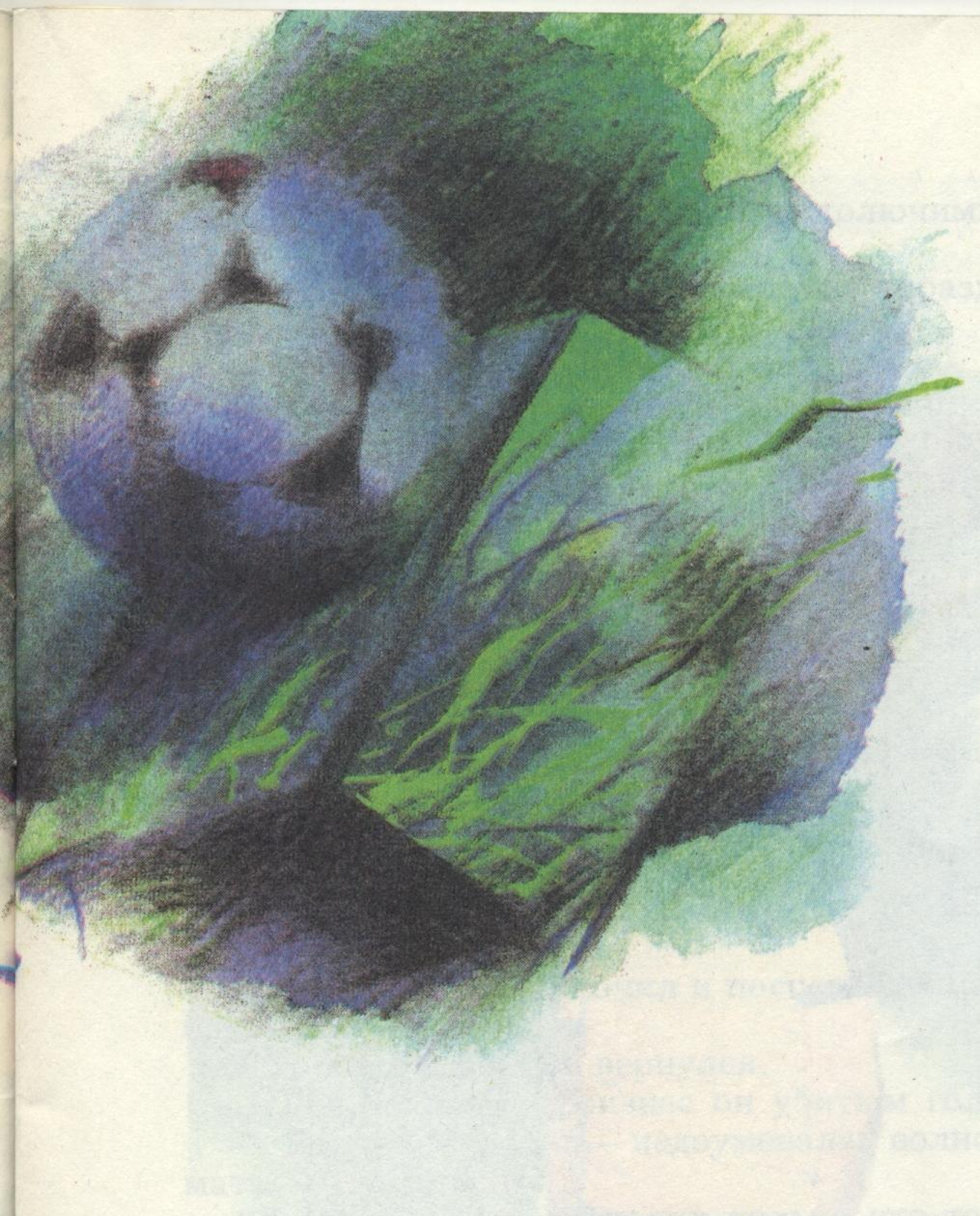


— Ты, папа, унизил этим самого себя,— сказал Юра, стараясь быть высокомерным.

И остался сидеть, согнувшись на тахте.

Работал телевизор — четвертьфинал. Родители сделали звук громко: видимо, искали примирения. Именно из-за этого он и взорвался — понял вдруг, что его жалеют. У него задрожали колени, а по всему телу пополз подмывающий приятный зуд. Резко распахнув дверь, Юра закричал срывающимся петушиным голосом:

— Все ваши галошницы и серванты пожгу! Все ваши хрустальные чашки и брошки раздолбаю. Вещисты проклятые!



Тут же понял, что в запальчивости прокричал ерунду: хрустальных чашек и брошек, наверно, совсем не бывает. Да и родители не вещисты. И от этого он закричал совсем уж диким голосом:

— Ненавижу! Ненавижу вас всех!..

В последнее время ЮАГ почему-то зачастил к Юре Голованову. То заставлял его вспоминать о сожженной песочнице, то вдруг помогал совершать немыслимые ранее открытия: а ведь Славикова мать — человек завистливый и раболепный. Она прямо бледнеет, она прямо краснеет от таких слов, как «полковник», «профессор», «дипломат». И все почему-то говорит про Москву. «В Москву, в Москву!— сказал однажды отец.— Прямо как чеховская героиня».

А когда ЮАГ исчезал, Юра снова становился Юрой: скверно выражался, кидал с балкона сор на Матильдину шляпу, подходил к Гаги и внимательно, издевательски рассматривал его длинный, нерусский нос. Наконец, просто орал диким голосом во время футбола: «А-а-а-а! О-о-о-о! Э-э-э-э!» Словом, безобразничал. Но Юра-будущий появлялся вновь. И Юра-настоящий всегда чувствовал его приближение: беспричинно краснел. Или кидался в истерику. Вот как сейчас...

Утром чуть свет Юра тихо вышел из комнаты и наткнулся на отца.

— Ну ладно, хватит,— сказал отец.— И ты, и я — оба хороши.

— Я опоздаю на автобус,— непроницаемо сказал Юра.

— Ну, ну,— уговаривал отец.— Поедешь попозже. Ты сам к Косте сходишь или мне сходить? Необходимо выяснить сумму ущерба и возместить. Ты, кажется, копишь на футбольную форму?

— Кажется,— ответил Юра, двинувшись к двери.— По-моему, мы вчера договорились...

— Стой!— закричал отец.

Отец усадил сына.

— Ну как же до тебя достучаться, дремучий ты человек! — досадливо сказал он. Но потом вдруг заговорщически улыбнулся и крикнул:— Мать!

Мать словно только и ждала, когда ее позовут, когда она наконец увидит ненаглядного, горемычного своего сына.

— Знаешь что, мать,— сказал отец,— у нас тут,— подмигнул Юре,— мужской разговор. Организуй нам бутылочку этого самого...

— Чего?— изумленно спросила мать.

— А крюшона,— отец крякнул, потирая руки,— холодненького. Из холодильника. Ты как?— спросил он Юру.

— С утра не употребляю.

Улыбка исчезла с отцовского лица.

— Ты, сын,— сказал отец, усаживая Юру,— человек взрослый. Вот и давай, как мужчина с мужчиной. Скажи, как ты относишься к дяде Косте Терновскому?

— К этому дяденьке я отношусь хорошо,— обреченно вздохнул Юра.

— Ах ты, ерш эдакий!— взъерошил Юрину шевелюру отец.— А ведь дяде Косте, то есть Константину Петровичу, плохо.

— Из-за аквариума, что ль?

— Да, именно из-за аквариума. Надеюсь, тут у нас расхождений нет? Это ты сам знаешь: должен — отдай. Таков закон общежития.

— А мы не в общежитии живем. У нас отдельная квартира.

Отец промолчал, стараясь никак не замечать досадные вылазки сына. А потом вдруг начал с другой, необычной и непривычной стороны:

— Юра, ты уже человек взрослый. И ты должен понять, что людей обижать нельзя, особенно таких, как Костя...

— Как Костя?! — живо откликнулся Юра.— Да он сам кого хочешь обидит. Быка может убить.

— И тем не менее...— продолжал отец. Снова поглядел на сына — на его отсутствующее лицо, на переминающиеся ноги — и подчеркнуто неторопливо стал развивать дальше свои мысли:— Жизнь прожить, Юра,— это, как известно... Н-да. Допустим, встречаются двое. Понимаешь, да?

— А как же!— весело и заинтересованно откликнулся Юра.

— Не так ты все это понимаешь, босяк!— раздраженно крикнул отец.— Ведь бывает, что кто-нибудь в кого-нибудь...

— Ну?— торопил Юра.

— Втюрился... А?— осторожно выговорил отец.

Мать засмеялась. Она стояла в дверях и слушала.

Александр Александрович дернул головой, словно был в тесном галстуке. Нет, совсем не тот получался разговор. А тут еще и жена слушает. Но он решил продолжать, чтобы потом выровнять беседу, и вдруг переключился на торжественно-назидательный тон:

— Сын, ты понимаешь, что такое любовь?

— Понимаю. К другому мужику она уехала!— выпалил Юра.

— Кто уехал?— растерялся Александр Александрович.

— Да Костина жена.

Мать охнула.

— Ладно, мать, придется уж! — махнул рукой отец и неожиданно для себя легкомысленно подмигнул Юре.— Все мы люди взрослые. Так вот, дядя Костя очень любил свою жену. Она была очень красивая. Был у него, между прочим, и сын. Пацан вроде тебя. А теперь все, что у Кости осталось,— это рыбки. И больше ни-че-го. Понимаешь? Никаких радостей. Вроде бы чепуха — рыбки. Но

вот если, скажем, отнять у тебя твой футбол. А? Что ты тогда будешь делать? Ну?

— Наверно, женюсь.

— Не смешно,— сказал отец, помрачнев.

Мать, однако, не смогла сдержать смех и вышла. Отец и сын молчали.

— Ну, мне пора,— сказал вдруг Юра и направился к двери.

— Ты куда? — закричал отец.

— К бабке еду, вот куда,— ответил Юра на ходу, потрясая тяжелым портфелем.— Вы, дорогие родители, совсем тово́...

И ушел.

После Юриного ухода родители больше молчали. Отец, правда, бормотал что-то типа «мало били». Потом сел сочинять письмо в станицу — надо было как-то обговорить приезд сына. Отец призывал бабушку не давать внуку потачки: «Помните, мама, он к вам не на дачу приехал». В конце отец сделал суровую приписку: «От неприятного разговора, Юра, не убежишь. Страусиная политика никого еще не спасала». Мать добавила: «Если б ты знал, сынок, как ты нас огорчил». Передала через Юру низкий поклон свекрови. А в самом низу крупными буквами вывела: «ЮРА, ПОМОГАЙ БАБУШКЕ. СПЕШИ ДЕЛАТЬ ДОБРО».

Когда хочется оттянуть неприятный разговор, люди начинают заниматься делами необязательными. Попросту заниматься «не делом». Отец объявил, что барахлит строчная развертка, и вскрыл телевизор. Мать же начала искать конверты. Искала, искала и, так как поиски не увенчались успехом, перешла в Юрину комнату. А вот он, конверт,— уголок торчит между учебниками. Мать потянула за уголок и вытянула распечатанное письмо. Она, конечно, не стала бы его читать — не такие были у них в доме нравы,— если бы не бросились в глаза грубые ошибки, которыми был усеян весь текст письма, как край крыши голубиным пометом. Прочла она следующее:

«НАШИХ БЬЮТ!!!!!!!!!!

Юра друг сдраствуй. Пишет тебе Заза из дома 29. Я живу в лагире в пионерском. Тут нас вчера зделала команда из саседнего лагиря счет 2:5. Былобы еще хуже да Хряк подковал ихнего форварта. Он его зделал незаметно. Он умеет, хороший паринь. Они правда зделали ему потом Кровопускова. Я хотел ему помоч, но ты знаеш, что я не боксер а правый полу средний. Приежай. 15-во будет еще мачт. Надо их зделать. Хряк играть отказываеца. Тут две оксилераточки за тобой интиресовались. Я им наврал, что твой Батя живет в Штатах и каждый месяц присылает тебе Шмотки на любой размер, Диски и прочие. Твои претки меня не любят, поэтому посылаю писмо через Гаги». Далее ужасный Заза обещал Юре «добрый харчь», добавив: «Может мы тут и башлями для тебя скинемся».

— Какая гадость! — воскликнула мать. Заза — противный узкоплечий переросток с запавшей

нижней челюстью и маленькими колючими глазками — друг ее сына!

Отец прочел это жуткое послание гораздо спокойнее.

— Чушь какая-то,— сказал он.

Ему было не до того: после налаживания строчной развертки телевизор, похоже, потребовал уже капитального ремонта.

— Надо сходить к Косте,— сказала мать.— А сперва на почту. Если отдать письмо прямо на сортировку, утром оно будет в станице.

Вернулся отец через два часа и с папиросой в зубах.

— Закурил! — ужаснулась мать.

— Терновский дал,— сказал отец и лег с папиросой на диван.

— Не знаю, что и делать,— добавил он немного погодя.

— Да ты хоть расскажи, что там! — волновалась мать.

Но супруг вдруг вскочил и поспешно ушел, пробормотав «на почту».

Довольно скоро он вернулся.

— Все. Ушло,— произнес он убитым голосом.

— Да в чем дело? — недоумевала, волновалась мать.— Кто ушел?

Александр Александрович только что-то досадливо мычал.

— Наверно, полный разгром, битое стекло, кругом вода? — наводила жена мужа на разговор.

— Вода, вода, кругом вода...— неожиданно пропел Александр Александрович, схватил мать на руки, как маленькую, и закружился с ней по комнате, продолжая петь сильным и вполне красивым баритоном:

— Письмо они уж отослали,
Я не успел его перехватить...

Слова в мелодию не укладывались, и Юрин отец замолчал. Тут его испуганную жену наконец осенило: случилось, наоборот, что-то очень хорошее, вот муж и развеселился. Вскоре он осторожно усадил жену на диван и рассказал следующее.

Их сын, оказывается, вскоре после своего футбольного бандитизма был у Терновского. Они вместе с Костей заменили разбитое стекло, причем Юра даже порезался («Помнишь, у него палец завязан был?»). И вообще произвел на Костю самое благоприятное впечатление. Он, оказывается, после этого был у него еще два раза. А они и не догадывались.

Если бы родители знали подробности Юриного визита к Терновскому, они бы радовались еще больше.

В тот день (кажется, на третий после рокового удара) Юра, сильно труся, подошел к двери Терновского и позвонил. И вот перед ним вырос мощный дядя в сетчатой рубашке.

— Я...— начал Юра.

— Я узнал тебя,— сказал Терновский.— Заходи.

Хозяин дома молчал, и Юра молчал. Наконец Терновский бросил:

— Родители послали?

— Да, в общем, нет,— промямлил Юра.— Вот на ремонт и вообще,— с этими словами он достал из кармана 25 рублей,— деньги, которые копил на футбольную форму «адидас».

— Тогда, в общем, садись,— задумчиво повторил в тон ему Терновский.— Что еще скажешь? И вообще.

Тут Юру потянуло сказать что-нибудь красивое, подобающее моменту. Типа: «Это мой долг». Или: «Я честный человек». Нет, пожалуй, уместнее отделаться игривыми словами какого-нибудь нэпмана из кинофильма про чекистов: «Надеюсь, предпочтете наличными?» или «Позвольте уплатить по векселю». Но слова сами вырвались:

— Совесть, наверно, меня замучила.

Почти как по писаному. Есть слова, которые часто слышишь, читаешь, но сам никогда не произносишь. И вот, на тебе, произнес.

Константин Петрович, похоже, оценил эту необычность.

— Тебя зовут Юра, так? И ты, Юра, хочешь сказать, что испугался, как бы я тебе...— крутанул здоровенным кулаком. В сетчатом рукаве, как зверь в клетке, метнулся туда-сюда гигантский бицепс.

— Как раз и нет,— нахмурился Юра.— Да я от вас бы в случае чего убежал.

— Значит, если бы ты разбил аквариум у какой-нибудь... скажем, изящной тетеньки, тебя бы все равно мучила совесть?

— Ну.

— Потому что тетенька нажалуется отцу, тот снимет ремень и...

— Отец меня не бьет,— отмахнулся Юра.— Просто мне...

— Тебе было бы стыдно смотреть этой тетеньке в глаза?

— Да,— согласился Юра и смутился.

— Вот ты какой! — всерьез изумился дядя Костя.— А если бы никто, понимаешь, никто не видел, что ты натворил. Тогда как?

Юре уже понравилось чувствовать себя хорошим, и он с ответом не затруднился:

— Я бы все равно пришел.

— Куда? — не понял Терновский.

— Ну, к этой...— замялся Юра.— Ну, к изящной тетеньке.

Оба диковато посмотрели друг на друга и вдруг покатились, сраженные долгим, неукротимым хохотом.

— И смех, и грех,— сказал Константин Петрович, отсмеявшись.— Да ты, Юра, настоящий пионер (он зачем-то говорил «пионэр»). Деньги забери. Лучше помоги мне вставить новое стекло. Видишь, какую ты тут брешь пробил? А ну забери деньги! — грозно прикрикнул он.

Юра огляделся. Вся задняя стена комнаты была составлена из светящихся зеленым светом больших, средних и совсем маленьких стеклянных блоков. Это были аквариумы, а в них среди водорослей где суетливо сновали, а где степенно шествовали по невидимым водяным тротуарам рыбы самой разной формы и окраски. Но Юру это особенно не взволновало. «Как в ростовском зоомагазине»,— думал он, стараясь не задерживать взгляд на «бреши» — длинном мертвом прямоугольнике в центре зеленой стеклянной стены.

Потом дядя Костя пригласил гостя за стол. Разлил по чашкам чай, поставил сахарницу. Юра поискал глазами ложку.

— Ах, ложки нет! — спохватился хозяин.— Айн момент.

Вышел из комнаты и вернулся с ложкой.

Юра положил себе сахар и стал размешивать. Но что это? В руке у него оказался лишь черенок, а все остальное растворилось. Юра с изумлением разглядывал маленький плоский кусочек металла. А дядя Костя — тот опять весело смеялся.

— Что, брат, здорово я тебя купил, а? — сквозь смех говорил он.— Эта ложка, дорогой друг, сдела-

на из сплава Вуда. Он настолько легкоплавкий, что плавится даже в горячей воде.

— Вот это класс! — восхищенно воскликнул Юра.— А у вас нет еще одной такой ложки? Я бы дома такое устроил!

— Могу сделать — я ведь по сплавам работаю. Сейчас мы разрабатываем сплав, который плавится при температуре человеческого тела. Представляешь?.. А теперь — раз пришел — будем стекло вставлять.

В понедельник вечером вдруг необычным каким-то звоном зазвонил телефон. Отец, который все еще перепаивал телевизор, зажал трубку между плечом и ухом. Издалека послышался голос его матери. Слышимость была плохая, но стало ясно: что-то случилось.

— Мама! Успокойтесь! — кричал Александр Александрович.— Письмо?.. Ну да. Как!.. Откуда вы звоните?.. Из сельсовета? Фу-ты, ничего не слышно!

Юрина мать стояла рядом и переживала.

— Веся, выключи паяльник. Да, мама... Что?.. Что он натворил?

Их неожиданно разъединили.

— Ну, дела...— сказал отец.— Юры у бабки нет.

— Значит, он у Зазы,— обреченно произнесла мать.

— Хорошо еще, если у Зазы! — закричал отец.— Где это дурацкое письмо? Там был обратный адрес.

— Я его порвала и выбросила...

И началась нехорошая суета.

Юрина мать пошла к Гаги и рассказала все его матери. Вдвоем они стали выяснять у Гаги, в каком лагере обретается Заза. Гаги сурово молчал, отвернувшись к окну. Юрина мать долго и выжидающе рассматривала резкий профиль юного джигита на фоне окна, но так ничего и не дождалась. Ей даже показалось, что Гаги ее презирает.

В дверях Гагина мать вполголоса сказала:

— Жаль, отец уехал. Он бы его заставил говорить. Сходите к родителям Зазы. Его, кажется, зовут Захар. Дом 29, а вот квартиру не знаю. Фамилия то ли Скачков, то ли Прыжков...

Искать Скачкова-Прыжкова пошел Александр Александрович. У дома-башни № 29 сидели гении информации — старухи. Юрин отец очень надеялся на их коллективную мудрость. И зря надеялся: ничего они, эти бабушки, не знали. Хотя и обрадовались свежему человеку. Оставалось одно — сходить к Славику, который вполне мог знать Зазу по футбольной линии.

Заза Кочкин — это шпана,— прямо в двери затараторила Стефаненкова, узнав о цели визита Юриного отца.— Мы с ним дела не имеем. И с вашим Юриком тоже. Особенно после того, как он инсинуировал кражу — и тю-тю...

Александр Александрович попятился.

Мать,— сказал он, вернувшись домой,— поговори со Стефаненковой. Она что-то знает, но я с ней разговаривать не могу.

Мать вернулась только после полуночи.

— Ну? — спросил Юрин отец, который, естественно, не ложился.

— Юрка в Москву уехал,— еле выговорила мать и заплакала.

Потом немного успокоилась и стала рассказывать. Несмотря на всю взволнованность, она очень долго говорила о том, как трудно было ей вытягивать правду из Славиковой матери.

— Короче, короче,— морщился отец.

И мать перешла к сути.

Их сын поехал в Москву покупать для Терновского рыб, которых загубил. Каких-то особо ценных рыб. Так сказал своей матери Славик. Что еще? Славик и Юра не поделили какой-то бумажник. Но это, конечно, чепуха. Сам Славик побывал в милиции: торговал раками у ларька и попался. Мать держит его под домашним арестом — ей кажется, что все только и говорят о коммерциях ее сына...

Александр Александрович молча смотрел на луну за окном.

— Значит, наш сын поехал в Москву, чтобы купить Косте рыб...— произнес он.— Это хорошо. А самое главное, знаешь что? Он обещал завтра приехать. Помяни мое слово — завтра он будет здесь.

Во вторник Юрина мать была выходная, а отец обещал отпроситься пораньше. Сегодня должен

приехать сын — может быть, с четырехчасовым. Если он, конечно, ездил в Москву, а не к Зазе.

Мать волновалась сначала в комнатах, а потом вышла волноваться на балкон. Время, казалось, шло без своей обычной неумолимости — мешкало, топталось на месте. Внизу сидели старухи и медленно грызли семечки. Отдельно от них дышала воздухом Матильда, гулявшая с таксой: тоже медленно, почти неподвижно. А такса была похожа на статуэтку. Минуты, вместо того чтобы чинно идти в затылок друг за другом, разбредались, присаживались, может быть, даже грызли семечки или закуривали тонкие папироски. Будильнику на телевизоре, наверно, было за них неловко: он уже целых полчаса показывал сначала двадцать пять минут третьего и еще полчаса — без двадцати пяти три...

Отец, как и обещал, пришел с работы раньше. Не успел отдышаться, как на пороге возник Юра.

Он был усталый, запыленный и даже с подбитым глазом. К тому же он был явно болен. В руках он держал абсолютно некрасивый букет из засохших цветов — обещанный гербарий. Войдя в квартиру, Юра прямо-таки упал на руки родителей букетом вперед.

II. ДРИБЛИНГ

Под оханье матери и смущенные взгляды отца Юра лег в постель — болеть по всем правилам. Что-что, а это он, надо полагать, все же заслужил. Когда мать заходила к нему, чтобы поправить подушку или еще за чем-нибудь столь же необязательным, он притворялся спящим. Но он не спал: много, слишком много было у него мыслей — и о прошлом, и о предстоящем. Много всяких опасений и предчувствий.

ЮРА ПОБЕЖАЛ С МЯЧОМ В ДЛИННОМ, БЕСКОНЕЧНОМ ДРИБЛИНГЕ.

ЭТО БЫЛ НЕ СОН. ПРОСТО ЮРА ПОГНАЛ НЕВИДИМЫЙ МЯЧ — СВОЮ ПАМЯТЬ ПО ПОЛЮ: ПО ВРЕМЕНИ И МЕСТУ НЕДАВНИХ СОБЫТИЙ.

...— Ну, мне пора,— сказал Юра и направился к двери.

— Ты куда? — закричал отец.

— К бабке еду, вот куда. Вы, дорогие родители, совсем тово.— И вышел.

ДРИБЛИНГ НАЧАЛСЯ С ШАХТЕРСКОЙ — ДЛИННОЙ ОДНОЭТАЖНОЙ УЛИЦЫ. Здесь Юра бывал редко. Около калитки, однако, грелось на раннем утреннем солнышке знакомое существо — как две капли воды похожее на соседского кота Ромку. Наверно, его сестра или дочь. В их городе много таких кошек — в серых пятнах, с белой мордочкой, грудью и лапами. В других местах, наверно, преобладают какие-нибудь другие — рыжие, например, или черные... Что это он вдруг о кошке? А это его незаметно взял под руку ЮАГ и повел, показывая то кошку, то водонапорную башню, видневшуюся из их окна (а тут вот она!), то развилистый тополь, на который они как-то лазили с Толиком; то тетеньку в очках с толстыми стеклами — кассиршу из их магазина. Вон где она, оказывается, живет — на этой одноэтажной улице. Вышла из избушки № 59 и пошла в свой магазин...

ЮАГ был грустно-задумчив. В таком настроении привел он Юру Голованова к железнодорожной станции и исчез.

К перрону подкатил московский поезд. Кончалась торопливая посадка. Проводники у вагонов стояли ленивые, но зоркие.

Юра быстро осмотрелся и вдруг увидел очень медленно продвигающуюся к поезду совсем старую старушку. Интересно, как ей удастся забраться в вагон по его крутым ступеням? Да еще с таким здоровенным чемоданищем. Тут Юру и осенило.

— Бабушка, я тимуровец! — кинулся он к бабке.— Меня отрядили помочь вам при посадке.

— Ой, спасибо, внучек! — радостно запричитала бабка.

Они подошли к вагону. Проводница сказала:

— Ваш внук, бабуля? Какой молодец!

Ее никто не опроверг. Бабке было не до того. Она не могла чувствовать себя спокойно, пока не поднимется по ступенькам, пока не разыщет свое купе, пока не поставит чемодан куда положено и не сядет на свое законное нижнее место (а тем самым и на чемодан).

— Как помог-то, как помог! Давай, милок, я тебя пирогом угощу, с сыром. Сама пекла. Ну-ка, подержи,— хлопотала бабка.

Юра держал открывающуюся крышку-лежанку, а бабка с трудом достала из чемодана что-то завернутое в полиэтилен, развернула и протянула Юре. Юра не отказался: важно было выиграть время, и он стал жевать вкусную ватрушку — тщательно-тщательно, как старик.

— Ну что, добрый молодец,— возникла в дверях проводница,— пора прощаться?

Юра все же выиграл пару секунд — дожевал ватрушку и сказал:

— До свидания, бабушка. Пойду до наших,— и двинулся к выходу.

Дойдя до него, вдруг повернул обратно.

— Ну, в чем дело мальчик? — схватила его за руку проводница.

— П-портфель забыл,— возбужденно заикаясь, выговорил Юра.

Он вбежал в купе, схватил портфель, но тут поезд тронулся.

— Ну, давай живее! — закричала проводница.— Еще успеешь!

Юра примерился, поглядел на уплывающую из-под ног землю и сказал:

— Не, боюсь.

— Ты что, смеешься? — возмутилась проводница.— Трусишка нашелся! Вот я тебя сейчас к начальнику поезда сведу!

Но зачем было куда-то ходить, если вот она на стене — такая удобная, сподручная вещь. Стоп-кран. Поезд дернулся и замедлил ход.

— А ну, живо! — прозвучала команда.

Приехали...

Юра поплелся к билетной кассе. А касса, она, наверное, просто существовать не может без длинной очереди. Только дотоптавшись до окошечка (вот что значит неопытность), Юра разглядел маленький квиток на стене: «Билетов на Москву нет».

— А может, один билетик найдется? — спросил он.— Какой похуже. Рваненький. Можно и на товарный. Или на паровозную трубу.

И тут откуда-то сбоку появился разбитной старичок — оттолкнул Юру плечиком и стал стучать небольшой книжечкой о подоконничек, приговаривая что-то спокойное, веселое, с прибаутками. Вскоре он придирчивым старческим оком рассматривал выданный ему билет.

— Так на Москву, оказывается, есть? — сунулся Юра в окошечко.

— Работникам системы МПС полагается,— неохотно ответили ему.

А старичок тот снова толкнулся в окошко:

— Вот что, дорогуша, сделай мне все же на нижнюю. Небось полным-полна коробушка. Знаем мы вас! — лукаво глянул на очередь, словно все его здесь очень любили, и добавил: — Пожалей меня, зазнобушка!

— Молодецкого плеча! — закончил выступление хилого старичка какой-то парень, и все невесело рассмеялись. Юра же тянул свое:

— А этот билет мне продайте. Зря я, что ли, такой хвост отстоял?

— И правда,— сказала какая-то тетка.— Мальчонка небось не зря в Москву едет. Вон как хлопочет. А то развелось много этих самых, которые без очереди, мелиораторов,— ни к селу ни к городу добавила она.— Чернильницы только по конторам осушают. Чернила много, а порядку мало. Поезда пустые ходют, а билетов нет.

— А вы чего встреваете? — окрысился «мелиоратор», сразу утратив всю свою обаятельность.

Окошко захлопнулось, и за стеклом закачалась табличка: «Обед».

«Мелиоратор» зашелся от ярости. Он начал было стучать в стекло, а потом повернулся к Юре:

— Из-за тебя, сопливец. Да я тебя...

Юра поспешил исчезнуть.

Отойдя от кассы, он нос к носу столкнулся со Славиком.

— Здорово, Рокфеллер! — приветствовал его Юра.

Приветствие прозвучало довольно весело.

— Салют, дистрофик! — ответил Славик. Вот он-то на самом деле находился в очень хорошем деловом утреннем настроении. В руках у него была красивая спортивная сумка, в которой, наверно, и обитали вареные раки. Славик делал бизнес. И делал успешно: все раки сегодня мгновенно были распроданы, и веселый Славик шел домой.

— Отдуплился! — радостно пояснил он.

Он даже кое-что рассказал Юре, солидно посматривая по сторонам. Говорил приглушенным голосом. Держался, как крупный хозяйственник.

— Есть тут одно место — мешок раков за день собираю. В кипяточек, да посолить, да лаврушки кинуть. Цена по конъюнктуре. Усек?

Настолько он был доволен, что даже спросил, как дела у Юры.

— Плохо,— просто ответил Юра, что-то надумав.— В Москву еду.

— Это еще зачем? — насторожился Славик.— Какое-нибудь дело?

И Юра сообщил ему следующее. Пусть Славик не думает, что история с аквариумом просто так рассосалась. Ему, Юре, приходится ехать в Москву за рыбами — те, которые погибли у Кости, только там и есть. Костя, кстати, считает, что аквариум разбил Славик. Кулак его видел?

Потом Юра отвел Славика в сторону, достал бумажник, вынул из него деньги, потом вложил обратно три рубля и закончил так:

— А сумку отдай в камеру хранения. Чтоб легче бежать.

И они разошлись.

Подошел одиннадцатичасовой. Кажется, «Баку — Москва». Юра, как важный деятель с туго набитым портфелем, приблизился к вагону № 8.

— Это вагон номер восемь? — вежливо спросил он проводника.

— Ха! Ты что, мальчик, арифметики не знаешь? — ответил ему проводник с очень сильным кавказским акцентом.— Номер восемь. Точно.

Юра нарочито медленно достал и стал открывать бумажник. Стал в нем копаться, и тут как вихрь налетел на него Славик. Вырвал бумажник — и бежать. Юра оторопел и к месту прирос. «Деньги! Билеты!» — хныкал он. Поезд тронулся. Но проводник на ходу втащил Юру в вагон.

...Юра не мог тогда знать, что Славика задержала милиция и тому пришлось отдуваться и за бумажник, и за раков одновременно. Но, к счастью, все в конце концов обошлось...

Поехали!

— Не скучай, мальчик, по деньгам,— сказал проводник.— Где твое место?

— Да я не запомнил. Ни к чему как-то было,— объяснил Юра.

— Вот молодой,— забеспокоился проводник.— Да вот здесь твое место, слушай. Других в моем вагоне свободных нет. Значит, это твое.

Он открыл дверь крайнего двухместного купе. Юра вздрогнул и попятился: на верхней полке устраивался «мелиоратор».

— Вот,— сказал проводник.— Этот мужчина, согласно билету, проживает наверху. А ты, значит, согласно логике, внизу. Располагайся, безбилетник,— пошутил он и ушел.

— Очень хорошо! — тут же заскрипел Юрин сосед, свесив с верхней полки ноги в белых шерстяных носках.— Своим, заслужённым работникам на верхние полки билеты суют, а сосункам, соплякам вниз,— и замолчал, но тут же вздрогнул от посетившей его мысли: — Эй!

— Ну! — ответил Юра.

— Баранки гну! Почему тебя кацо безбилетником назвал?

— А это у меня фамилия такая,— ответил Юра.

— Ага. Ну вот я тебя в милицию в Харькове и сдам.

— Это за что?

— А за фамилию. Их там такие фамилии очень интересуют...

Поезд подошел к станции. В коридоре зашумели, и через секунду с грохотом в купе вдвинулся здоровый дядька в соломенной шляпе и с огромным чемоданом. Свой законный билет он, как наган, нацелил на Юру.

— Мабудь, туточко,— сказал он, однако, добродушно.

Юра не стал дожидаться, пока добродушие на лице здоровяка закономерно сменится чем-нибудь похуже. Подхватив портфель, он бросился вон из купе и столкнулся с проводником.

— Э, слушай,— сказал тот.— Билета у тебя нет. Я могу этим фактом пренебречь. Но чтоб тут тебя не было. Этот высокопринципиальный товарищ не бог весть какая шишка, а нервы истреплет. Понимаешь?

— Понимаешь, — ответил Юра. — Субординация. Только я, наверно, не в тот вагон сел. Помню, что четный... В этом поезде мои едут папа и мама. А я должен был к ним подсесть. Пойду искать.

— Ну-ну,— сказал проводник. И тут же с тяжелым неуклюжим стуком (такой услышишь только в поездах) отскочила дверь купе и показалась неторопливая, но неуклонная фигурка «мелиоратора». Юра заспешил к тамбуру.

Перенажимав множество угловатых дюралевых

ручек, переоткрывав и перезакрывав большое количество тяжелых дверей, пройдя по двум тревожно елозившим под ногами железным листам в гулком переходе, он оказался в следующем вагоне — в шикарном международном. Но Юру он не потряс — не до того сейчас было.

Он стоял у окна и смотрел на убегавшие километровые столбы, на уходящие перелески и уплывающие просторы. А какая-то отдаленная вышка, наподобие нефтяной, наоборот, суматошно бежала вместе с поездом.

— ...Бишка, фу! — закричала где-то рядом Матильда.

Юра очнулся. Он, оказывается, дома. Лежит на тахте. Наверно, задремал на миг. Потому что в этот миг Матильда представилась ему молодой и рыжеволосой. Она держала ракетку от пинг-понга, на которой весело прыгал беленький шарик. Не очнись Юра, неизвестно, куда бы завел его дриблинг воспоминаний.

За окном повторился голос Матильды:

— Бишка, ко мне! Ну, кому я говорю!

Матильда. С нее все неприятности и начались.

И ЮРИНА ПАМЯТЬ ПОНЕСЛАСЬ В ПРОШЛОЕ.

Она, эта барынька, то ли из старинного кинофильма про даму с собачкой, то ли из полузабытого стиха («...картину, корзину, картонку...»), оказывается, певала по праздникам на общественных началах. Песня была одна и та же: «Черноглазая казачка подковала мне коня». Забрел как-то Юра в красный уголок ДЭЗа и обомлел: Матильда — руки в боки, глаза лукаво и озорно сверкают, будто и впрямь молодая казачка, а не осколок прошлого с таксой. Голос низкий, звучный. За роялем сидела Инга Фомина, Матильдина подруга, и вполне прилично возделывала двумя руками клавиатуру. Хотя по виду она была типичная сплетница.

Юре тогда показалось, что эти две подружки стали на правильный путь. Но нет, такие не исправляются. Прибегает как-то Толик, запыхавшись,

и говорит: «Матильда хочет наши Лужники прикрыть». И показал то, что ему удалось сорвать с ДЭЗовской стенгазеты:

...не пора ли
Ужасный прекратить футбол?

Вы нашу просьбу не забыли? —
Волнуется пенсионер —
Пока нам окна не разбили,
Разбейте перед домом сквер.

И вторят инженер, учитель,
И ветеран, и пионер,
Взывая к ДЭЗу: пощадите!
Разбейте поскорее сквер.

М. Серебряная.

Матильдин стих, однако, восстановили, хотя, конечно, он был странным, особенно про пионера. Но жильцы забеспокоились — решили, что лучше устроить на пустыре детский городок. Они (в основном бабушки и прабабушки) не оплошали и тоже создали свой стих: «Не хочем мы, чтоб в скверах под окошкими гулял народ с собачкими да с кошкими и т. д.». Стихи эти в газету не взяли, но созвали собрание жильцов и большинством порешили так: всем миром взять топоры, лопаты, грабли, пассатижи и другие инструменты, взять да и создать на пустыре что-нибудь хорошее для малышей.

И вот как-то утром на пустырь заявились два дядьки. Они принесли доски и попросили юных футболистов не тревожить их, трудяг, своим мячиком. Очень культурно попросили. Руководил строительством песочницы грузный добродушный дядька в синем комбинезоне и с трубкой в зубах — Ян Яныч. Как он своим рубаночком: вжик, вжик! Или: шурк, шурк! Как он своим молоточком с красной (чтоб в стружках не затерялся) ручкой: р-раз! — и гвоздь с одного маху по шляпку уже в дереве. Высшей квалификации труженик. Похож на передовика из социалистической страны, но наш, только «прибалт», как говорил отец.

Вот и попробуй теперь этого симпатичного дядьку забыть. Выкинуть из памяти всю его добродушную добросовестность! И забыть его худющего напарника — русского умельца, который старательно выводил при помощи долота по краю песочницы резной узор. Выводил и замысловато улыбался, сложив губы трубочкой: это все, дескать, ерунда. Но раз уж меня попросили, то с нашим удовольствием...

Когда эти двое пошабашили и ушли (а Ян Яныч еще дважды с удовлетворением оглянулся на работу рук своих), из песочницы сделали ворота, расположив ее стоймя. Стали забивать голы — для особого смака даже без вратаря. Удар — и дикий вопль: «Никаких пес-с-сочниц!» С нажимом на «с»: пес-с-сочниц. Еще удар, и: «Никаких пес-с-сочниц!» И все бы это ничего. Но потом песочница загорелась. Кажется, потому, что рухнула и чуть не отдавила им ноги. То есть как бы проявила агрессию. Сам Юра не поджигал — он «только» сбегал за спичками. Да еще по дороге прихватил стружек — заприметил, куда отнесли их аккуратные мастера. Большой добротный квадрат снова поставили вертикально, обложили стружками и все с тем же воплем: «Никаких пес-с-сочниц» — подожгли...

И ЮРА, ЗАСКРИПЕВ ЗУБАМИ, УДАРИЛ ПО НЕВИДИМОМУ МЯЧУ

Он снова находился в поезде «Баку — Москва».

— Мальчик, ты ведь не из нашего вагона?

Юра вздрогнул и обернулся: перед ним стояла красивая и злая блондинка-проводница. Пожав плечами, Юра хотел двинуться дальше, но проводница уже схватила его за руку.

— Нет, ты не оттуда пришел. Вертай в свой вагон. Если, конечно, он у тебя есть.— И посмотрела на Юрин портфель.

Юра с тоской в походке пошел обратно. К счастью, из купе перед ним вышел очень толстый человек. За ним выпорхнул женский голосок: «И купи чего-нибудь вкусненького». Бодро справляясь с ручками, толстяк направился в опасный восьмой вагон, а Юра — следом и немного сбоку. Благополучно миновав опасный участок (правда, в какой-то момент Юре показалось, что по нему скользнул безразличный, но всевидящий кавказский глаз), он перешел в следующий вагон и остолбенел.

Вагон-ресторан! Здесь пахло шашлыками, стояли столики. На них в металлических загончиках подрагивали (а не было бы загончиков, то, верно, покатились бы!) бутылки с нарзаном...

Немного оробев от этой железнодорожной неожиданности, Юра не сразу посторонился, чтоб пропустить одного интересного пассажира. А интересен этот пассажир был тем, что нес, ловко зажав между пальцами обеих рук, громадное количество желтенньких веселеньких бутылочек «Фанты». Нарядный фокусник из цирка! С таким вот все ясно: купил человек «Фанту» и скоро будет ее уютно распивать на своем законном месте.

А мы сейчас им тоже фокус покажем!

Юра с решительным достоинством направился к буфету и, взяв две бутылки «Фанты», двинулся обратно.

Нарочно шел медленно, чтоб напороться на «мелиоратора».

И напоролся. Тот посмотрел на Юру, на бутылки и ничего не сказал. Кажется, оценил. Кавказец тоже увидел Юру и спросил:

— Нашел своих?

— Да,— небрежно ответил Юра.— Вот батя за «Фантой» послал.

— Большой Макаренко твой батя,— заметил проводник, оценивающе оглядел Юру и вдруг сказал: — Дай портфель.

«Не пропадет»,— почему-то сразу решил Юра и отдал портфель.

Прошел в международный, заперся в туалете и, зацепив за вентиль, открыл одну бутылку. С удовольствием выпил. Постоял. А потом, зажав рукой под рубашкой полную бутылку, он с пустой бутылкой на виду двинулся обратно. «Мелиоратор» тоже двигался с «Фантой» и вдруг (кто бы мог подумать!) спросил:

— Еще возьмешь?

— Безусловно,— ответил Юра и нахально добавил: — Мы тут рядом, в международном.

Естественно, идя «домой», он нес на виду полную бутылку, идя же в «ресторан» — пустую. Вслед Юре уже показывали пальцем, а какая-то женщина сказала:

— Это ж надо всякую совесть потерять, чтобы так гонять хлопца.

«Точно,— подумал Юра,— пора закругляться.— Не помешало бы теперь (разве мы не белые люди?) и посидеть в ресторане».

Наверно, ресторан уже закрывался — все его работники сами сидели за столиками и ели. Здесь

же находился и проводник-кавказец, с кем-то беседовал. Официантка, зевнув, подала Юре меню.

А Юра, ощупав карман, вдруг похолодел: деньги, переложенные из бумажника, исчезли. Плакали денежки, и Юра чуть не плакал. Теперь, если ссадят, то и домой не доберешься: в кармане всего рубль бумажный, рубль металлический, да, может, еще и мелочью рубль наберется. Итого, трешник... Снова подошла официантка. Вид у нее был усталый и презрительный.

— Дайте бутерброд с колбасой и чай,— уныло распорядился Юра.

А деваться-то ему некуда. Тогда он еще заказал нарзану, потом решился на второй бутерброд. Расплатился. Глядел в окно на убегавший вечер. Что было делать?

Делать можно было многое. Много можно было еще совершить в этой жизни бессмысленных поступков. Например, залезть под стол. Так Юра и поступил, предварительно оглядевшись. Под скатертью его не было видно. «Буду здесь ночевать»,— решил он. Совсем поглупел человек от горя. Нет чтобы пробираться в общий вагон, где вообще не поймешь, кто на каком месте сидит.

А тут еще перед ним чьи-то запоздалые ноги появились — да не чьи-то, а те самые, в белых шерстяных носках... «Мелиоратор»! Ноги вытянулись — в Юру уткнулись.

— Эва! — сказал старичок, заглянув под скатерть.— Да это никак опять ты. Да я смотрю, у тебя еще другая фамилия есть — «Шпион»!

Он побагровел и вдруг как стукнет кулаком по столику:

— Эй, вы, начальники! Эй, повара! У вас человек поесть спокойно может? Или как? — И уже дрожащими пальцами вытаскивал свою знаменитую эмпээсовскую книжечку: рефлекс такой у него был. Другой же рукой приподнимал скатерть.

А под скатертью Юрины кеды, а под скатертью Юрины брюки, а под скатертью и сам весь Юра Голованов... Все. Сейчас арестовывать будут добра молодца.

Появился проводник-кавказец.

— Зачем шумишь, товарищ дорогой? Не нервничай, пожалуйста. Мы сейчас этого безбородого очквтирателя выдворим. Ну, заяц! — наклонился он к Юре.— Выходи!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К ОБЛОЖКЕ

Виталий БАНЕВУР:

«Работал на революцию...»

Увидев на обложке фамилию Баневур, многие из вас удивятся. А может, и возмутятся. Ошибка! Опечатка! Не Баневур, а Бонивур!

Поверьте, опечатки никакой нет. Бонивура никогда в действительности не существовало.

А как же роман? Фильм? — вновь слышим мы возмущенные голоса.

Спросим в ответ: а как же быть с «Повестью о настоящем человеке»? Ведь Мересьева тоже никогда не было. Был и есть Маресьев.

Писатель пишет не протокол истории, а литературное произведение. Он вправе давать своим героям любые фамилии. И все же Борис Полевой назвал Маресьева не Ивановым, а Мересьевым. А Дмитрий Нагишкин поменял в фамилии Баневура всего две буквы. Почему? Видимо, потому, чтобы всем и сразу было ясно «с кого» написаны их книги. Но чтобы судили об этих книгах не по правилам протокола, а по правилам литературы.

Девять лет Дмитрий Нагишкин собирал материалы и писал свой роман «Сердце Бонивура». Более тридцати лет его читают в разных странах и на разных языках. Есть правда жизни и правда вымысла. В романе Нагишкина вторая уверенно следует за первой. Те, кто читал книгу, смотрел фильм, увидят за внешними коллизиями сюжета суть человеческого характера не Бонивура — Баневура. Характера бойцовского, романтического.

А теперь откроем Советский энциклопедический словарь. Читаем: «БАНЕВУР Виталий Борисович (1902—22), один из руководителей комсомольского подполья во Владивостоке, герой Гражданской войны. Член ВЛКСМ с 1920 г. Убит белогвардейцами».

От большинства людей осталось лишь тире между датами. От него — пять строчек. 20 лет жизни, и пять строчек. Как же надо было прожить эти короткие 20 лет, чтобы оставить след в истории?

Вы, быть может, скажете: время другое. Героем тогда было стать легче. Казалось, героикой пропитана сама атмосфера.

Но разве и тогда не жили люди по принципу «моя хата с краю»? Разве и тогда биографии многих двадцатилетних не получались составленными всего из трех глаголов «родился, учился, женился...»?

Героем быть трудно всегда. А во времена, когда воздух буквально прошит свинцом,— тем более. Нас не расстреляют за смелый поступок. Не загонят под ногти иглы за честное слово.

И когда мы боимся сказать такое слово, и когда мы не решаемся на такой поступок, давайте вспомним Виталия Баневура.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Когда многое хочется изменить в своей организации, полезно посмотреть: а как живут пионеры других стран? Может, и нам что-то подойдет из их опыта?

Специальный корреспондент «Юнкоровского поста» побывал в гостях у польских харцеров. Вот что он рассказывает.

Есть у харцеров такая традиция: каждый член организации должен чему-то научиться, пройти испытание и получить нашивку, подтверждающую, что он умеет делать то-то и то-то. Называется это «справнощь» — по звучанию близкое к русскому «справился». Таких «справнощей» и знаков отличия у харцеров пять десятков. По нашивке видно, кто ты: спортсмен, музыкант, умеешь фотографировать или мастерить, переплетать книги или играть в самодеятельном театре... А есть и такая нашивка — человек полностью может обслужить себя: и поесть приготовит, и одежду починит, если она в походе разорвалась, умеет свое платье постирать и погладить... Еще есть хорошая «справнощь» — один день думать о харцерстве. Разве не полезно иногда задуматься, зачем ты в этой организации, что для нее сделал, чему в ней научился?

Но самая, наверно, ценная нашивка — три птичьих перышка за три серьезных испытания, к которым допускаются харцеры с опытом и стажем, не раньше пятнадцати лет. Чтобы заработать эту нашивку, надо день и ночь провести в лесу, одному. Еще день не брать ни крошки еды в рот, а на третий день не промолвить ни слова. Обычно это испытание проходит в летнем лагере. Когда вожатый видит, что ты к нему готов, он отпускает тебя в лес с заданием: например, днем спрятаться так, чтобы тебя никто не нашел (а искать будут всем лагерем), а за ночь пройти определенный маршрут и сделать карту местности. В другой день ты голодаешь. Есть на свежем воздухе хочется, но надо уметь терпеть. И еще день ты молчишь. Тебя пытаются втянуть в разговор, неожиданно окликают, смешат, но ты должен сдержаться.

Получишь нашивку с тремя перышками: значит, за годы харцерства стал человеком волевым, закаленным, смелым.

У харцеров такая традиция, а у нас — пионеры-инструкторы. Только звание инструктора у нас присваивается старшим пионерам, и значок, который они получают, одинаков для инструкторов всех направлений.

А вы, наши читатели, подумайте: чему вы научились не в школе, не у родителей, а в пионерской организации? Может быть, вам в отряде, дружине тоже разработать систему различных испытаний и тем, кто их прошел, вручать нашивки? Нашивки можно придумать самим и вышить их цветными нитками на кусочках ткани.

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

18 февраля — 110 лет со дня рождения М. И. Ульяновой (1878—1937), участницы российского революционного движения, советского партийного и государственного деятеля, сестры В. И. Ленина.

«Нашей мимозой» называл ее в письмах Владимир Ильич.

Неизвестно, как возникла эта подпольная кличка Марии Ильиничны. Вероятно, не случайно.

...Мария Ильинична была человеком исключительной душевной чистоты, строгой к себе и окружающим. Ее глубоко оскорбляли проявления грубости, двоедушия, себялюбия, жадности — даже если они сказывались в мелочах.

А. Зуев «Делать хорошо» из сборника «М. И. Ульянова — секретарь «Правды».

23 февраля 1988 года — Советской Армии и Военно-Морскому Флоту 70 лет.

***23 февраля** — 45 лет со дня гибели А. М. Матросова (1924—1943), гвардии рядового, Героя Советского Союза.*

Еще помнил Александр: сотни глаз с надеждой устремились на него и ждут. Ждут города и села, ждет народ, чью правду и мудрость принес он сюда. Нельзя обмануть веру людей в комсомольца...

И он стремительными прыжками побежал вправо, как бы мимо дзота, потом, почти поравнявшись с ним, резко свернул влево и, подаваясь левым боком вперед, побежал к задымленной, черной, изрыгающей огонь амбразуре и грудью своей закрыл ее.

П. Журба «Александр Матросов».

ВОЗНИК ВОПРОС

Здравствуй, «Юнкоровский пост «РВС»! Хочу поговорить с тобой. В нашей школе проводится, и очень часто, сбор подписей в защиту мира. Вот у меня и возник вопрос: кому нужны наши подписи? Какую пользу они приносят? Даже если эти подписи и дойдут до Рейгана, то что, он сразу испугается и станет выполнять наши желания?

Читатель из Волгоградской области свою фамилию не назвал.

От «Юнкоровского поста «РВС»:

В прошлом году сразу после раздела «Возник вопрос» мы печатали комментарии старших. Сегодня же предлагаем вам самим ответить неизвестному автору из Волгоградской области.

Как в вашей дружине пионеры выступают в защиту мира?

Для чего нужны подписи?

Ваши новые идеи, предложения — как дети могут бороться за мир?

На конверте напишите: **«В защиту мира»**.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «ПОСЧИТАЕМ — ПОДУМАЕМ»

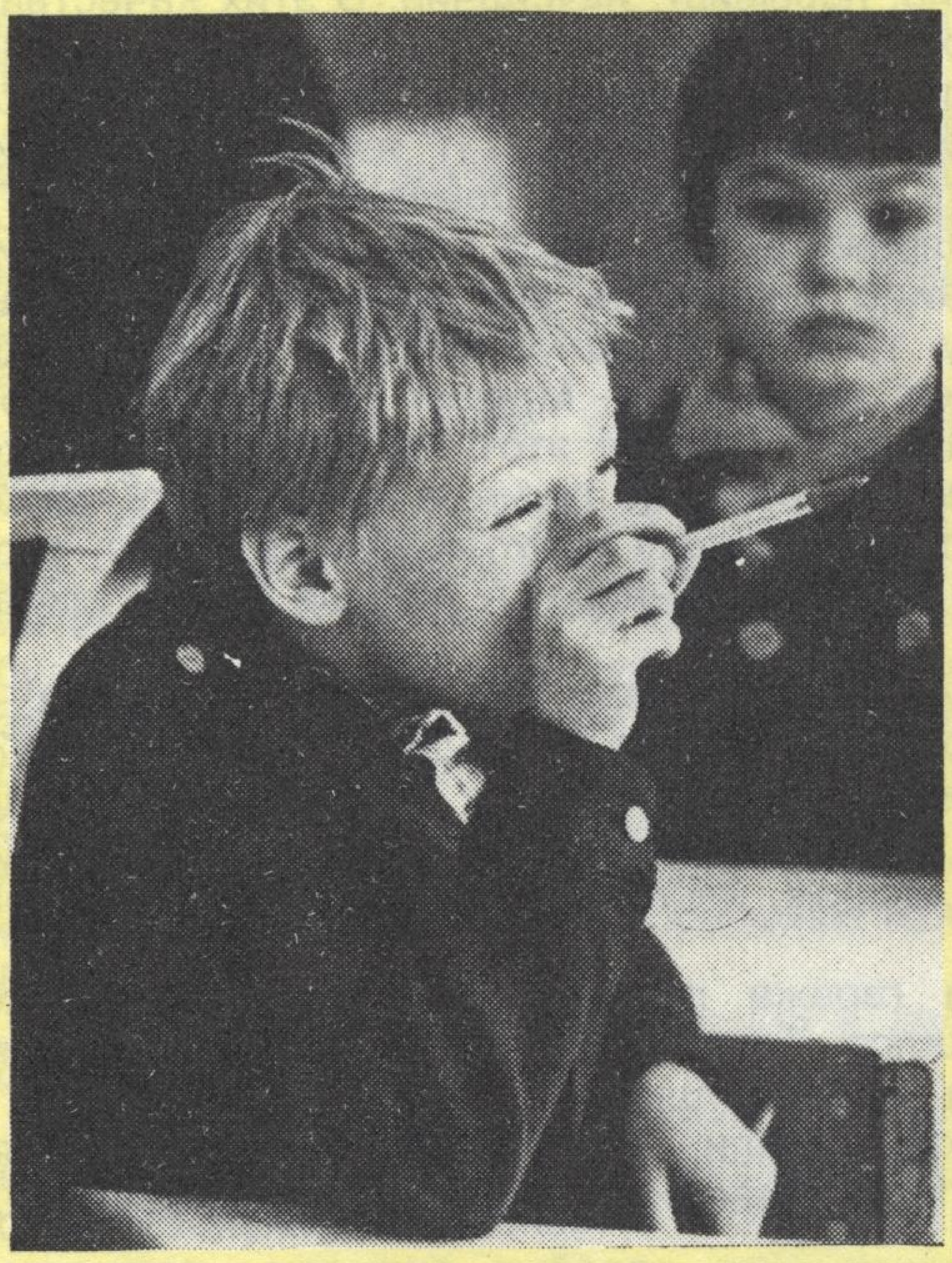
29 сентября прошлого года «Пионерская правда» изложила постановление бюро ЦК ВЛКСМ «Об итогах IX Всесоюзного слета пионеров».

ЦК поддержал предложение пионеров самим выбирать себе отрядных вожатых.

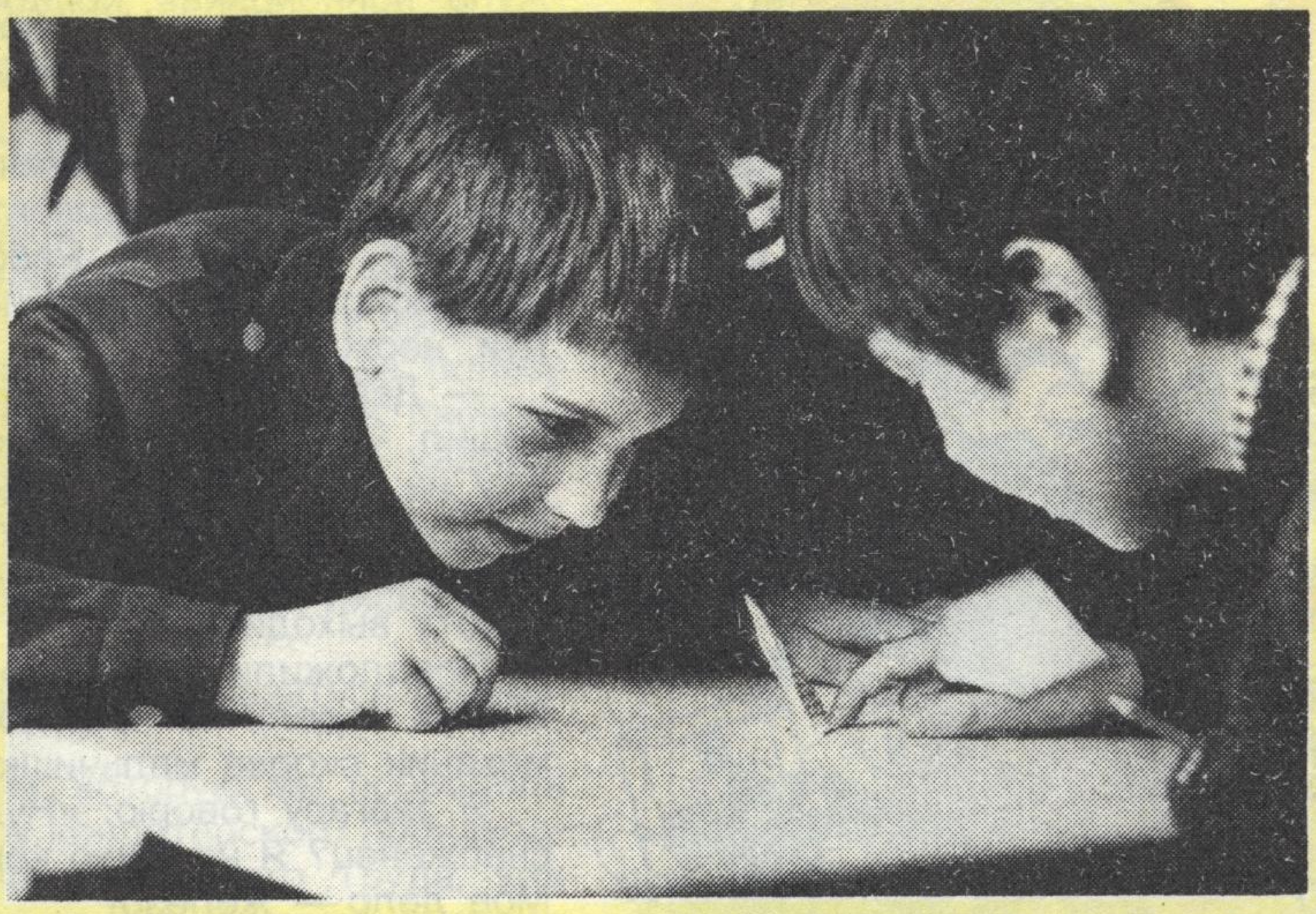
ЦК также рекомендовал райкомам, горкомам, окружкомам комсомола ввести пионеров в советы пионерской организации.

Юнкоры! Знаете ли вы отряды, где пионеры сами выбрали себе вожатого? Сообщите нам адреса этих отрядов.

Кто от вашей дружины вошел в районный или городской совет пионерской организации? Напишите нам фамилию этого пионера, школу, поселок (город). На конверте поставьте девиз **«Важное задание»**.



ВОТ ВЫ КАКИЕ — ПОДШЕФНЫЕ! — *Фоторепортаж Владислава ЗИМНИЦКОГО, ученика 9-го класса школы № 658, г. Москва.*



ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

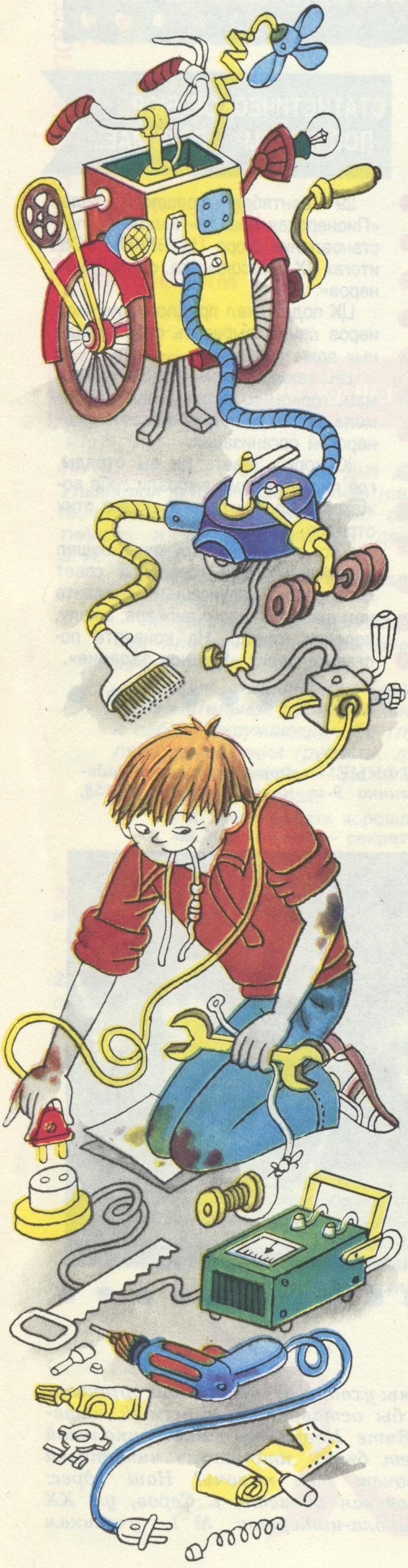
Наш отряд борется за присвоение ему имени писателя Николая Островского. Просим откликнуться те отряды, которые уже носят это имя. Наш адрес: 625019, г. Тюмень, ул. Республики, д. 223, кв. 194, Элле Хамидуллиной для отряда 6 «Б» класса.

* * *

В этом году мы уходим из пионерской организации и хотели бы оставить интересный материал о герое Вите Новицком нашей школьной дружине. Может быть, кто-то из читателей «Пионера» захочет нам помочь? Наш адрес: 624440, Свердловская область, г. Серов, ул. XX партсъезда, школа-интернат № 1, ученикам 7 «А» класса.

Анатолий МАРКУША

ЕСЛИ ЧЕРЕПАХА СНИТСЯ ПО НОЧАМ...



В письмах, при встречах с ребятами и родителями постоянно звучит тревожный вопрос: а как правильно выбирать профессию? Когда? И как бы не ошибиться при этом?

Пожалуй, я многих огорчу, если начну с того, что дать разумный совет — кем быть — заочно совершенно невозможно. Один с малых лет обожает копаться во всякой технике, разбирать и собирать игрушки, потом настоящий велосипед, позже — мотоцикл, а другой или чаще другая, как начала в детском саду лечить своих кукол, так и в пятнадцать лет не может оторваться от этого занятия...

Тут важно принять во внимание не только увлечения и склонности человека, но и его характер.

Представь, ты нетерпелив, порывист, неусидчив. В этих качествах ничего угрожающего нет, хотя они могут кому-то не нравиться. Но я бы не рискнул уговаривать нетерпеливого и неусидчивого человека идти, например, в часовщики или ювелиры. Тут явная несовместимость человеческих свойств с требованиями ремесла.

Однажды далеко за Полярным кругом свела меня судьба с механиком-универсалом. На Михаиле Ивановиче вся зимовка держалась: наладить движок — к нему, трактор не запускается — к нему, ножи в столовой затупились — кто выручит? — Михаил Иванович... И вот так — нужным и незаменимым — прожил этот человек на зимовке многие годы. Хочу заметить: ему было не легче, а может быть, даже труднее, чем другим. Работать механику приходилось на улице, терпеть мороз, пургу и прочие прелести Севера. А дальше самое, пожалуй, неожиданное.

— Двадцать лет прошли,— рассказывал мне Михаил Иванович,— решил: «Довольно! Сколько можно белым медведем прикидываться?! Еду на юг, к морю». И поехал. Купил домик в Туапсе — деньги за двадцать лет арктических трудов кое-какие скопились — три месяца купался и загорал. Одним словом, наслаждался! А потом пора и на работу выходить.

Предложили механиком гаража работать. Согласился. Однако и двух недель не продержался. Почему? По материковым понятиям механик скорее мальчишка на побегушках.

Я завгару говорю: «Нужны детали». А он мне: «Достань!» Что я, снабженец? Я не умею контакты заводить, звонить, договариваться... Мое дело — железо!

Покрутившись год на материке — так полярники называют любу землю, кроме заледенелых берегов Ледовитого океана,— он пришел к выводу: не надо мне ни винограда, ни ласкового моря, если свое кровное, «железное» здесь заставляют делить со снабженческой суетой.

Чувствуете, куда поворачивается разговор?

Чтобы правильно выбрать профессию, надо не с закрытыми глазами идти в ПТУ, техникум, институт, надо прежде изучить себя, познать свой характер и тогда только прикидывать, какое занятие, какой о б р а з жизни тебе подойдет больше.

Как исследовать свой характер, узнать свои сильные и свои слабые стороны? Скажу со всей откровенностью — тут на словах мало что можно решить. Надежнее испытать себя д е л о м.

Если человеку в тринадцать лет доставляло удовольствие возиться с радиосхемами, если радиоуправляемая черепаха, построенная в кружке Дворца пионеров, снилась ему по ночам, если он радостно орудовал паяльником и не выходил из себя, когда припай вдруг не хотел схватывать проводничок, наверное, электроника — подходящее для этого человека занятие.

— Но я заикаюсь,— горестно сказал мне на одной встрече в Доме пионеров мальчик Митя.

— Заиканье не помешает тебе работать ремонтным механиком электронной аппаратуры, например. Тут не так много разговоров, тут нужны спокойная сосредоточенность и проворность не языка, а рук...

— Мне тоже телевизионные дела нравятся, но я не могу себе представить, как это можно каждый день с такого-то до такого-то времени высиживать на одном месте? — сказал Сашка, парень непоседливый, быстрый.— Как представлю себе эту контору, ох!

А кто тебя заставляет замыкаться в стенах цеха или ремонтной мастерской? Разве нет экспедиционной работы? Знаешь, сколько электронщиков работают в геологических экспедициях на земле, сколько — в Мировом океане, сколько связаны с авиацией? В море, в тайге, в грозовых облаках над всеми понятиями господствует одно: надо! Так что тут никто «от» и «до» не отсиживается: когда надо, так надо, а нет — отдыхай или повышай свой общеобразовательный уровень.

Наш сегодняшний разговор не даст никому конкретных адресов, куда можно обращаться за помощью и советом. И все-таки я уверен: от этого разговора должна быть польза.

Какая?

В письмах, которые я получаю от читателей, довольно часто встречается такая мысль: мне четырнадцать или пятнадцать лет, я мечтаю об... авиации, например. Подскажите... Какую подсказку просят корреспонденты, не так важно, удивляет другое — человек вымахал под два метра ростом и вместо того, чтобы активно жить, вместо того, чтобы действовать на пользу собственной мечте, он еще только рассуждает...

Спрашиваю у такого болельщика авиации: а на перекладине ты сколько раз подтянуться можешь? Где авиация использует гидравлические системы? А почему у скоростных самолетов крылья стреловидные? Знаешь, что радиообмен международной авиационной службы ведется на английском? Знаешь? Отлично. А говоришь поанглийски?

Я думаю, вы меня уже поняли: мечтать мало, надо действовать.

И нет такой профессии на земле, к которой не было бы возможности готовиться заранее. Прежде всего старайтесь больше читать об интересующем вас ремесле, присмотритесь к делу. И будьте уверены, будущему медицинскому работнику любого ранга пойдут на пользу занятия в кружке юннатов; будущей учительнице — работа пионерской вожатой, возня с малышами в подшефном детском садике; слесарю, механику, инженеру — знакомство с дядей Витей из соседнего гаража, который даст ему потрогать живые кольца и поршни автомобильного двигателя, тормозные колодки, накладки диска сцепления.

Даже самая малая причастность к делу может оказаться решающей в вашей жизни.

Помню, на встрече с восьмиклассниками, которую мы проводили в Доме союзов, кто-то задал вопрос мастеру кондитерского производства, заслуженной женщине, Герою Социалистического Труда, как случилось, что она выбрала себе именно такую специальность — кондитера. И озорной голос вылетел из зала вдогон за серьезным вопросом:

— Или вы очень сладкое любите?

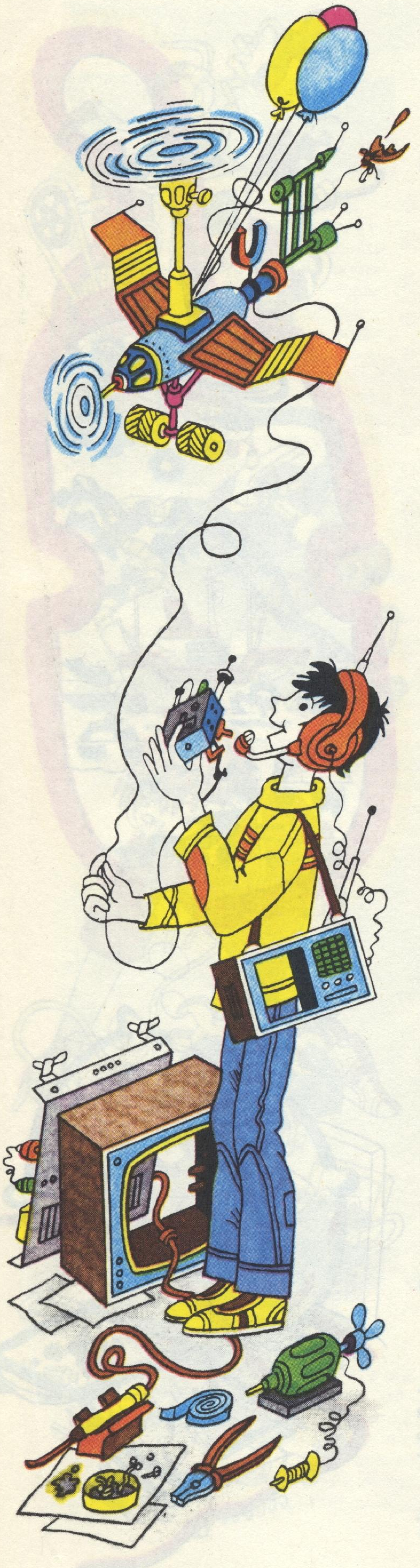
Все засмеялись.

Женщина улыбнулась:

— Сладкое я не очень, нет... скорее, селедку люблю. А кондитером стала, наверное, потому, что мама с восьми лет приучала меня готовить. И больше всего мне нравилось ставить, а потом месить тесто... Когда оно подходит, если все правильно сделаешь, оно вздыхает, ну, совершенно как живое...

И после секундной паузы добавила:

— Учтите, кондитер обязательно должен быть добрым человеком!



Тут все зааплодировали. А уже знакомый озорной голос взметнулся снова:

— Иначе тесто скиснет?! Да?

Тесто, может, и не скиснет, а вот ты удовольствия от своего труда не получишь...

Замечу попутно, все настоящие мастера наделяют душой технику, на которой работают. Прислушайтесь к разговору старых пилотов и вы непременно услышите: «Хитрая, гадюка...» или: «Нервный аппарат, с ним осторожно надо». Это о самолетах... Опытный литейщик, рассказывая мне о тонкостях выплавки спецстали, заметил вскользь: «Все ничего, но чистая истеричка, чуть перегрел — все...»

Одухотворение работы, труда — еще один предупредительный сигнал: выбор надо делать так осмотрительно, чтобы по душе оказалось вам ремесло.

И тут еще один вопрос из письма: «А так ли плохо попробовать одну специальность, а потом, если не по нраву окажется, перейти на другую работу?»

Ответить одним-двумя словами на этот вопрос нельзя.

Если человек имеет такую установку: сегодня я водолаз, завтра — электромонтер, потом — официант в ресторане и так далее, это плохо. И плохо вот почему: перелетая от дела к делу, как бабочка от цветка к цветку, он едва ли сможет стать настоящим специалистом хоть в какой-нибудь области. А оправдание перед людьми и перед самим собой у него готово: я же ищу!

Но если человек, став, допустим, учителем или врачом, понял, что при выборе он ошибся, что любви к детям у него нет, что сострадания к больным он не испытывает и круто изменил свой курс и сделался, допустим, газетчиком, вполне возможно, что его профессиональный опыт принесет ему только благо. Врач может стать и артистом, а инженер — биологом. Мне встречались бывшие летчики, что отлично работали на междугородных автобусах и чувствовали себя на месте, видел я и отставного моряка, творившего чудеса на всех решительно станках большого механического цеха. Кто превращается в кого — не суть, суть в том, что превращения такие возможны. Важно понимать, что полученный диплом, свидетельство, любой документ, утверждающий вас в специальности, не вечен, не абсолютен. Особенно в наши дни.

Жизнь развивается и видоизменяется так быстро, что всем, решительно всем людям с первого и до последнего дня трудовой жизни приходится учиться, узнавать что-то новое, сдавать зачеты. Это в глубокой старине можно было стать на всю жизнь кузнецом, например, и трудиться, ни о чем не заботясь. Сегодня инженерных знаний блистательному выпускнику вуза может хватить не больше чем на 5 лет, а там усовершенствуйся, подтверждай, что не отстал от жизни.

Приведу вам еще один пример из близкой мне области. Как вы думаете, на что больше всего времени тратит современный командир воздушного корабля, скажем, Ил-86, или Ан-26, или Ту-154? Только не говорите — на полеты! Нет. Абсолютное большинство времени затрачивается на подготовку к полету, на тренаж, на подтверждение своей готовности выполнить задание. И все летающие люди — рядовые и генеральского ранга — регулярно сдают зачеты, подтверждая, что они могут и дальше носить звание летчика такого-то класса. А зачетов десятки: материальная часть, навигация, средства связи, наставления, метеорологическая служба и так далее, и так далее.

Ну что, запутал я вас, взявшись отвечать на вроде бы простой вопрос: как выбрать профессию?

Иначе ответить не мог, не мог бодренько объявить: у нас все профессии в стране одинаково почетны, берись за любую — не пропадешь.

Так в чем же смысл нашего разговора?

Я думаю, он и прост, и сложен: под лежачий камень вода не течет. Хотите взять судьбу в собственные руки, не откладывайте ничего на потом, действуйте! И еще: разочарований не надо бояться, всякую ошибку можно исправить, если человек владеет обстоятельствами своей жизни, а не обстоятельства гонят его, как сухой листок... Значит, что ж? Характер воспитывайте в себе: собственный, сами, и тогда счастье обязательно найдет вас.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Гирихан ГАГИЕВ

Игра в войну

Пыль столбом,
И крик лихой.
Во дворе грохочет бой.

Бой идет не понарошку.
Мины — старая картошка.
Дот — подвальное окошко.
Самоходка — самокат.
Тут не ящики, а танки.
Тут не тачки, а тачанки.
А в сарае полбуханки
На обед для всех солдат.
Но пойдут они к обеду,
Лишь отпраздновав победу.

А пока
идет пальба.
Здесь война,— а не игрушки!
И стреляет громче пушки
Без прицела и без мушки
Водосточная труба.

Бьет Мамед из пулемета —
Не промажет пулемет.
Если ж будет ранен кто-то —
Фатима достанет йод,
И вернется сразу в строй
Перевязанный герой.

Слева пушки,
Справа танки,
А на самом дальнем фланге
Наступает Магомет.
У него в руке зажата
Помидорная граната.
И врагу пощады нет!

Командир кричит:
— Вперед!
Гром гремит.
Война идет...

Только вдруг на поле боя
Стихло все само собою...
Только вдруг на поле боя
Появился человек —
Седина, как белый снег.

В тишине слегка бренчали
На его груди медали
«За отвагу»
И за Прагу...
И стучал его костыль,
На ходу взметая пыль.

Где был бой —
теперь затишье.
И сказал ребятам Миша,
Бывший строгий командир:
МИР!

Перевел с ингушского
Николай ЛАММ.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Глеб НАДЕЖДИН

ВОЛШЕБНЫЙ дневничок

До чего иногда неохота возвращаться из школы! Так и оставался бы там до начала следующего дня! Но, как не устает повторять мой папа, чему бывать, того не миновать.

В прошлую субботу, придя домой, я долго раздевался в коридоре, потом минут десять мыл руки. И уж только после этого, оставив дверь в ванную открытой, вышел на кухню.

Мама, папа и моя трехлетняя сестренка Ира обедали. Папа, как всегда, уткнулся в журнал и, держа в руке ложку, с упорством преследовал носившуюся по тарелке толстую фрикадельку. Мама кормила Иру.

— А вот и Коля пришел! — воскликнула мама при моем появлении. Папа пробурчал что-то невразумительное, а Ира начала таращить на меня глаза. Пользуясь моментом, мама всунула ей в рот полную ложку каши.

— Не хоч-фу-у!!! — захныкала Ира и подпрыгнула так, будто собиралась делать сальто-мортале.

— Ну, не капризничай! Коля тебе сейчас сказочку расскажет! — неожиданно объявила мама.

— Не знаю я никаких сказок! — отрезал я, усаживаясь за стол. Настроение у меня было паршивое.

— Ну как же? — Мама сделала большие глаза.— А про школу? Расскажи сказку про школу!

Я чуть не свалился со стула. Хороша сказка! И вдруг меня осенило.

— Ладно уж. Есть тут одна сказочка,— сказал я и покосился в сторону папы.— Про волшебный дневничок.

— Жила-была девочка Ирочка,— начал я, как только мама зачерпнула новую ложку каши.— Она была тихая и скромная. Мамочка и папочка нарадоваться на нее не могли. Однажды собрала Ирочка портфельчик, положила в него учебнички, тетрадочки, ручки и дневничок — это книжечка такая волшебная — и отправилась в школу.

Шла Ирочка, шла, песенки пела, пряники жевала и пришла к большой двери.

Открыла она дверь, а за ней два больших-пребольших мальчика стоят. А на руках у них красные повязочки.

— Здравствуйте, мальчики! — приветливо сказала Ирочка.

— Здравствуй, девочка Ирочка,— сказали мальчики.— А почему у тебя нет мешочка с тапочками?

Ирочка расстроилась, чуть не заплакала.

— Я его случайно дома забыла,— ответила она.

— А мы тебя случайно в школу не пустим,— сказали мальчики.

— Пустите меня! — взмолилась Ирочка.— Пожалуйста! Я очень в школу хочу!

— Ну, хорошо,— согласились мальчики.— Проходи. Ты девочка славная, послушная. Открывай-ка портфельчик и доставай-ка, милая, дневничок.

— А зачем? — удивилась Ирочка.

— А мы тебе в дневничок сказочное опозданьице запишем. Не наказывать же тебя!

Делать нечего. Достала Ирочка дневничок, и записали ей большие мальчики опозданьице да еще и замечаньице.

Здесь я остановился, чтобы перевести дух. Папа сидел, по-прежнему уткнувшись в журнал. Мама не очень одобрительно покачивала головой.

— А дальше? — потребовала сестра.

— А дальше? Дальше побежала Ирочка в класс. Прибежала, отдышалась, села за стол и сидит тихо-тихо. Вдруг ни с того ни с сего входит тетенька учительница и говорит:

— Покажите, детки, свои домашние заданьица!

Полезла Ирочка в портфель, а тетрадки с заданьицем и нету. Сказала она учительнице, что тетрадку дома случайно забыла, а учительница ей отвечает:

— Очень хорошо. Очень замечательно. Принеси мне, Ирочка, дневничок!

— А зачем?

— Не наказывать же мне тебя! Я в нем цифирку двоечку нарисую. Очень мне порисовать захотелось.

Принесла Ирочка дневничок, нарисовала учительница двоечку, да еще и красными чернилами, чтобы красивей было.

Прозвенел звонок. Выбежала Ирочка на переменку. Бегала она, бегала и случайно поскользнулась. Туфелька соскочила с ее ножки и почти до самого потолка подлетела. Ударилась она в лампочку. Лампочка разбилась, и посыпались ее стеклышки как раз на голову добренькой тети завуча.

— Ай-ай-ай! — сказала завуч.— Кто разбил лампочку?

— Это не я! — сказала Ирочка.— Это моя туфелька! А я не виновата.

— А как тебя зовут?

— Ирочка!

— Очень я люблю честных детей! — сказала тетя завуч и облизнулась.— Принеси мне дневничок, и запишу я твоей туфельке предупрежденьице!

Открыла завуч Ирочкин дневничок, почитала, что в нем написано, да как ахнет, да как накатает туда маленькое предупрежденьице на всю страничку. Совсем страничка некрасивая стала.

— А дневничок и взаплавду волшебный! — перебила меня сестренка.— Илочку никто не шлепает, а только все лисуют и лисуют в нем.

— Посмотрим,— сказал я и продолжал: — Так вот, стала Ирочка думать, что же ей дальше делать. Думала она, думала и наконец придумала. Нашла она укромный уголок, достала дневничок и только собралась вырвать плохую страничку, как тут откуда ни возьмись появляется перед ней дяденька директор.

— Ага! — сказал директор.— Девочка Ирочка? Знаю, знаю! Пойдем-ка ко мне в кабинетик!

Поволок он Ирочку в кабинет, а там и говорит:

— Зачем это ты хотела дневничок испортить?

— А там страничка плохая, мне не нравится!

— И что тебе в ней не нравится?

— А некрасивая!

— А ты разве не знаешь, что страничка эта вовсе не для тебя, а для твоих мамочки и папочки написана? Дай-ка мне, милая, дневничок, я туда еще что-нибудь напишу!

— Ах, боже мой! — не выдержав, всплеснула руками мама.— И что же он написал бедной девочке?

— А написал он такое... такое... что заплакала Ирочка, зарыдала, полились в три ручья ее слезоньки, и грозит ей теперь уж-жасное наказание!!! — закончил я сказку громовым голосом.

— Ну и ну! — проворчала мама.— Зачем рассказывать малышам плохие сказки? Ира вырастет и еще в школу не захочет идти! Зачем напугал ребенка?

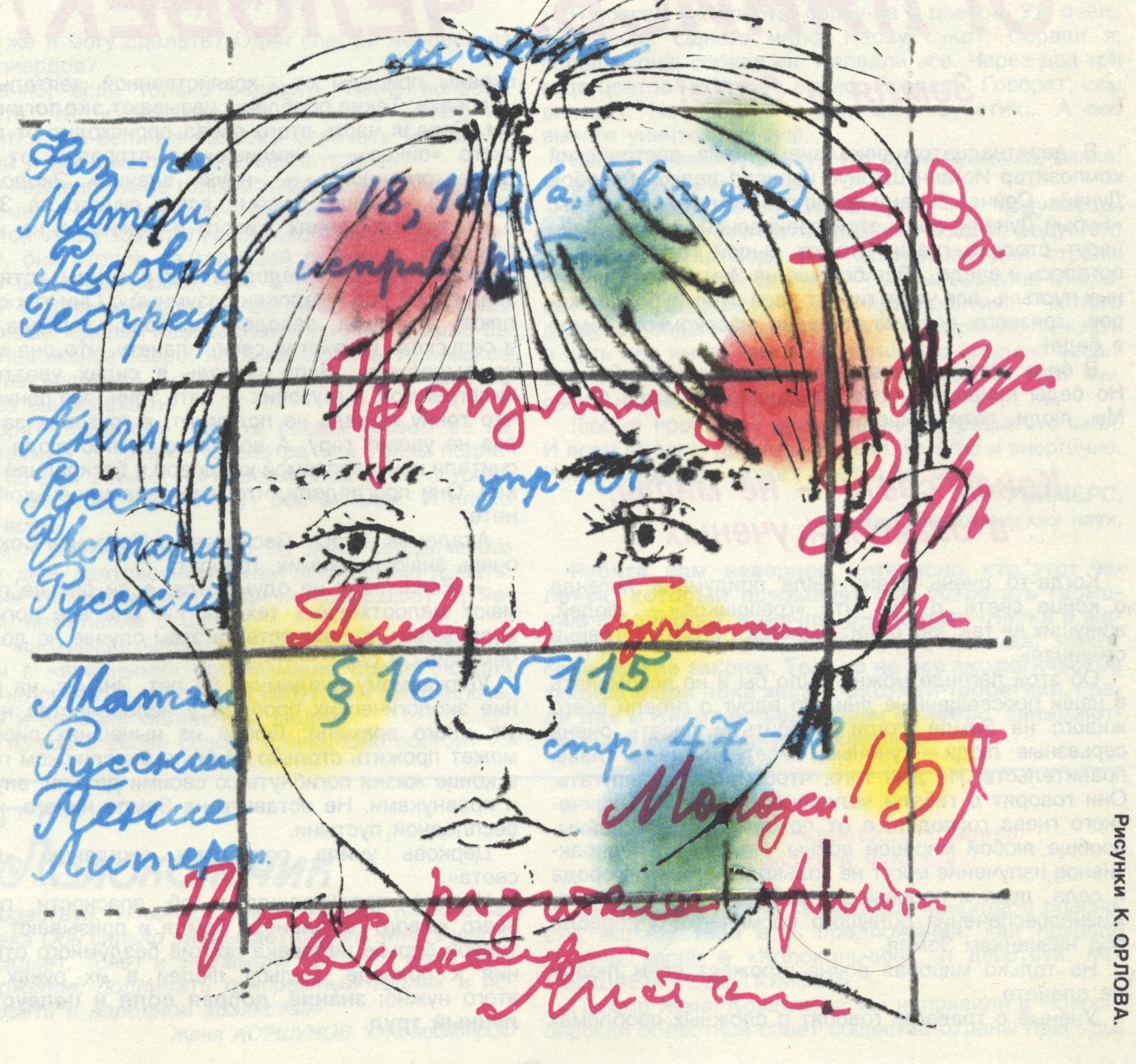
— Школа есть школа! — заметил я и повернулся к папе.— Чему бывать, того не миновать.

— Вот я выласту и пойду в школу,— проговорила Ира, проглотив ложку каши,— но никогда-никогда не возьму этот плотивный волшебный дневничок! Потому что он ябеда!

Отложив журнал в сторону, папа молчал и пристально глядел на меня.

— Ну-ка, тихий и послушный мальчик Коленька, покажи мне свою волшебную книжечку. Я хочу почитать, что там написал дяденька директор! — вдруг сказал он странным голосом и потянулся ко мне.

Я оказался проворней. Папа еще только приподнялся со стула, а я уже сидел в ванной, закрывшись изнутри на крючок.



Рисунки К. ОРЛОВА.

В Школе Ойкос-Логос

ОГЛЯНИСЬ, ЧЕЛОВЕК!

Земля в беде!

В девятнадцатом веке знаменитый австрийский композитор Иоганн Штраус написал вальс «Голубой Дунай». Сейчас бы ему пришлось назвать этот вальс «Бурый Дунай»: воды этой прекрасной некогда реки несут столько грязи, что от былой голубизны не осталось и следа... Все больше на Земле безжизненных пустынь, все чаще гибнут леса от вырубок, пожаров, грязного воздуха, полчищ насекомых. Земля в беде!

В беде реки и озера, моря и океаны. Вся Земля. Но беды природы — это прежде всего наши беды. Мы, люди, дети природы.

Конец света — не мифы, а опасения ученых

Когда-то очень давно была придумана легенда о конце света, о том, что «грешников» — людей, живущих не так, как велит церковь, поглотит «геенна огненная».

Об этой легенде можно было бы и не вспоминать в наши просвещенные дни. Но вдруг о гибели всего живого на Земле стали говорить и писать очень серьезные люди — ученые, писатели, даже главы правительств. Не для того, чтобы кого-то запугать. Они говорят о гибели человечества не от мифического гнева господня, а от пожара атомной войны, вообще любой мировой войны. Пожары и радиоактивное излучение могут не только испепелить города и села, леса и посевы, но разрушить всю систему жизнеобеспечения большого космического корабля под названием Земля.

Не только мировая война угрожает всем людям на планете.

Ученые с тревогой говорят о сложных проблемах охраны природы от... хозяйственной деятельности человека. Такие проблемы называют **экологическими.** Первая часть этого слова происходит от греческого «ойкос» — «жилище», а вторая — от тоже греческого «логос» — «наука, знание». Экология — наука о жилище, о доме всего сущего на Земле, о взаимоотношениях живого и неживого на нашей планете.

Люди оказались недостаточно разумны, хотя и назвали свой вид «Человек разумный». Они так отравляют отходами заводов, фабрик, городов, сел и сельского хозяйства свою планету, что она может не выдержать. Если лошадь в силах увезти сто килограммов, а грузовик — пять тонн, все понимают, что тонну лошадь не поднимет, а грузовик за один раз не увезет гору. А вот свою Землю люди долго считали неисчерпаемой кладовой и бескрайней свалкой. Они проглядели, что живут на маленькой планете.

Академик Игорь Васильевич Петрянов-Соколов, очень знающий химик, говорит:

— Если люди не одумаются, если они не придумают малоотходных технологий, они все погибнут. И проживет человечество в этом случае не дольше, чем живу я сам...

Уважаемому академику 80 лет. Значит, на решение экологических проблем у человечества не так уж много времени. Любой из нынешних пионеров может прожить столько. И было бы слишком горько в конце жизни погибнуть со своими детьми, внуками и правнуками. Не оставить на Земле ничего, кроме бесплодной пустыни.

Церковь учила покорному ожиданию «конца света».

Ученые предупреждают об опасности гибели всего живого на планете Земля и призывают к активной борьбе человека против бездумного отношения к природе. Судьба людей в их руках. Для этого нужно: **знание, добрая воля** и **целеустремленный труд.**

Мир и я

Что же я могу сделать? Один слабый человек из 5 миллиардов?

Конечно, если только задавать такие вопросы и ждать, что кто-то сделает за тебя, ничего не получится. Но если на вопросы отвечать делом, то каждый и все вместе могут сделать все.

Еще недавно лихие головы думали: экологические проблемы — это не «наши» проблемы. Они, дескать, касаются лишь капиталистического мира. Действительно, они стояли за границей острее, а в нашей стране возникли позже, чем в других странах. Но и СССР они не миновали, не могли обойти. Пойми мы это раньше, сделай необходимые усилия, и было бы чище Ладожское озеро, не высыхало бы Аральское море, не возникло бы проблемы Байкала, многого удалось бы избежать.

Говорят: выбросим грязь в океан, увезем ее на необитаемые острова. Но завтра эта грязь поднимется со дна океана на поверхность, а на острова придут люди, острова станут обитаемыми. И плохо будет всем.

Нельзя жить одним днем. За днем сегодняшним придет день завтрашний. О нем необходимо думать.

Какие только ошибки люди не совершают от неумения, нежелания думать!

Вот ядохимикаты-пестициды. Их изобрели для борьбы с «вредными» организмами. Вроде бы для блага человека. А пестициды несут, как выяснилось, смерть и болезни миллионам людей.

Все живое в своей основе едино. Оно состоит из одинаковых веществ и, видимо, произошло из одного корня — от одних далеких предков, единых микроорганизмов. Если так, то как же можно изобрести вещество, которое бы убивало брата моего меньшего, но оставляло живым и здоровым меня? Человечество шло явно неразумным путем химической войны с природой, а значит, и с самим собой.

Да и откуда взялись сами «вредители»? В природе их просто нет. Там все связано между собой. Пусть нам жалко зайчика, что погибает в зубах у лисицы. Но и лиса не без врагов. А болеют равно и зайцы, и лисы: все в конце концов умирают. Их тела делаются вновь почвой, землей, на которой растут травы и кусты — пища зайцев. Почвой все начинается, ею и кончается. Происходит естественный круговорот веществ.

Но вот приходит человек, превращает смешанный лес из сосны, ели, дуба, клена, других древесных пород и кустарников в лес из одной сосны или из одной ели (так удобнее для хозяйства!). А то вырубает лес и на многие километры располагает поля с одной-единственной культурой. Монокультура. Однообразная пища. Нарушение обычного круговорота веществ. Если много однообразной пищи, возникает и много ее потребителей. Вот откуда «вредители». Ими могут стать и симпатичные зайчики.

Вновь не подумали. Не спланировали. Снова забыли, что мир и я, мои нужды едины.

И совсем уж просто: сорву-ка я цветок. Уж очень он хорош! Одного мало. Нарву букет. Сорвал я, сорвала она, сорвал он. Нарвали все. Через два-три года цветов что-то не видно. Пропали. Говорят, сам виноват. Но ведь я только один букетик... А все вместе уничтожили всё.

Брошу бумажку, банку. Что **одна** бумажка, банка! И вот уже **горы** мусора.

Вот вырасту, стану инженером. Ну, подумаешь, одно мое предприятие загрязняет воздух, воду. Что важнее: чистая вода или нужнейшая для страны продукция? Вон их сколько — воды, воздуха! Сколько? Мое предприятие, его предприятие... Чистого воздуха, воды нисколько. А что важнее: дышать и пить или иметь самую престижную, модную вещь? Ответ и без подсказки ясен. И снова: я и мы, остальной мир, все вместе одно.

Любые проблемы нужно начинать решать с себя. И всем вместе, дружной семьей. Быстро и энергично. Иначе будущего может просто не быть.

Н. РЕЙМЕРС,
доктор биологических наук.

Ребята, вам, наверное, интересно, кто этот человек, который призывает нас оберегать гармонию в природе? Конечно, он эколог. «Наука о жилище» так же, как математика, физика, имеет свои четкие законы. Только не все экологические законы люди пока знают. Экологи-теоретики, среди них и Николай Федорович Реймерс, занимаются выведением таких законов.

Колокольчик

«Здравствуй, «Пионер»! Выше города Камень-на-Оби река Обь сильно размывает берега. Много деревьев падает, тонет и захламляет реку. У меня есть предложение: поднимать прибрежный топляк и использовать в народном хозяйстве».

Женя КОРШУНОВ, г. Новосибирск.

От редакций журналов «Пионер» и «Природа и человек»:

Дорогой друг! Если ты видишь: природа в опасности, если у тебя есть предложения, как природе помочь, звони в «Колокольчик» и действуй. МЫ ОБЕЩАЕМ ТЕБЕ ПОМОЩЬ.

Письмо Жени Коршунова мы направили в Новосибирский областной совет общества охраны природы.

Ау, Зеленая Карета!

Свалки... Они бывают разными. Городскими — за них отвечают горсоветы. Но есть такие, которые возникли из-за нашей неряшливости, бескультурья.

Это свалки на обочинах железных дорог.

На опушке леса, у кромки поля, за дачным поселком.

Все так называемые **неучтенные** свалки.

Ребята! Мы призываем вас бороться с такими свалками. Экологический контроль за ближним лесом, лугом, дачным поселком, берегом реки вы вполне можете осуществить.

А теперь внимание! **Комикс «Клад» (выпуск 1).**

1

Помните, ребята, мы — сотрудники журналов «Пионер», «Природа и человек» — и лягушонок Ир двинулись в путь на поиски Зеленой кареты... По дороге нас нагнала машина с редакционной почтой. Среди писем мы нашли эту карту.

2

Лягушонок Ир помчался вперед. Трудно ему было бежать: мусора вокруг — на десять свалок!

5

1) Ребята! Организуйте несколько разведывательных групп, обследуйте свой район (ближний лес, парк, луг, берег реки).

2) О свалках, которые вы обнаружите, сообщите родителям, учителям, пионерским вожатым, а также тем, кто по долгу службы охраняет природу и с кем вы уже наладили связь.

3) Некоторые предметы со свалок можно сжечь. Но лучше свалку закопать. ВСЕ ЭТО ДЕЛАТЬ ТОЛЬКО СО ВЗРОСЛЫМИ. Помните, СВАЛКИ — ИНФЕКЦИОННЫЙ ОЧАГ, РАЗНОСЧИК ЗАРАЗЫ!

Зеленой кареты нигде не было. След ее колес терялся в тумане...

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Узел связи

Утро. Прибыла почта и «едет» по длинному-предлинному столу: распечатан еще конверт и еще... Стоп! Странный какой вопрос на тетрадном листке:

«МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК В ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ ЖИТЬ ОДИН?»

Как один? Совсем, что ли? Может, ушел в тайгу один пожить? А может, надеется в трюме какого-нибудь корабля плыть в дальние страны? Или в горы подался?

Но нет: «...Пишу один в пустой квартире. Никто не придет. Почему — не пишу. Нет особых причин, но я так решил. Разве нельзя, чтобы я жил сам, как получится? Игорь». К нему, к этому Игорю, не удастся съездить: на конверте только штамп «Оренб. обл.».

Все равно мы не угадаем, как, почему так вышло у Игоря, беда ли, каприз усадили его за письмо.

«Ответить через журнал!» — написал поперек письма главный редактор. А как отвечать? Что?

Наш красный телефон пусть теперь совсем раскалится — не можем же мы ни с кем не посоветоваться!

1 Ответ осторожный — юриста Елены Семеновны Минчиной.

Нет, у нас в юридической консультации никто никогда так не ставил вопрос. Этот мальчик... У него же появится миллион обязанностей! Надо содержать дом в порядке. Вместо своих родителей ходить на родительские собрания в школу. Придумал ли он, как зарабатывать деньги? А если они есть, то он не сможет их хранить в сберегательной кассе. И главная его обязанность — правильно воспитать самого себя! Если у него нет родителей, то, как полагается по закону, ему назначат опекуна, разыщут родственников, а скорей всего определят в интернат. Почему он не подождет хотя бы до шестнадцати?

2 Ответ решительный — прославленной летчицы Гризодубовой Валентины Степановны.

Во время войны, когда я командовала авиаполком, в перерывах между боевыми заданиями мы летали в глубокий тыл врага, к партизанам, чтобы вывезти ребят. В партизанских отрядах их было много, и все рвались воевать. Мы увезли оттуда больше четырех тысяч детей! Есть мнение: чтобы человек вырос Человеком, у него обязательно должно быть трудное, суровое детство. Нет! Вот я росла в семье одного из первых авиаторов России, в хорошем, далеко не бедном доме, меня очень опекали, учили музыке. Что за разговоры пошли в наши дни — будто мое поколение росло трудно, вот потому, мол, и выросло закаленным, мужественным! Еще раз — нет! Все зависит от самого человека. Я — за детство в семье!

3 Ответ по существу — Димы Богомолова

Помните, моя мама заставила нас по утрам бегать? Наш оружейник Сашка кольчуги сделал для нашего театра в Куйбышевском районном Доме пионеров. Но никто в них не влезал — узко, а мечи так и вовсе поднять не могли... Перед школой решили делать пробежки. За Венькой раз забегаем, а у него с утра милиционер. Венька нам и говорит: ждите, я сейчас, расписку только... Нас в жар так и бросило. Ведь что-то стряслось с Венькой, а он спокойный такой ходит себе и репетирует Шекспира.

Короче говоря, он там в расписке уже который раз писал, что не хочет отправляться ни в детский дом, ни в интернат. Но одному, ему говорили, нельзя жить. Не положено. Из больницы медсестра приходила, молчала и плакала. Венькина мама болела уже третий месяц. Девочки наши ходили к Вене домой, готовили ему мясо с картошкой, а для матери в больницу — бульон. Вечерами кто-нибудь из нас с ним сидел, он иногда читать не мог, слезы мешали, мы читали вслух...

Нет, родни у него нет. Хотя вру — брат же у него в армии, Сашка! Он в отпуск приезжал, уговаривал Веню пойти в интернат. Но Венька твердо решил дожидаться его дома.

Нет, вряд ли это он стал бы писать вам в редакцию. Он бы точно сказал: да, может человек жить один... если он не один. Точно: может, конечно, может, потому что он не один!

Дежурила по «Узлу связи» А. Безбородова.

А вы, читатели, что про все про это думаете?

На Украине, в городе Желтые Воды, вот уже много лет живет и работает, на радость здешним ребятам, детская литературная студия «Изюминка». Руководит ею удивительный человек Ефим Ильич Пригожин, ветеран Великой Отечественной войны, лауреат Ленинской премии, почетный гражданин родного города. «Изюминка» — его детище, его создание.

На эмблеме студии и на значках, которые с гордостью носят студийцы,— раскрытая книга и парус. Почему книга, понятно. А при чем тут парус? В «Изюминке» не моряки собираются — поэты! Те ребята, которые давно занимаются в студии, легко ответят на этот вопрос. Парус на значках и эмблеме — это память о нашем «Кораблике»: здесь, на страницах «журнала в журнале», стихи студийцев появились тогда, когда о них еще никто не знал, когда их еще ни разу нигде не печатали.

С давних пор «Кораблик» дружит с «Изюминкой», с ребятами и их замечательным руководителем.

На этот раз на борту «Кораблика» — стихи, которые ребята из литературной студии «Изюминка» написали ко Дню Советской Армии и Флота.

Игорь КРАВЧЕНКО — восьмиклассник школы № 10.

Советскому солдату

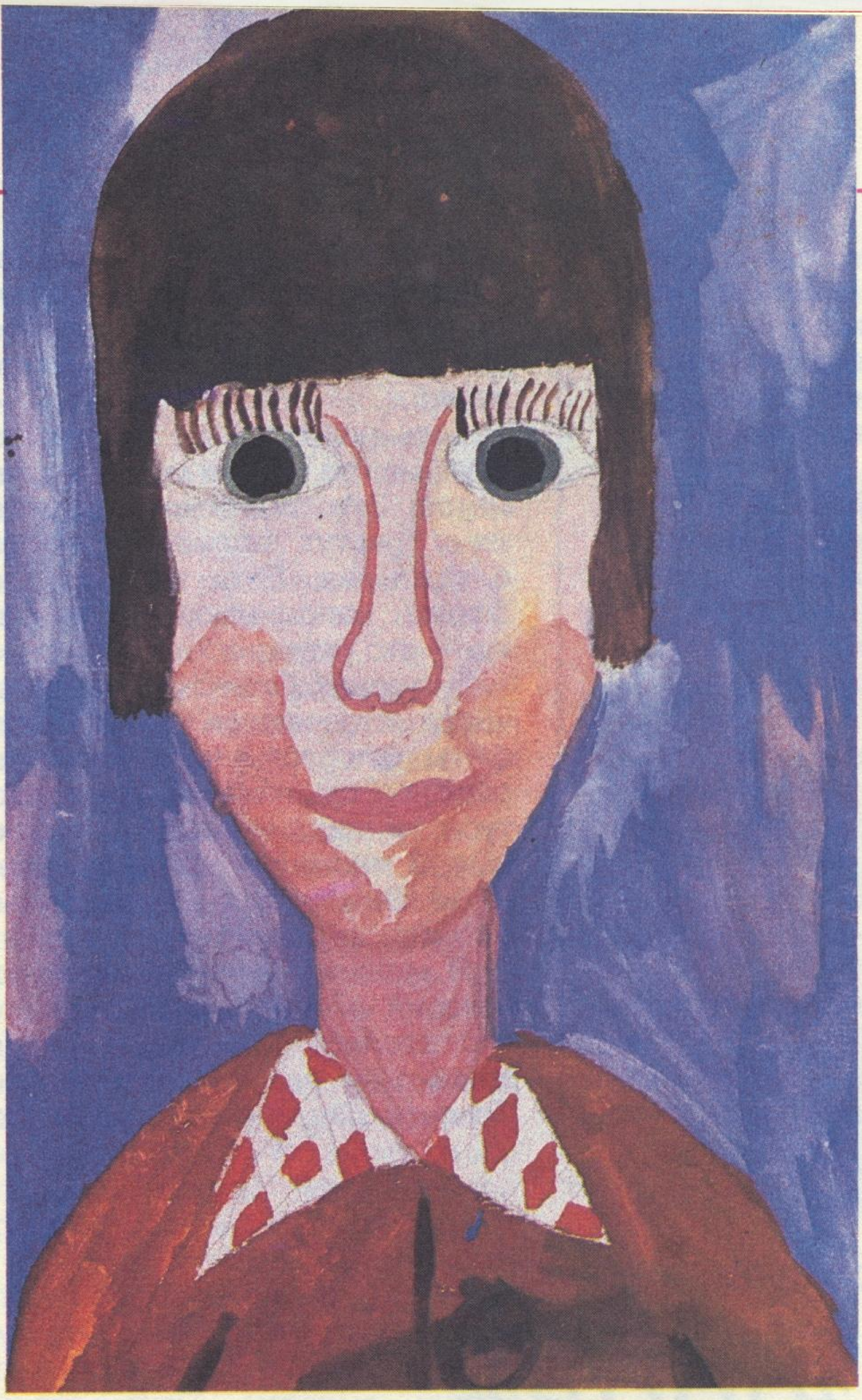
Тихая ночь опустилась,
Ярко сияет луна,
Спит вся Советская наша,
Мирная наша страна.

Спят на кроватках дети,
Звезды над крышами спят.
Мирный наш труд и покой охраняет
Храбрый советский солдат.

Севастополь

Солнце встает над Сапун-горою,
На маках и травах роса.
И песню поем мы погибшим героям,
А песня летит в небеса.
Вот солнце восходит над славной горою,
Где маки цветут в зеленях.
И кажется мне, это капельки крови
Героев, погибших в боях.

«ТАНКИСТЫ». *Рисунок Андрея МЕЛЬНИКОВА, 12 лет, г. Орел.*



«АВТОПОРТРЕТ».
Наташа ТАРАСОВА, 10 лет.

Оксана ПОПОВА учится в школе № 2 в 8-м классе.

Месяц в вышине

Спустилось солнце, за горами
алеет розовый закат.
Восходит месяц. Наши мамы
детей укладывают спать.

И вот спустилась ночь на землю,
вокруг — сиянье и покой,
лишь месяц в ясной тишине
мечтал наедине с собой.

Он с высоты своей огромной
шлет нам сиянье и привет
и просит сохранить планету
от страшных ядерных ракет.

Письмо другу

Черная морда, подвижные уши —
Друга не знала вернее и лучше.
Не повторяла я дважды приказа.
Ты понимал меня с первого раза.

Ну, а сейчас ты живешь на границе,
С другом-солдатом встречаешь зарницы.
Знаю, не раз ты ловил диверсантов
И награжден ты медалью и бантом.

Милый мой пес, без тебя я скучаю.
Только, дружище, я все понимаю:
Там ты нужнее для Родины нашей.
Шлю я привет от меня и Наташи.

В той же школе, в 6-м классе «А», учится Оксана ОСТАПЕНКО.

Ивушка

Она стоит в раздумье грустном,
Качаясь тихо, как во сне.
И от чего не знаю, слезы
С нее все капают ко мне.

О чем грустишь ты вечно, ива,
Роняя слезы на траву?
Хочу, чтоб ты была счастлива
В волшебных снах и наяву.

Я подрыхлю твою землицу,
Полью прозрачною водой,
Напейся чистенькой водицы
И распрощаешься с бедой.

«Спасибо, милая,— сказала
Тихонько ивушка в ответ,—
Я плачу о бойцах, погибших
За Родину в расцвете лет».

Литстудия «Изюминка»
г. Желтые Воды

А. САЛОМАТОВ

Моя любовь Маммилярия Вильда

У меня много знакомых, которые что-нибудь коллекционируют. Один вот уже двадцать лет собирает самовары. Сейчас у него около двухсот штук, и все они разные по форме и по размерам. Другой собирает пуговицы. Он давно уже сбился со счета, столько пуговиц у него в коллекции. Я же выращиваю кактусы.

Прочтя эти строчки, мальчишки, наверное, скажут: «Цветочки разводить, тоже мне, увлечение. Это дело для девочек». И вот здесь, товарищи мальчики, я с вами не соглашусь. Во все времена и у всех народов садовниками были мужчины.

Развести кактусовый сад — дело не простое, но удивительно интересное. Сначала мне не везло: только кактусята прижились в доме, как в ящик с горшочками уселся мой гость. Три десятка кактусов оказались расплющенными, пострадал и мой друг. Целый час мы вынимали из него колючки.

После этого случая я долго восстанавливал коллекцию, но кактусам опять не повезло: на них упала полка с книгами.

И снова я взялся за дело: покупал семена, высаживал, колдовал над ними и ждал, когда над землей появятся маленькие, со спичечную головку, кактусята. На этот раз я, кажется, предусмотрел все: огородил растения от гостей и падающей мебели, но совершенно позабыл о ручной белой крысе Зите. Она пару раз забралась в ящик с кактусятами и учинила там полный разгром.

Можете себе представить, как мне было обидно в третий раз лишиться своей коллекции?! Но зато я понял очень важную вещь: вначале надо определить растениям место, где с ними ничего не может случиться. И только после этого приступать к разведению кактусов.

В общем, носился я с этими кактусами, как курица с яйцом. Замучил всех домашних строгими указаниями: «Рядом с кактусами не кричать, они не выносят шума», «Пылесосом их не чистить», «Всей семьей, по очереди, в один день, не поливать». Но, несмотря на все мои старания, кактусы продолжали гибнуть.

Поливал я их одновременно и примерно одинаково, и скоро 50 кактусов у меня засохли. Для одних видов такой полив оказался чрезмерным, а для других, наоборот, недостаточным. Вскоре выяснилось, что и солнечный свет не всегда и не для всех кактусов полезен. И земля для каждого растения должна быть тщательно подобрана. И тут до меня дошло, что я очень мало знаю об этих растениях. Так я открыл вторую важную истину: разведение кактусов, как и всякое дело, требует основательной теоретической подготовки.

Я перерыл кучу литературы, прочел почти все, что у нас выходило о кактусах, и после этого почувствовал себя докой. Правда, я еще долго не мог запомнить сложные названия своих питомцев и часто называл, например, Аустоцилиндропунцию возвышенную Маммилярией Вильда или Толстянку продырявленную Эхеверией подушкообразной. Но зато я узнал, что в странах Латинской Америки некоторые виды цереуса достигают двадцати пяти метров в высоту и шестидесяти сантиметров в диаметре. Такой кактус невозможно вырастить дома на подоконнике, но другие, более мелкие виды того же цереуса прекрасно чувствуют себя даже в самом маленьком горшочке.

Есть кактусы и абсолютно круглые, до одного метра в диаметре. Эти гигантские колючие мячи растут прямо на песке в пустынях. Есть кактусы, по форме напоминающие лепешки,— это опунции.

В странах Латинской Америки часто встречаются кактусы эпифиты. Эти растут на стволах деревьев. Есть и змеевидные кактусы, и карликовые, трехгранные, и многомногогранные. Всего на Земле существует более 5 тысяч видов этих растений.

Я узнал массу интересных историй о кактусах. Например, что столица Мексики — город Мехико — раньше называлась Теночтитлан, а переводится это название как «место священного солнечного кактуса». Согласно преданию, ацтеки построили город по указанию богов. На этом месте они увидели огромного орла, который сидел на опунции с извивающейся змеей в клюве и смотрел на восходящее солнце.

Эхинокактус служил ацтекам плахой, на нем приносили человеческие жертвы. Ацтеки называли это растение теокомитль, что означает «святая сковорода».

Есть кактусы, которые в древней Мексике использовали как амулеты, вешали на окна и двери. Например, считалось, что некоторые виды цилиндропунций обладают магическими свойствами и охраняют жилище от злых духов Ногуалли, которые высасывают у младенцев кровь.

Некоторые виды кактусов считаются деликатесами. Например, шаровидные эхинокактусы идут на цукаты и варенье,

а вареная опунция туна напоминает по вкусу печеные яблоки. Сочные, сладкие плоды дает опунция лососевоцветная. Из нее делают и пастилу, и сироп, и патоку. Некоторые виды цереуса по вкусу напоминают апельсин, землянику, крыжовник.

Из кактусов готовят салаты, варят супы, пекут их в золе, жарят, тушат с мясом, едят сырыми, сушат, вялят, консервируют... Как видите, кактусы вполне заменяют народам Латинской Америки все те овощи и фрукты, которые растут в наших садах, полях, лесах. Просто и земляника, и яблоки, и арбузы у них колючие, и собирать их приходится в специальных перчатках с деревянными планками на пальцах и ладонях.

Я тоже как-то попробовал кактус, если не ошибаюсь, трихоцереус Шпаха. По вкусу он напоминал огурец, но размером был со средний кабачок.

Сейчас в моем саду более 150 видов кактусов. Они занимают половину квартиры. Другую половину занимаю я и те инструменты, которые нужны для ухода за растениями.

Мой сад постоянно цветет, он напоминает тропический лес. Не хватает лишь криков диких животных и раскрашенных туземцев. Иногда роль последних исполняю я сам. Особенно когда ко мне в гости приходит несколько человек одновременно. Я начинаю дико вращать глазами, бегать по комнате и кричать: «Туда не садись! Разве не видишь — там горшок с Гимпокалициумом Михановича?» Или: «Не смей трогать Долихотеле длиннососочковое!» Друзья на меня не обижаются. Они знают, каких трудов мне стоило вырастить этот великолепный сад.

Тем, кто хотел бы заняться разведением кактусов, я хочу дать два совета. Первый: начни с самых простых растений. Их можно увидеть в витринах магазинов, на подоконниках в различных учреждениях. Подойди и попроси детку кактуса. Так называются маленькие отростки на взрослых растениях.

А второй совет такой: коль уж взялся, так не бросай начатое. Сразу ничего не делается, придется подождать, пока твой сад зацветет.

Если такое коллекционирование тебе интересно, прочти эти книги: «Путешествия с домашними растениями» Н. Верзилина; «Историческая география растений. История флор земного шара» Е. Вульфа; «Растениеводческие ресурсы Южной Африки. Труды по прикладной ботанике и селекции» Н. Базилевской.

Удачи тебе, коллега!

Фотографии В. ТРУБИЦИНА.

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 1.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Семеновы пришли взглянуть на спасенного пса, их чинно и благородно впустили, продемонстрировали экстерьер собаки. И тут один из Семеновых заявил, что это его пропавшая собака. И началась потасовка.

— Сейчас состоится суд. А потом расправа.— Я сел на стул посреди гостиной. Трое моих стали по одну сторону стула, трое Семеновых по другую.— Где пес? — спросил я.— Приведите.

Кир бросился на балкон и вернулся с рыжим сеттером. Глаза его сияли. Я догадался, чья куртка согревала больного пса в ящике.

Пес метнулся туда-сюда, изучая обстановку, и замер на крепких лапах, высунув мокрый горячий язык. Казалось, узкая его мордочка растянута смущенной улыбкой.

— Какой он породы, Семенов? — спросил я бывшего «владельца» собаки.

— Как какой? — Семенов поскреб затылок.— Домашней...

— А ты что скажешь, Кир?

— Это сеттер! — гордо произнес Кир.— Замечательный охотничий пес.

— Что ж ты выгнал такую редкую собаку из дома, Семенов?

— Я не выгнал,— нагло отвечал Семенов.— Она потерялась...

— А ну прикажи ей что-нибудь...

— Джим,— Семенов присел на корточки, протянул руку,— иди сюда.

Сеттер покосился на него коричневым глазом, но с места не двинулся.

— Теперь ты, Кир.

Кир хлопнул себя по коленке.

— Ко мне, Гаврик!

И Гаврик тотчас подскочил к нему, радостно залаял.

Я встал, громогласно объявил:

— Приговор суда. Семенов, зачем ты всем морочишь голову? Ты увидел хорошую собаку и решил присвоить.

Семенов насупился, засопел.

— Да, он мне понравился,— признался лжевладелец и оглянулся на приятелей.

— Да вы пираты, Семеновы! Пираты двадцатого века,— презрительно произнес я. Пираты покраснели.— Что же вы так, а?

И тут пираты заговорили горячо и с обидой в голосе, указывая на Алену, Кира и Ветра.

— А что ж они не хотят с нами дружить?... И играть во дворе... И научить летать над крышами...

— Как это летать? — удивился я.

Молчаливый Ветер улыбнулся голубой загадочной улыбкой.

— Потом покажем... — И обратился как старший к Семеновым: — Эй, вы, болтуны и слюнтяи! Вы даже учительнице пожаловались, что мы летаем... А как я могу вас взять с собой? Еще вздумаете плеваться сверху на прохожих!..

— Не доросли еще,— отрывисто бросил Кир.

— Идите и дорастите! — завершила суд Алена.

Семеновы попятились задом к двери. Лица у них были растерянные. Они были готовы дорасти хоть сейчас, но чувствовали, что сделать это за одну минуту после всего содеянного никак не удастся. Они молча вышли на площадку и с топотом бросились вниз.

Мы вдоволь нахохотались, поиграли с послушным, ласковым Гавриком и спустились во двор, оставив пса сторожить квартиру.

— В вашем классе были такие противные люди, как Семеновы? — спросила меня Алена.

— У нас? Да никогда! У нас во класс был! — Я крепко сжал кулак, потряс им в воздухе.— Один за всех, все за одного!

— Так не бывает,— вздохнул Ветер.

— Еще как бывает! Мы все сплачивались против Елены, но она, как правило, побеждала.

— Кто она, Елена? — живо обернулась Алена.— Интересно знать...

— Наша учительница по-немецкому. Она, правда, армянка — Арзуманян. Елена Григорьевна. Елена Яга. Она же Елена Прекрасная...

— Так хочется увидеть настоящих людей,— вздохнула Алена.— Вашу Елену, ваших ребят...

«В самом деле,— подумал я,— было бы здорово заглянуть в дверь класса, увидеть, как командует Елена, и тотчас вернуться». Я выбрал в череде лет 1946 год, когда я был восьмиклассником, и назвал адрес нашей 265-й школы.

— Я готов,— отозвался Кир.— Делай, как я!

Через минуту мы были в знакомом школьном дворе. Нога моя не болела. На мне были потрепанные ботинки и серый школьный китель тех лет со стоячим воротом, который ребята с интересом осмотрели.

— Какой ты взрослый, писатель! — торжественно объявила Алена и, приподнявшись на цыпочках, коснулась моих волос.— Оказывается, они у тебя вьются.

Я представил себя со стороны: длинные руки и ноги торчат из формы, а волосы закручиваются в завитки, хотя по утрам я старательно обрабатывал их мыльной расческой.

Я показал на значок третьеразрядника по бегу, похвастал:

— Между прочим, чемпион среди юниоров на восемьсот метров.— И справедливости ради добавил: — Правда, сейчас мой рекорд побивают даже девчонки.

Мы поднялись по ступенькам, вошли в вестибюль и увидели дежурную нянечку под часами с маятником. Возле нее на тумбочке горка мела, тряпки и колокольчик, которым она оповещала на всех четырех этажах о начале и конце урока.

— Поспешай, хлопцы,— строго велела нянечка, взглянув на часы.— Урок-то идет.

Мы чинно проследовали на третий этаж, в огромный пустой зал. Когда-то школа была гимназией, и наши учителя, почти все с гимназическим образованием, гордились тем, что здание школы нестандартное. На первом и втором трудилась малышня, на третьем и четвертом занимались в кабинетах старшеклассники. Переселения на переменах из кабинета в кабинет носили характер военных экспедиций с боями местного значения.

Но где здесь наши? Сердце громко застучало. Где-то должны быть наши! Я принялся тихонько отворять двери, заглядывать в классы. Разноголосье вырывалось ненадолго в пустой зал, оживляло прошлое.

— Наш физик,— прошептал я и дал ребятам полюбоваться грузной фигурой на костылях.— Евгений Евграфович. А проще, Эф-Эс.

Физик ходил вдоль рядов, мерно взмахивая костылями, заглядывал в тетради, где писалась контрольная, и, отдуваясь как паровоз привычно гудел на каждом шагу: «Эф-Эс, Эф-Эс, Эф-Эс... Внимательнее, молодые люди, глядите на доску!..»

— Что такое Эф-Эс? — прошептал Ветер, поедая взглядом блестящие приборы и машинки.

— FS — формула работы,— пояснил я по учебнику. — Сила, помноженная на расстояние,— это работа. Любимая формула физика.

— Смотрите, кто-то ползет,— прошептала Алена. Между партами на четвереньках двигался школьник, зорко наблюдая за Евграфычем.— Куда он?

— За шпаргалкой,— ответил я.

— Какой смелый!..

— Да не смелый он, а нахал.

Я знал, что будет на уроке завтра. Физик принесет пачку контрольных. Торжественно взгромоздится на кафедре, поставив рядом костыли, и начнет раздавать сначала работы с оценкой «5», набрасывая верное решение на доске. Отличник передает тетрадь соседу-двоечнику, тот жирно пишет на ней свою фамилию и, пока кто-то отвлекает Эф-Эс у доски, изымает из пачки свою тетрадь, а фальшивку кладет сверху. Через минуту добродушный Эф-Эс называет его фамилию и поздравляет двоечника с «заслуженной пятеркой», не понимая, почему взрывается весельем весь класс. Он подслеповато щурится у доски и снова что-то чертит, а по проходу осторожно следует новый кандидат в «отличники» все с той же тетрадью... А на другой день «отличник» будет «плавать» у доски, и Эф-Эс с огорчением поставит ему «пару».

В следующий кабинет я не рискнул открыть дверь, ожидая быстрой реакции химика, и приник к замочной скважине. Но Николай Георгиевич настиг меня и здесь. Пронесся из учительской к классу на такой скорости, что синий халат раздулся парашютом. Он огрел меня по спине, громыхнул дверью: «Не мешай работать!» И сразу же за стеклом двери что-то яркое вспыхнуло — наверное, свершилась реакция в колбе, и раздался пронзительно-резкий голос химика, диктовавшего конспект урока. Все остальные голоса оборвались до самой переменки: ребята быстро и сосредоточенно строчили в тетрадях.

— Диффузия,— объяснил я приятелям поступок химика, потирая нывшую спину.— Он у нас нервный.

Зато к историку Ивану Павловичу я заглянул свободно и нахально. Но и здесь сидел не наш класс. В комнате творилось черт знает что, а маленький Павлыч в темных очках невозмутимо повествовал о какой-то эпохе. Можно было заниматься чем угодно, лишь бы он был у карты с указкой, а мы на своих местах. Зато когда однажды Павлыч вышел на минутку и мы рванули через окна по приставленным заранее лестницам, он, вернувшись, был сильно озабочен пустотой комнаты и впервые направился с жалобой к директору. Они вскоре оба явились в класс и увидели привычный набор серьезных физиономий. Директор покачал головой, просил продолжать урок, и снова вокруг историка вспыхнула веселая чехарда.

Учителя, конечно, все знали о нас, знали даже подстрекателей каждой дерзкой затеи, но не выда-

вали начальству. Выдать кого-либо без особой нужды считалось неприличным в неписаных правилах школы. Помню, я гонялся в пустом классе за приятелем Юркой. Обидчик успел выскочить в коридор, я притаился у двери с тяжеленным портфелем и, когда она отворилась, на радостях огрел приятеля по загривку. С изумлением и растерянностью обнаружил я, что на пол мягко опускается не Юрка, а молодая учительница — физичка. Она тоже глядела на меня с удивлением, соображая, что к чему. Быстро поднялась, прижала палец к губам, прошептала: «Только не говори никому...» И не вспоминала больше об этом казусе. Кира Витаминовна ее звали, виноват, Вениаминовна.

А ведь нас была целая тысяча — тысяча ди-

ких, жизнерадостных, не объезженных жизнью жеребят. Я только теперь, в пустом и гулком зале, представил, как нелегко приходилось учителям управлять этим «непредсказуемым народом». Нас называли «товарищами», «разбойниками», «прохиндеями», «милостивыми государями», нас обильно одаривали, не смущаясь снижением процента успеваемости, двойками, единицами и даже нулями. Но в нас верили, как верят в будущее. Ведь каждый должен был унести в себе частицу учителя.

И я прочитал вслух и объяснил ребятам пароль нашей 265-й школы:

Ум на ноль — будет ноль.
Ум на ум — будет ум.
Ясно всем без всяких дум.

— Здорово! — вспыхнул Ветер.— Просто и мудро, как таблица умножения.

Я не успел ответить. Услышал знакомый гортанный голос за спиной:

— Ты почему здесь, а не в классе?

От неожиданности вздрогнул. Точно, это она, Елена, Елена Григорьевна, худощавая, живая, быстрая. Вьющиеся волосы встрепаны, нос торчит любопытным крючком, а глаза, как два обжигающих солнца, как две черные дыры в незнакомый, тревожно-радостный мир Вселенной.

— Марш в класс! — продолжала Елена, видя меня насквозь. — А это кто?

— Мои двоюродные...— пролепетал я.— Не с кем оставить...

— Ладно. Идем со мной.

Класс вскочил, хлопнув крышками парт, торжественно умолк и снова зажужжал, когда по указанию Елены моя троица устроилась на последней парте, а я занял свое место рядом с Витькой Махмутовым на предпоследней.

— Вы что, отвыкли от общества дам? — съязвила Елена, проследив всеобщее направление взглядов.— Сестра вашего товарища позанимается вместе с нами.

Кто-то дернул меня за рукав. Алена выглядела растерянной.

— У вас одни мальчишки? — полувопросительно произнесла она.

— Девчонки в соседней школе,— ответил я.

Совсем забыл объяснить, что у нас раздельное обучение!

Да и возбуждение одноклассников я понимал: они впервые видели девчонку не в юбке, а в джинсах. Попробуй разберись с ходу, что это за интуристка! Придется отвечать на записки...

— Руих! Тихо! — призывала Елена по-немецки и по-русски.— Повторяем «Лорелею».

И класс саркастически заулыбался, завздыхал. Как надоела она нам — эта рейнская русалка Лорелея, завлекающая в прохладные бездны рыбаков-простофиль! Мы мгновенно сплотились единым фронтом против Елены.

А Елена вела наступление, как боевой маневренный танк на пехоту. Команды так и сыпались на наши головы: читай... продолжай... исправь ударение... разбери порядок слов... назови суффиксы, префиксы, склонение, спряжение, окончание. За урок Елена успевала спросить весь класс, а иных — по нескольку раз.

Я чувствовал, как замерли за моей спиной Алена, Кир и Ветер. Они наблюдали впервые подобный натиск, шквал, атаку. Раз уж решили заглянуть в наш класс, пусть знают Елену, эту бабу-ягу в юбке, стремительно летающую между рядами. Я склонился над партой, отвечая на записки одинакового содержания: «Признайся, что за кадр в майке и штанах ты привел?» Отвечал односложно: «Иностранка. Зовут Алена». И снова вопросы: «Заграничный дворник, что ли, в штанах?» «Сказано: двоюродная сестра. Заткнись!»

Елена в один миг уловила и пресекла мою деятельность, подняла меня с места, велев читать «Лорелею» сначала. Я не мог припомнить ни одной строки, стоял и молчал, как дубина. И тут сзади раздался шепот-подсказка:

«Их вайс нихт, вас золь эс бедойтен...»

Строка, произнесенная Аленой, обожгла меня: «Не знаю, что стало со мною, душа моя грусти полна...» Я мгновенно вспомнил весь текст Гейне до конца.

— Молодец, девочка! — громко похвалила Елена Григорьевна.— Ты изучаешь немецкий?

Алена встала.

— Нет, английский. Но знаю немножко немецкий, французский, испанский...

— Садись,— усадила ее мягко Елена и обратилась к классу:— Учитесь, неучи, у дамы! А ты,— она опустила взмахом ладони и меня,— скажи спасибо за подсказку.

— Спасибо,— улыбнулся я Алене. Теперь никто не сомневался, что она иностранка.— «Спасибо»,— повторил я про себя, обращаясь уже к учительнице.

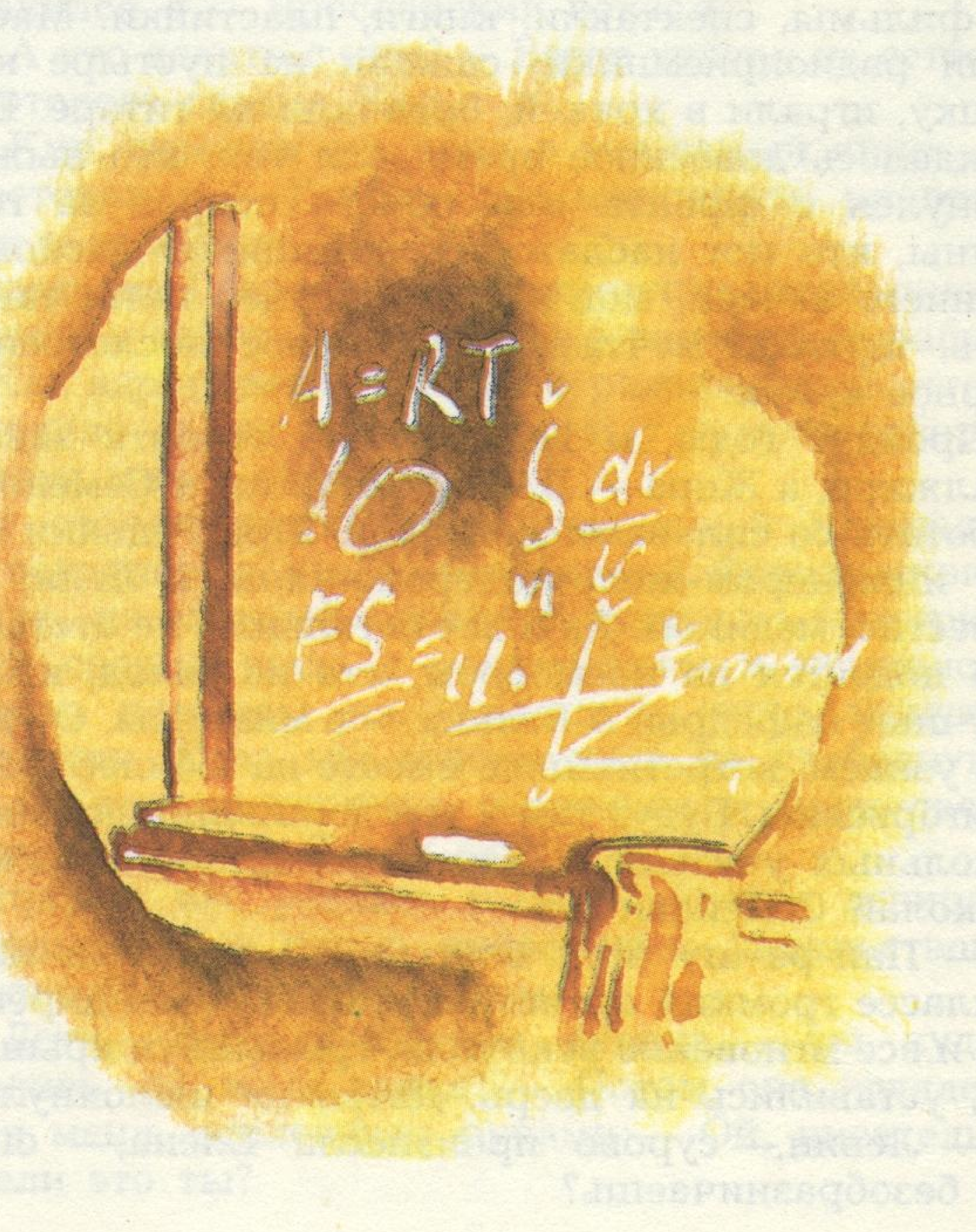
Елена никогда не отвергала подсказки, вообще ничего полезного, что могло бы пригодиться нам в будущем. Она мудро, исподволь учила нас уму-разуму, учила разбираться в текучке жизни, учила искусству жить. Учила, как надо воевать и одерживать победы.

— Сегодня репетиция «Ревизора»,— прошипел мне в ухо сосед по парте Витька Махмутов. До сих пор он сидел как истукан, не обращая внимания ни на меня, ни на «пришельцев» на задней парте. И вот очнулся.— Роль выучил?

— Успею,— ответил я.

— Не подведи! — изрек классный худрук.

Я играю Хлестакова, Витька — городничего, женские роли дублируют наши одноклассники. Позже, для настоящего представления, мы пригласим актрис из соседней школы.



Витька сквозь щель на парте изучает текст пьесы. После второго прочтения — я знал это — он помнит любой текст наизусть.

Тут-то его и настигла Елена. Выросла рядом с партой, Махмут едва успел задвинуть книгу в ящик.

— Махмутов, отвечай!

Витька встал, огорченно развел руками, произнес фразу с первой страницы старого учебника.

— Анна унд Марта баден...

Все так и покатились... Вот отмочил: вспомнил, как купались в прошлом веке Анна унд Марта!

— Ну, Махмутов, быть тебе циркачом! — весело напророчила Елена.— Пересядь-ка на свободную парту подальше от соблазнов. Пиши в тетради «Лорелею»...

Витька перешел на другое место, замер в классической позе мыслителя, потом зацарапал пером в тетради.

— Может, ему подсказать? — заволновалась Алена.

— Не надо. Он знает наизусть. Успел прочитать,— ответил я.

Елена не ошиблась и на этот раз. После школы Витька окончил цирковое училище, некоторое время выступал на манеже и подался в мимансы театра оперы и балета. Мы точно не представляли, что делает миманс на сцене, знали только, что он не на первом плане. И все же Махмутов — выдающаяся личность: никто из нас не стал мимансом, а он стал.

Я продолжал получать записки. «Сегодня в «Соколе» — «Джордж из Динки-джаза». В «Заре» — «Истребители», в «Эрмитаже» — джаз-оркестр Утесова... в оперетте — «Летучая мышь»... Рискнем, писатель?»

Я передал записки друзьям на заднюю парту — для расширения кругозора. Там сразу загорелись, стали меня теребить: «Рванем, писатель?» Я покачал головой. Разве можно все сразу переварить? Для этого придется застрять в прошлом надолго, а это не отвечает правилам игры.

Я вгляделся в одноклассников: Костя, он же Кот, по фамилии Куликов, Жора Левин, Юля Семенов, Юра Редькин, Леня Могила... Мы увлекались всем, что подсовывала нам жизнь. Поглощали фильмы, спектакли, книги, пластинки. Мастерили радиоприемники, сажали на пустыре картошку, играли в хоккей, бренчали на гитаре. Возрождалось довоенное время для тех, кто выжил, вернулся с фронта или просто подрос за годы войны, кто мог наслаждаться тишиной ласкового осеннего вечера, мог в кругу друзей петь, танцевать, шутить, мечтать. Счастливое послевоенное мирное время.

Пройдут годы, и Костя будет строить заводы в Алжире, а Жора — БАМ, доктор наук Семенов — работать со сплавами металлов, Юра Редькин станет инженером-железнодорожником, а Леня, как известно, медиком. Да и все остальные не отстанут: кто подастся на космодром, кто на завод, кто на научные кафедры. А Витька — в мимансы. Об этом мы узнаем, встретившись вместе на юбилее Елены Григорьевны. Будут там и три доживших до пенсии школьных учителя, и наш строжайший директор Николай Семенович...

— Пап-ра-шу всех вста-ать! — раздался вдруг в классе громкий артистический баритон директора, и все мгновенно вскочили, громыхнув крышками, уставились на дверь. Дверь не шелохнулась.

— Левин,— сурово произнесла Елена,— опять ты безобразничаешь?

Класс хохочет: да, это Жорка Левин, его штучки со звуковой имитацией.

— Иди к доске,— велит немка,— спрягай «Их вайс нихт».

Крепкий паренек с цыганским лицом невозмутимо скребет мелом по доске. Оставшийся в войну сиротой, бывший детдомовец, принят в нашу школу с испытательным сроком, под ответственность комсомольской ячейки. Жора прекрасно знает об этом и позволяет себе безобидные шутки крайне редко. Да и много лет спустя на семейном празднике Елены Григорьевны боевой заместитель начальника строительства БАМа Георгий Маркович Левин, все такой же заводной, всего один раз и рявкнул: «Пап-ра-шу!» И все расхохотались, а директор, отвыкший уже командовать учениками, растерянно оглянулся, пока не сообразил, что это опять он, Жорка. И погрозил ему пальцем...

Елена, привычно управляя классом, то и дело бросает испытующий взгляд на меня и моих «родственников». Глаза ее вспыхивают загадочным светом. Неужели о чем-то догадывается?

Я оглянулся, увидел лукавый огонек Алениных глаз, устремленных на учительницу. Они, наверное, вели немой диалог.

«Девочка, признайся, ведь ты не его родственница...»

«Да, признаюсь...»

«И он не совсем такой, каким я его знаю. В чем тут дело?»

«Не могу вам ответить. Ведь я его не видела таким, как вы...»

«Я догадываюсь... Ты — девочка из будущего, и он оттуда же. Он всегда ловко играл свои роли...»

Лицо Алены вспыхнуло золотым отблеском: она полюбила нашу Елену.

А ее братья — вот лопухи! — достали карманный компьютер, принялись задавать друг другу разные задачки. Я зашипел, как горячая сковорода, на которую плеснули воду: «Уберите машинку!» Они удивились, но убрали. Чудаки, чего доброго, объявят о всеобщей компьютеризации, потребуют дисплей. А у нас не только дисплеи, но и первые телевизоры с крохотным экраном и водяной линзой еще не появились. Мы лопаем на обед суп из крапивы и оладьи из картофельных очисток, а не всякие там деликатесы. Нет, пора смываться!..

Серебряной трелью прозвенел колокольчик: по этажам шла дежурная нянечка, оповещая всех о конце урока.

Восьмой «А» громким пушечным ядром вылетел из двери в зал. У доски Елена объяснялась с Жорой. Я сказал как можно спокойнее:

— До свидания, Елена Григорьевна!

— До свидания,— ответила она. Черные глаза вспыхнули прощальным салютом.

— Спасибо за подсказку.— Я взял за руку Алену.— Мне ведь весной на экзамене «Лорелея» достанется.

Алена улыбнулась:

— Но мы не останемся здесь до весны!

Я продолжал развивать свою мысль, прокладывая путь в толпе ребят, спешащих в раздевалку:

— Вам хорошо, вы всего два экзамена в школе сдаете. А мы — каждый год. Разве тут все запомнишь!

Сама Елена передавала в случае крайней необходимости завернутую в тряпочку шпаргалку тому, кто «горел» у доски. И отворачивалась к окну.

— Она добрая,— сказал Кир.

А Ветер молча кивнул.

Среди суматохи мы незаметно скрылись в стене, вернулись в свой двор. Долго молчали, сидя на лавочке, переживая недавний урок.

— Я все видела,— сказала Алена.— Вашу Елену. Елену Григорьевну. А когда вы назвали ее Еленой Прекрасной?

— К сожалению, после смерти.

Мы осознали все слишком поздно. К ней обращались за советом и помощью все бывшие ученики: кто женился, кто разводился, у кого были трудности на работе. И когда кто-нибудь улетал в командировку и не с кем было оставить детей, он звонил Елене: «Елена Григорьевна, я в цейтноте...» И она всегда бросалась на помощь. Мы вспоминали о ней, сухонькой, седой, неизменно веселой и мудрой Елене, как о палочке-выручалочке, в самую трудную, самую последнюю минуту, не осознавая до конца, что живем под ее щедрым покровительством. Мы, взрослые, были для нее всегда учениками — Юрой, Женей, Леней...

— У нас не будет Елены Прекрасной,— вздохнула Алена.

— Будет другая,— ответил я.

— И Кота. И Жоры. И мимманса...

— Будет, все будет. Я вас с ними познакомлю. Нужны только терпение и полет фантазии.

— В полет! — Кир вдруг соскочил со скамьи.— Ветрогон, ты готов?

— Готов!

— Мы немножко полетаем и вернемся,— пояснила мне Алена.

— Вы правда умеете летать? — спросил я без всякой иронии. Я уже ничему не удивлялся.

— Умеем,— смешно прошлепал губами Ветрогон.— Когда ты снимешь гипс, мы возьмем тебя с собой. А так можешь разбиться!

Я нагнулся, ощупывая тяжелую гипсовую ногу. А когда поднял голову, ребята уже бежали по солнечной стороне улицы.

— Не скучай, писатель!

Тут я запаниковал, стал лихорадочно анализировать все происшедшее со мной. Зря я не дождался отца, когда был в нашем дворе, забыл, что он возвращался с работы поздно. Встречаясь, мы разговаривали кратко, по-мужски скупо: «Ты ужинал?» «Ужинал». «А где мама?» «На кухне. Ждет тебя».

Бывший купеческий двухэтажный дом был переполнен семьями, в кухне горели с десяток керосинок с разнобокими кастрюлями, великой интуиции требовал поход в туалет. Время и пространство нашей жизни были расписаны точно и скупо наперед.

Я и сейчас, среди великолепия жизни, сказал бы отцу, если б случайно встретил его на улице: «Мама ждет тебя. Она на кухне».

Но отца нет. Нет и той общественной кухни.

Есть новые дома, квартиры, гостиные, спальни, кабинеты.

Я оглядел двор, улицу, небо. Все было пустынно. Ребята не торопились возвращаться из своего загадочного полета.

Радость поет, как весенний скворец...

— Нет, вы не правы, товарищ писатель! Когда их родители уезжали на отдых, ни о какой собаке и речи не шло. Каждый должен иметь свою прописку. Собака незаконна в этих стенах.

И разгневанная тетка Алены, Ветра и Кира указала квадратным пальцем на сидевшего на паркете подсудимого — задумчивого умного Гаврика. Гаврик и ухом не повел. Он ведать не ведал, что находится без прописки в квартире своих друзей.

— Тогда переселим собаку ко мне,— сказал я.

— Не против.— Тетя Лена уперлась мощным оранжевым затылком в спинку кресла, вытянула толстые ноги, закурила сигарету.— Вы один в квартире, а у меня муж-доцент. Он не переносит лишних звуков.

— Кир,— сказал я, стараясь быть спокойным,— бери Гаврика и мигом переселяйся.

— Есть! — Кир схватил с пола сеттера.

Ветер, бросив хмурый взгляд на тетку, встал рядом с ним.

— И я с вами! — Алена распахнула дверь.— Идем, ребята!

Они достали мячики на резинках из карманов и постукали о свою дверь: мол, прощай...

— Американские? — спросила, выглядывая из-за двери любопытная тетя Лена.

— Нет, наши.— Алена изо всех сил ударила мячиком о стену.— Вот он купил.— Она метнула взгляд в мою сторону.

И тут мяч разлетелся. Из него посыпалось что-то желтое.

— Я знала, что этим кончится,— произнесла тетя Лена, взяла щепотку опилок, понюхала.— Странно пахнет...

— За мной! — скомандовал я ребятам.

Мы спустились в вечерний двор. Трудно покидать его так сразу, ни с того ни с сего, трудно менять свои привычки, налаженную жизнь. Даже из-за Гаврика. Но что делать? Однажды приходится совершать неожиданные даже для себя самого шаги...

Я сказал:

— Приглашаю всех на танцы.

Алена так и подпрыгнула на месте.

— Вот это человек! Я всегда верила в тебя, писатель!

Я лихорадочно заработал мозгами и произнес:

— Поселок Пушкино, 1 июня 1947 года...— Нет, поправился я,— Ярославский вокзал.

— А что делать с ним? — Ветер указал на сеттера, которого гладил Кир.

— Кир, помести его пока в тот самый ящик,— посоветовал я.— Гаврик, мы потанцуем, проветримся и вернемся.

Определив Гаврика, мы построились привычной колонной у забора с надписью о ремонтных работах. Как вдруг дверь парадного распахнулась, кто-то, тяжело дыша, нагнал нас и у самого забора вцепился мне в спину.

Мы стояли на хорошо освещенной площади трех вокзалов, у необъятной стены Ярославского вокзала, на которой висело расписание электричек. Я сверил часы с расписанием и помчался во главе команды на уходящую через минуту электричку. Едва мы плюхнулись на свободную скамью, как электричка свистнула и тронулась с места, плавно набирая скорость.

Напротив нас уселась рыжая толстая девица, разглядывавшая нас с превеликим нахальством и одновременно с удивлением.

— Дети,— сказала баском девица,— вы куда собрались, на ночь глядя? — Потом она вгляделась в меня, всплеснула руками:— Ой, писатель, неужели это ты?

— Ленка,— узнал я подружку юности, которую давно потерял из вида.— Откуда и куда ты, Лена-полено?

— Я с вами,— отвечала, зардевшись, Лена-полено.— С Аленой, Киром, Ветром. И с тобой.

Ребята таращили на нее глаза, ничего не понимая. Я вспомнил, что кто-то крепко вцепился мне в спину в самый последний момент.

— Это же ваша тетя Лена,— пояснил я.— Мы когда-то жили в одном дачном поселке. А теперь едем туда на танцы.

Племянники с визгом повисли на шее у внезапно помолодевшей тетки.

— Была тетя Лена,— отшутилась рыженькая,— а сейчас Лена-полено.— Она легко расшвыряла ребят, потребовала:— Зеркало!

Алена протянула ей круглое зеркальце.

Лицо нашей спутницы зарумянилось от волнения. Лена ощупала свой сарафан, толстые руки и ноги, призналась с удовлетворением:

— Да, это я. В восьмом классе. И ты, писатель, окончил только что восьмой. Вон у тебя на руке отцовский подарок. Я помню, все помню!— И радостно захохотала баском.

Я так и подскочил, уставившись на здоровенные, будто компас, часы на запястье. Точно! Кировские, первого выпуска! Ходят безупречно. В самые трудные минуты, когда чужаки били наших, я снимал их с руки и пускал в ход. И они не останавливались, шли!

— Мы в самом деле на танцы? — уточнила Лена-полено.

— Да. Только ты, Ленка, никого не поучай, не вздумай рассказывать, как ты шикарно живешь и что у тебя муж-доцент. А то мигом отправим обратно.

— Не надо, ребятки,— взмолилась Лена.— Я буду умницей.

Она преобразилась, стала куда симпатичнее злющей тетки Лены.

Ветер снял крышку с моих часов, стал изучать механизм. Крупные шестеренки крутили секунды, минуты, часы лета 1947 года. Начался второй послевоенный год.

— «Я никогда не имел часов,— процитировал я вслух слова знаменитого писателя,— не покупал их, и никогда мне их не дарили! Я иногда говорю красивые слова о том, что мои часы на башнях».

— Кто это? — спросила Алена.

— Юрий Олеша. «Ни дня без строчки».

— А дальше?

— «Правда,— продолжил я по памяти,— какое чудо эти башенные часы! Посмотрите на часы Спасской башни. Кажется, что кто-то плывет в лодке, взмахивая золотыми веслами».

— Здорово! — просияла, зазолотилась Алена.— Писатель, когда вернемся домой, скорее снимай гипс. Мы полетим, и ты нам покажешь золотые весла времени.

— Куда это полетим? — заворчала Лена.— Хватит баловства, а то...

— Не командуй! — остановил я ее.— Ты еще не тетка. Посмотри лучше в окно, вспомни.

Мы проезжали станцию Лосиноостровская.

— Ой, дом твоей бабушки! — всполошилась Ленка.— Все как прежде...

Бревенчатый дом стоял на своем месте в яблоневом саду. По воскресеньям в нем собиралась вся отцовская родня. Пели, шутили, дурачились, читали стихи, фотографировались, танцевали, а дядя Валя, как самый младший, мыл посуду. Через несколько лет бабушка умрет, и дом постепенно опустеет, яблоки собирать будет некому. Теперь на этом месте огромные дома, окраина Москвы.

Я напомнил Лене, как осенью сорок первого наши семьи уезжали в эвакуацию. Тогда Ленка была тоненькая, гибкая, смешливая, это она потом внезапно растолстела, забасила. Наш состав остановился как раз напротив бабкиного дома, и моя мать, выпрыгнув из теплушки, помчалась через сад. Она вернулась с бабушкой и сундуком, и в вагоне с нарами сразу стало уютнее. В селе Долматово Курганской области моя мать и ее подруга — мать Лены — определились в колхозники, мы имели скупой, но достаточный по тем временам харч. А те, кто твердил, что война скоро кончится и жил на привезенные с собой тряпки, вскоре почувствовал всю суровость уральской зимы.

— А помнишь, как дезертир спалил сельсовет и бабы бежали за ним по снегу с вилами? — спросила Лена.

Я рассказал, как поймали и судили дезертира — из кулаков был он, мстил Советской власти.

Та далекая морозная зима была радостной: немцев разбили под Москвой, погнали прочь, мы могли вернуться в свой двор.

Из тамбура вошел слепой с аккордеоном. Громко пропел, аккомпанируя себе, песню о девушке, которая провожала на позицию бойца. В протянутую кепку посыпалась мелочь. Ребята приутихли, разглядывая шедшего по проходу исполнителя. Война для него не кончилась. Он будет повторять песню в каждом вагоне, пересаживаясь с поезда на поезд.

И замелькали знакомые, радостные станции, где мы снимали дачи до войны: Тарасовская, Клязьма, Мамонтовская. Какая же разноцветная была у нас жизнь — с майскими жуками на цветущих кустах шиповника, притягательной силой спелой чужой малины, юркими головастиками в прозрачной воде. Вот и Акулова гора, у которой Маяковский повстречался с солнцем, и холоднющая родниковая Уча, и необъятная пойма луга. Приехали: Пушкино!

Прошли несколько дачных улиц и сразу — к на-

шей поляне, окруженной серебристыми в лунном свете соснами. Оттуда летела знакомая мелодия, задушевный голос Клавдии Шульженко:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых радостных встреч.

Нас приветствовали знакомые. Семейство Гусевых — одиннадцать человек братьев и сестер во главе с длинной Наташкой. Светка и Виталий Еремины. Другие дачники.

— Что это? — Ветер указал на незнакомый ему ящик с пластинкой.

— Патефон! Изобретение века!

Я объяснил мальчишке, как крутить ручку, ставить пластинки, менять иглы, доставая их из треугольного пенальчика, и он на весь вечер стал

рабом патефона. Ветер сразу оценил всю важность патефона в жизни не одного поколения дачников и поставил его в один ряд с рождением первого парохода, самолета, электролампочки, ракеты. Мы — подростки сорок седьмого — еще не знали как следует музыки Мусоргского, Бетховена, Кальмана, не слышали битлов и Пугачевой, не читали Хемингуэя и Борхеса, но под дребезжание патефона готовились к встрече с ними.

Темная ночь,
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.

Да, мы жили еще войной. Нас спасли от смертельной опасности такие отчаянные парни, как Саша с «Уралмаша» и одессит Аркадий Дзюбин из фильма «Два бойца».

Фашисты слишком рано представили нас своими рабами, а мы всегда были людьми свободными, людьми нового мира.

Мы выстояли, победили. Но как горьки утраты!

Мягкий, проникающий в душу голос Марка Бернеса разволновал меня, и я почти ничего не замечал вокруг.

По поляне двигались тапочки, тапочки... и пара кедов. По последним я узнал среди танцующих Алену. Поднял глаза и увидел знакомый силуэт, ахнул про себя: Нина!

Окликнул.

Нина услышала, улыбнулась вместе со всеми, подошла.

— Здравствуй, писатель.

— Здравствуй, Нина.— Я видел совсем близко широко открытые, доверчивые глаза, задорно вздернутый носик, каштановые волосы.— Потанцуем? Ветер, что ты тянешь? Заводи!

Запел Утесов:

У меня есть сердце,
А у сердца — песня,
А у песни — тайна,
Тайна — это ты.

Вот тебе, Ветерок, фирменная песенка. Смотри, какой я фартовый парень, как легко и точно веду в танце красивую старшеклассницу.

— Как живешь, Нина?

— Хорошо,— сказала она спокойно.

— Какие планы?

Нина задумалась.

Я знал, что она ответит через минуту, и не торопил ее.

Не снимая ладони с моего плеча, Нина сказала:

— Через два года я выйду замуж. У меня жених есть.

— Не надо! — крикнул я беззвучно. Я знал этого франтоватого жениха. Брак будет не самый удачный.

Но не стал ничего пророчить: Нина все равно бы меня не послушалась.

Оглянулся на своих, крикнул:

— Алена, Кир, почему вы не танцуете? Гусевы, я вас просто не узнаю!

Алена и Кир с Гусевыми вошли в общий круг. Лена-полено бурно хохотала где-то рядом, наслаждаясь неожиданно вернувшейся молодостью.

Ветер сменил скучную пластинку на бодрую, и мои плясуны «дали» молодежный танец. Все так и уставились на них; никто до сих пор не видел, как можно красиво и индивидуально танцевать, сопровождая ритм разнообразными движениями, а не просто хватать партнершу «за клешню» и за талию и шептать ей при этом всякие глупости в ухо. Можно вот так: как Алена и Кир — на расстоянии и вместе.

И тут кто-то из моих друзей запел под Утесова:

Бывали, бывали в жизни мечты,
Когда, когда грустили вы.
Твои глаза грустят,
Твои глаза грустят...

После слов: «Что-то я тебя, корова, толком не пойму» — раздалось дружное: — Му-у-у...

Захваченная всеобщим легкомыслием Алена созорничала. Прокричала в ночь голосом Аллы Пугачевой песню из ее репертуара:

Ах, мама, мама,
Ах, белая панама,
Роскошная панама,
А у меня на фото
Не лицо, а драма.

Сначала все словно онемели, потом опомнились, засмеялись, грянули хором:

Ах, мама, мама, мама,
Ну, где твоя панама?..

А моя-то Пугачиха стоит довольная в окружении Гусевых и других поклонников из сорок седьмого. Я хотел было крикнуть: «Алена, ты что это?» Но передумал. К Алене подошла Нина, попросила: «Повтори, пожалуйста. Я что-то этого номера не знаю...»

Что дальше пел трудяга-патефон?

Помню ликующий, распахнутый мир в песнях Орловой:

Радость поет, как весенний скворец.
Жизнь и тепла, и светла.
Если б имела я сотню сердец,
Все бы ему отдала...

Радость-то поет, как скворец, а мне почему-то грустно.

— Грустить не надо...— произнесла шутливо Нина, проходя мимо меня.

— Это пройдет,— ответил я совсем взрослым тоном.— Ностальгия. Ретро...

Она взглянула на меня незащищенно. Мы танцевали с ней последний свой танец.

— Знаешь,— сказал я, заглядывая в Нинины глаза из будущего,— ты станешь хорошей эстрадной певицей, а я — на самом деле — писателем. И мы больше не увидимся.

— Почему? — Она удивилась. Ей дано было заглянуть только на два года вперед.

— Спой, Нина! — попросил я.

Она согласилась. И, едва умолк Утесов, зазвучал над лесом звонкий девичий голос.

Без меня не забывай меня.
Без меня не погаси в душе огня.
Будет ночь. И будет новая луна.
Нас будет ждать она.

Она спела одну строфу. Никто не двинулся с места, не заговорил. Тишина опустилась на поляну. Все замерли, как на старом снимке. Вот он, в памяти и на самом деле: группка застывших в танце юных дачников, патефон на большущем пне, колонны сосен, фонарь луны.

Я просигналил Ветру:

— Собраться всем вместе!

Мы встретились под сосной, озаренной лунным фонарем. С трудом вырвали из круга танцующих

Лену-полено. Даже в темноте было видно, какая у нее физиономия.

— Как хорошо, братцы-кролики! Кир, это ты? — тараторила она.— Ветер, почему ты печален? Писатель, успокойся! Алена, прими мои извинения.— И добавила:— Я готова. Я, братцы-кролики, счастлива...

Алена не удержалась, чмокнула тетку в щеку.

— Вот такой я тебя люблю!

Когда мы проникали сквозь толстенную сосну, в середину ее ствола, раздался жизнерадостный голос Лены:

— Как его? Гаврош? А-а, Гаврик! Наверное, он заждался нас в своем ящике.

Слава богу, за вечер хоть одна судьба была решена.

Суд памяти

Я тайно вызвал Кира во двор.

— Мне нужно на один час в сорок четвертый. 21 октября. Это важно.

— Мы вдвоем? — спросил Кир.

— Вдвоем. Там идет суд над убийцей.

— Понял,— ответил Кир.— Делай, как я.

Я положил ему руки на плечи.

Точно помню эту дату: 21 октября меня вызвали в суд в качестве свидетеля. В суде я никогда не был, не знал, что там говорят, и Лехины коньки не взял из-под лестницы. Карлуша признался в двух убийствах — девушки и старика, а убийство Лени Манина отрицал. Сейчас, именно сейчас, я исправлю ошибку.

Мы оказались с Киром в нашем дворе. Двор был пуст, уныл. На небе висели свинцовые тучи. Я нырнул в парадное, достал из тайника под лестницей коньки, завернутые в синюю тряпку. Хитер ты, Карлуша, здесь никто искать не стал. А я, оказывается, жуткий трус, даже перепугался, когда нашел коньки. Что ж, пусть будет суд и надо мной!

Показал «гаги» Киру. Новенькие, никелированные, с тупым лезвием. Леха так и не успел их заточить, примерить, прикрутить к валенкам веревкой с палкой.

Мы побежали под уклон, на Каланчевскую улицу. Здесь катались зимой на коньках. Разгонялись вниз до самой трамвайной линии. И ждали попутный грузовик, который поднимет в гору, цеплялись за борт проволочным крюком. Это особое удовольствие: искры сыпались из-под коньков, когда попадался голый булыжник, ветер румянил лицо, и главное было уследить, чтобы кто-то внезапно не высунулся из-за борта, не сорвал с тебя шапку.

Серое строгое здание городского суда напротив трамвайной остановки. Поднялись на второй этаж. Комнату, где проходил суд, я помнил.

Маленький зал набит людьми.

Я приземлил Кира на край скамьи и сразу увидел убийцу. Белокурый, с невозмутимым лицом, он уверенно сидел на скамье подсудимого. За его спиной застыл милиционер. Чуть поодаль, тоже под охраной, томились Вага, Франт, братья Волы.

Я подошел к высокому столу, положил перед судьей сверток.

— Что это? — спросил судья.

— Коньки... друга. Леонида Манина. — Судорога сдавила мне горло, но я пересилил волнение и страх, указал на Карлушу.— Его убил вот этот.

— Ваша фамилия, имя, отчество? — спросил судья.

Я назвал себя.

— Это мой свидетель, товарищ судья,— пояснил, вставая, прокурор.— Он из седьмого класса.

Судья развернул тряпку, и все увидели новенькие Лехины коньки. Родственник моего убитого друга, сидевший в зале, закрыл ладонями лицо.

Я отвечал на вопросы прокурора, адвоката, судьи, а сам глядел на старого железнодорожника в коричневой форме — дядю Герасима. Он жил в нашем парадном, а в суде был народным заседателем. Дядя Герасим великолепно знал тайник под лестницей. Он мне поверил.

Я не хотел смотреть ни на белокурого убийцу, ни на его соучастников. Один только раз, назвав Вагу, изготовившего нож для Карлуши, я обернулся к нему, спросил:

— Что ты молчишь, трус?

Вага криво усмехнулся, уставился в потолок. Карлуша не заинтересовался коньками, как все присутствующие на процессе, которые вытягивали шею, чтоб разглядеть мою находку. Карлуша, ходивший обычно в чистенькой, постиранной и разглаженной матерью рубашке, при галстуке, в сероватом пиджачке, сейчас был в затрапезной телогрейке. Белокурые волосы обриты, сам он непохож на себя. Никто раньше не знал ни его точного имени, ни отчества, ни фамилии. Всем было известно только, что он сначала первоклассник, потом второклассник... семиклассник... девятиклассник... живет с мамой, работает в аптеке помощником провизора. Знали, что Карлуша вежлив, старателен, исполнителен.

И никто не знал, что у него сердце волка. Вот он на виду у всех.

И я подумал: «А что, если бы коньки подарили не Лехе, а мне?» И Карлуша подошел бы ко мне, к знакомому пацану, спросил спокойно: «Чего несешь? Дай подержать». А я было не согласился, как Леха?.. А-а?.. Тогда бы я лежал сейчас на Бабушкинском кладбище, а Леха принес бы в суд мои «гаги».

Он такой был — Леха. Он бы принес.

Снова спрашивал я себя: кто же он, Карлуша?

И даже задохнулся от мысли: «Неужели фашист?»

Так вот запросто: среди нас, городских ребят, среди конников Буденного и просто неунывающих трудяг москвичей, среди всех наших встреч, игр, песен, среди нашего сурового настоящего и такого долгожданного будущего — фашист?

Да, фашист!

Он сидел перед всем народом на скамье обвиняемого.

Теперь я его не боялся. Не боялся никого из разношерстной шайки бандюг. Я знал, точно знал, что фашисты нападают из-за угла не только на фронте. Я понял, что короткая Лехина жизнь входит в число двадцати миллионов жертв войны. Он погиб, как и отец на фронте, мужественно и внезапно, фронт проходил и по нашему Грохольскому, не только под Вязьмой, где пуля скосила Манина-старшего. Любимой песней Лени была отцовская «Конная Буденного». Помню, как до войны они тихо напевали, сидя во дворе на лавочке: «Никто пути пройденного у нас не отберет...»

Стены зала словно раздвинулись во времени-пространстве, явственно услышал я грустный, щемящий сердце, медленный напев моего друга

Марка Бернеса. Он любил именно так говорить: «Я напою вам...»

В полях над Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой...

Манин-старший лежит под Вязьмой, младший — на Бабушкинском кладбище напротив дома моей бабки.

Друзьям не встать... В округе
Без них идет кино,
Девчонки — их подруги
Все замужем давно...

Скоро выйдет замуж Нина. И Маринка из наше-

го двора, на которую бросал тайные взоры Леха, уедет с мужем в Мурманск. Нет, гад Карлуша, я не прощу тебе предательства нашему двору, своему двору, всему Грохольскому...

Карлуша ни разу так и не взглянул на меня. Он все вежливо отрицал, прикидывался тихеньким.

Через два дня, когда Вага поймет, что перед ним не просто парень из соседнего двора, а настоящий убийца, он признает свой нож, и Карлуша на мгновение дрогнет, спустит уголки губ, но тут же соберется, подтянется, нагло оглядит зал. Помнил ли он лицо своих жертв, не страшно ли ему было по ночам? Не знаю. Тогда я еще многого не осознал.

Внезапно что-то переменилось в душной тишине зала. Поднялся во весь огромный рост старый железнодорожник — дядя Герасим.

— Там наших поубивали. И убивают.— Он указал пальцем в пространство, обратив взор на Карлушу.— А ты здесь своих убиваешь! Не наш ты человек!

Карл застыл на своем стуле.

— Я танк немецкий не за тебя подбивал. Не за тебя! — И железнодорожник грузно опустился в кресло народного заседателя.

А зал задвигался, загудел, словно наполнился толпами, гулом незримых людей — ополченцев Москвы. Они, как и дядя Герасим, июльским утром сорок первого года вышли из дома с мешочками, рюкзаками, портфелями. По возрасту, состоянию здоровья или необходимости по работе они считались освобожденными от армейской службы. Но они шли на фронт добровольно. Потому что враг был под самой Москвой. Сто двадцать тысяч москвичей вступили в народное ополчение — рабочие, ученые, учителя, врачи, поэты, домохозяйки. Им выдали то, что было в наличности: винтовку, несколько патронов, гранаты, бутылки с зажигающей смесью. Почти никто из ополченцев не вернулся. Но они вместе с армейскими частями отстояли Москву.

Дядя Герасим вернулся.

Дочь его Рая рассказала мне, как отец пополз навстречу танку с крестом на башне и метнул в него бутылку с горючей смесью. Он успел заметить только, как запылала броня, и тут же был ранен и потерял сознание. Его после боя отнесли в медсанбат. Ночами дядя Герасим кашлял так, что слышно было за нашей обитой войлоком дверью. А утром шел на службу.

Карл, видимо, почувствовал неотвратимость наказания, его стало лихорадить. Милиционер уставился на его дрожащую спину.

Гул в зале нарастал, и судья сделал замечание. Да, подумал я, пусть-ка глянет этот подонок в глаза Лехиной родни, в глаза ополченцев. Пусть! Я покинул свидетельское место и, проходя мимо Карлуши, сказал:

— Фашист! Подлый ты фашист!

Он отвернулся.

Милиционер проводил меня внимательным, задумчивым взглядом. Мне показалось, что милиционер за спиной Карлуши не пеший, а конный и смотрит так, будто пропускает на послевоенный футбольный матч на «Динамо».

— Что ему будет? — спросил побледневший, взъерошенный Кир, когда мы спускались по лестнице.

— «Именем Союза Советских Социалистических Республик...» К расстрелу!.. И не говори ничего, пожалуйста, Алене... Прости, что так получилось. Я должен был сказать...

Кир кивнул.

— Я все понял.

Я хлопнул его по плечу.

— Каюк всяческому фашизму!

Золотые весла времени

Я сидел на скамье в знакомом дворике. Впрочем, двор чуть изменился. Один из особняков снесли, на его месте орудовал однорукий кран. Исчез куда-то зеленый ящик, зато появилась беседка. Трава распушилась, выросла, запестрела цветами. Быстро все меняется в жизни.

— Вот он сидит как ни в чем не бывало! — раздались сзади голоса.— Мы его ищем, а он греется в лучах славы...

Ко мне бежали писатели-выступатели во главе с писателем-заседателем. Они были явно чем-то озабочены.

Я вскочил и охнул, вспомнив про неподатливую ногу. Нет, она была податлива, только немного прихрамывала без гипса.

— Куда ты исчез? — Писатели окружили меня.— Пошли! До начала обсуждения пятнадцать минут.

— Обсуждения чего? — спросил я, ничего не понимая.

— Как чего? — удивились, в свою очередь, мои коллеги.— Мы собрались обсудить твою новую рукопись. «Уйди-уйди».

Ах, вот оно что? Разве я им ее показывал? Может быть, мне вся эта странная история пригрезилась? Я поискал взглядом свой верный портфель и нашел его посреди зеленого газона. Какие-то травы, цветной горошек, росток хмеля оплели его со всех сторон, словно портфель был посеян вместе с ними.

Я поднял голову и увидел чуть поодаль своих друзей.

— Вы ждете меня?

— Тебя! Кого же еще! — загалдели они в три голоса.— Мы же обещали...

Что они обещали? Ну, конечно, полет!

Повернулся к коллегам.

— Обсуждайте, пожалуйста, без меня. Я занят.

— Как занят?.. Чем, собственно, занят? Что может быть важнее рукописи?

— Я не закончил ее. Остался один эпизод.— Я подмигнул ребятам.

— Какой еще эпизод? — авторитетно возразил заседатель.— Там ясно написано: «Конец».

— Конца не бывает,— сказал я.— Верно, Алена?

Мы, четверо, уже стояли тесным дружным кружком, крепко держась за руки. Потом оттолкнулись ногами от земли и, медленно кружа, поднялись вверх.

— Эй, куда вы? — закричали приятели-писатели и засмеялись, наблюдая необычное зрелище.

Писатели все поняли: ведь они прочитали мою рукопись.

Радостный лай зазвучал внизу. Из подъезда во двор выбежал пес.

— Может, взять его с собой?— предложил Кирилл, косясь глазом на зеленый газон, где пытался встать на задние лапы, запрокинув морду вверх, Гаврик.

— Сидеть, Гаврик, ждать! — велел я.— Мы прилетим!

Пес услышал меня, послушно забрался под скамью.

Мы устремились в золотисто-синие просторы неба, ввинчиваясь в прозрачные волны воздуха, ловя утренний ветерок, впитывая в себя живительный солнечный свет.

Под нами проплывал, постепенно уменьшаясь в объемах, открывая все новые каменные дали, большой город. Сверкали миллионоглазые, будто удивительные космические светляки, дома-гиганты, дома-новоселы. Застыли начищенные до блеска клинки высотных зданий. Разбежались во все стороны улицы с лентами автомобилей и изумрудными бликами скверов. Свой прощальный теле-привет шлет игла телебашни...

На миг показалось, что этот неуклюжий, монолитный город, крепко опоясанный лентами асфальта, приготовился сбросить с плеч привычную тяжесть, чтобы неожиданно взлететь со всеми своими потрохами — зданиями, людьми, машинами, садами — в просторы Вселенной.

Ветер озорно свистнул:

— Держись! Идем вверх.

Если смотреть на солнце с земли, увидишь огненный шар с пучком лучей. Как одуванчик.

В космосе солнце выглядело раскаленной сковородой. Таким его показывают по телевизору космонавты.

С нашей высоты все смотрелось совсем иначе.

— Смотри, писатель! — обрадованно закричал Кир.— Смотрите! Вот они, золотые весла времени!

От неожиданности мы чуть не разжали руки, но, спохватившись, еще крепче ухватились друг за друга.

— Где, где? — спрашивала Алена.— Я ничего не вижу. Где они?

— И я не вижу, но чувствую,— подхватил Ветер, озираясь.

— Я заметил их, но потерял,— пробормотал Кир.

А я видел. Видел ясно то, что не видели ребята.

Золотые весла времени... Они медленно крутили, уносили в будущее нашу голубую планету.

Они несли всех нас — и моих новых друзей, и друга Леху, и Лену-полено, дядю Герасима и Елену Прекрасную, самого белого в мире милиционера — всех-всех людей через прожитое время и пространство.

Все часы всех землян на всем земном шаре подчинялись каждому взмаху золотого весла.

И надо было зорко следить, чтоб ни одна стрелка не отстала, чтоб сохранилась связь между прошлым и будущим.

Мы, бродяги космоса и прогульщики заседаний, вовлечены в непрерывный поток Вселенной. И чтобы не заблудиться, точно выверить свой маршрут, чтобы вовремя вернуться домой, надо знать, как грести в этом сложном мире, как ухватиться вовремя за золотые весла...

Я сказал своим летунам:

— Пора возвращаться.

— Пора? — удивилась Алена.— А золотые весла? Я их не разглядела...

— Увидишь еще. Все впереди!

И мои друзья, вспомнив о верном Гаврике, согласились:

— Пора.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

Приближение к Достоевскому

Торжественно-соразмерно главное здание Мариинской больницы, построенное по проектам архитекторов Кваренги и Жилярди.

Мемориальный музей-квартира Федора Михайловича Достоевского в Ленинграде, на углу Кузнечного переулка и улицы Достоевского, рассказывает о двух последних годах жизни великого писателя (точнее, о двух годах и четырех месяцах). А московский, тоже на улице Достоевского, бывшей Божедомке, музей посвящен детским годам будущего романиста.

В разные годы открытые, в разных городах находящиеся, музеи эти, однако, существуют (вместе с музеями в Старой Руссе, Омске, селе Даровом) не каждый сам по себе, а словно части какого-то одного, большого музея Достоевского. И, может быть, именно с путешествия по ним и должно начинаться приближение к Достоевскому, к этому фантастическому гению, умеющему, как никто, проникнуть в тайны человеческой души и обнаружить перед каждым человеком всю его сложность и неразрешимую противоречивость.

Первое московское воспоминание

Четырехлетний Федя смотрит из окна передней на чистый двор. Он встал коленками на деревянную скамью, облокотился о подоконник, а подбородок уткнул в ладошки.

Издалека доносится плач братца Андрюши, но Федя не обращает на него внимания: ему слишком любопытно, что творится во дворе. А братец? Что ж, у Феди и еще есть брат — Миша, и сестрица Варенька, поэтому недавнее появление Андрюши не так уж и удивительно.

Мариинская больница для бедных, во флигеле которой живет семья штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского, выстроена по указу вдовствующей императрицы Марии Федоровны на самой окраине Москвы — на Божедомке. Неподалеку кладбище для нищих, бродяг — «божий дом», поэтому и улица Божедомка. Улицей она стала недавно, а прежде была проселочной дорогой через Марьину рощу. Теперь, в 1826 году, на Божедомке стоят еще Екатерининский и Александровский институты для благородных девиц. Но Феде Достоевскому и с благородными девицами, и с нищими пациентами Мариинской больницы не приходится встречаться.

Федя продышал в заледенелом стекле «окошечко» и пытается рассмотреть, что делается у ворот, которые охраняют два белокаменных льва. К воротам подходят и подъезжают на санях больные. Одни беспрепятственно попадают во двор, других привратник, стерегущий вместе со львами ворота, не пускает. Значит, они — крепостные. А Мариинская больница, хотя и для бедных, но для бедных свободного звания... Ну, конечно, о свободных людях позаботиться некому, вот для них и построили больницу, а о крепостных заботится их барин. Как папенька заботится о Давиде с Федором да об Анне с Василисой.

Надо было бы поглядеть, что делается у главного здания больницы, да только стекло совсем замерзло. Но в общем-то Федя и так знает: в главном здании папенька вместе с другими докторами осматривает каждого, кто в больницу пришел, и назначает, что и как лечить. И работы у него много, иногда даже приходится приносить домой бумажки, которые называются «скорбные листы»,

Дом, где Достоевский родился,
дом, где он умер.
Как много могут рассказать они
о жизни великого писателя...

и записывать в них все, что не успели записать в главном здании...

Но все-таки очень хочется еще и еще смотреть на этот большой красивый дом. Федя представляет его высокие ступени, стройные колонны, треугольную крышу над ними... И соскальзывает с коника. Во-первых, колени с локтями устали, а во-вторых, маменька Мария Федоровна ждет — заниматься пора. Федя спешит в зал. Эту просторную светло-канареечную комнату он очень любит. Здесь они с Мишей и Варенькой играют, здесь им няня Алена Фроловна сказки про Бову Королевича и Еруслана Лазаревича рассказывает, здесь маменька учит их грамоте.

Федя уже знает всю азбуку: и аз, и буки, и фиту, так что никто ему ижицу прописать не сможет,— а еще он умеет складывать очень трудные склады, и теперь маменька учит его постепенно читать. Читают они замечательную книгу с трудным названием — «Сто четыре священных истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером». В книге этой собраны удивительные истории о разных чудесах. Но больше всего нравится Феде история про Иова, на которого незаслуженно свалилось множество несчастий и невзгод, но он не роптал и был вознагражден...

Возвращается с «практики» — от своих городских больных — папенька. Значит, скоро обедать. Алена Фроловна уже научила всех, даже Вареньку, держать ложку, вилку, нож, и теперь дети обедают за общим столом.

После обеда, как всегда, папенька идет в гостиную отдыхать. А все семейство тихо сидит в зале, чтобы его не разбудить, иногда только чуть слышно переговариваясь и пересмеиваясь. Федя слушает шепоты, а сам думает о том, как хорошо, что сейчас зима и он вместе со всеми. Летом ему наверняка пришлось бы, сидя на кресле около дивана, где спит папенька, отгонять от него свежесорванной липовой веткой многочисленных мух. Занятие это ужасно тоскливое... Зато как хорошо будет вечером, если папенька не принесет домой свои «скорбные листы». В гостиной зажгут две сальные свечи, все усядутся вокруг стола, и маменька попеременно с папенькой начнут читать вслух.

Федя сидит и мечтает...

Размышления в квартире на Кузнечном

В ноябре 1880 года Федор Михайлович Достоевский в своем петербургском кабинете диктовал по

сделанным ночами записям заключительные страницы романа «Братья Карамазовы».

Наверное, как всегда, Достоевский засиделся за столом часов до шести утра, записывая и вымарывая все новые и новые слова в попытке достичь наивысшей точности в выражении своей идеи. Такая ночная работа, при двух свечах, с постоянным питьем крепчайшего чая, была для Федора Михайловича обычной. Доктора требовали, чтобы Достоевский, человек больной, не мучил себя, но он не слушался их. Днем, объяснял он, ему мешали бесконечные посетители с просьбами и требованиями, депутации от студентов, гимназистов, благотворительных обществ с приглашениями читать на каком-нибудь вечере. Только ночью можно было спокойно думать, работать, жить.

Закончив работу, Федор Михайлович укладывался спать тут же, в кабинете, на диване, под фотокопией с любимой картины — «Сикстинской мадонны» Рафаэля, и просыпался к часу, а то и к двум пополудни. Все в доме знали, что в это время Достоевский чувствует себя особенно больным и раздраженным, и старались не раздражать его. Но бывали дни, когда после обязательной гимнастики настроение Федора Михайловича выравнивалось, и тогда дочь и сын, Люба и Федя, слышали из детской, как отец, умываясь, напевает мягко фетовское:

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит.
Утро дышит у ней на груди,
Ярко дышит на ямках ланит...

В столовой Федора Михайловича ждал самовар, и он завтракал в одиночестве. Люба и Федя притихали в детской, Анна Григорьевна, жена писателя, проверяла: все ли в порядке на письменном столе в кабинете. Потом она приводила в порядок и свои тетради и карандаши и ждала, когда муж начнет диктовать написанное за ночь...

Так вот, в ноябре 1880 года Достоевский диктовал эпилог «Братьев Карамазовых», последнего своего романа.

«Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь».

Удивительные эти слова произносит почти на самой последней странице романа юный Алеша Карамазов, обращаясь к мальчикам, старшему из которых нет и четырнадцати. И все это после того, как другие герои романа бунтовали, пытались разрешить сложнейшие вопросы, воевали друг с другом и с самими собой.

О, конечно же, Достоевский, как очень часто он делал, отдал своему любимому герою собственные слова, собственные мысли. И может быть, диктуя эти слова, именно о своем детстве вспоминал.

Второе московское воспоминание

В детской, как всегда, полутемно: дощатая перегородка между комнатой и передней хоть и не доходит до потолка, но свет загораживает. А все же читать тут можно, и, главное, никто, особенно малыши, Верочка с Николей, не мешает.

Федя сидит на сундуке, который раньше ночами превращался в его постель, и читает вальтерскоттовского «Квентина Дорварда». Даже не читает, а перечитывает... Книга замечательная, но разве можно сравнить ее с шиллеровскими «Разбойниками»? Федя вспоминает то, уже давнее, представление трагедии в Большом театре. Ему было всего десять лет, но родители взяли и его, и Мишу с собой. Вот уже больше трех лет прошло, а он как вчерашнее помнит игру Мочалова. Как она потрясает!.. Нет, невозможно сравнивать кого бы то ни было с Шиллером. Какие идеи, какая борьба!.. Но Пушкин, пожалуй, будет значительнее Шиллера, значительнее всех, хотя бы папенька с маменькой отдавали предпочтение Жуковскому. Впрочем, ясно, почему они предпочитают Жуковского. Он — авторитет, он всеми признан, да еще он воспитатель царских детей.

Тут Федя вспоминает, что ему надо сидеть не в детской на сундуке с «Квентином Дорвардом» в руках, а за ломберным столом в зале: проверять, что Андрюша выучил за неделю из истории и русской грамматики. Миша и Варенька уж давно выслушали ответы братца из арифметики, географии, французского, немецкого и закона божьего. На

В детской и столовой дома на Кузнечном — вещи, переданные в музей потомками Федора Михайловича и потомками его родственников.

Фотографии С. Симонова

следующую неделю надо Андрюше задать из истории царствование Бориса Годунова. Выучить его нетрудно — Карамзин дома есть; да только дело не в том, чтобы выучить, а в том, чтобы понять: почему же пал Борис? Федя давно уже понял: человек не может свершить преступление даже ради благой цели, ради счастия всего человечества...

Но довольно о Борисе, а то и правда не успеешь с братцем позаниматься... Федя отправляется в зал. Там Андрюша раскладывает свои книжки на столе. Видит Федя среди этих книжек и латинскую грамматику Бантыш-Каменского. Эта грамматика братцу от них с Мишей перешла. Да только Андрюша счастливее их — ему не приходится латынью с папенькой заниматься.

Очень грустно это вспоминать. Латинский, может, и нужен, но лучше бы учил ему кто-нибудь другой, а не сам папенька. В пансионе у Драшусова, куда Федя и Миша ездили каждый день на занятия, латынь не преподавали, но можно же было найти учителя. Да папенька экономил. Он вообще на всем старается сэкономить — боится, что останемся нищими. Ну уж на учебе мог бы не скаредничать: он-то сам не учитель. Стой перед ним навытяжку час или больше, по очереди отвечай, а стоит только помедлить или ошибиться чуть, как слышишь крик... Но хуже всего было, если, не окончив урока, папенька бросал занятия и убегал из комнаты.

Впрочем, не стоит на него сердиться: никак иначе он не наказывал, а то, что часто из себя выходит, любит поворчать и на нищету пожаловаться, так это можно ему простить. Все равно лучшего отца, более о детях заботящегося, трудно встретить. А когда Федя сам начинает горячиться, спорить, папенька говаривает ему: «Эй, Федя, уймись, несдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой!»

Федя представляет себя в солдатской форме стоящим на посту у ворот Александровского института благородных девиц, представляет, как идут мимо него папенька с маменькой и малыши и как кидают они, по обычаю, ему под ноги подаяние — копейку...

Кончился Андрюшин недельный отчет, Федя «согнал» братца со стола со всеми его книжками и сам за ним расположился. Теперь можно почитать вволю...

Но «Квентина Дорварда» долой! Это так, детское увлечение! Не почитать ли Нарежного, а еще лучше — Гоголя. Ах, что за фантастический мастер! Учитель словесности в пансионе Чермака — Билевич — знал Гоголя еще подростком, по Нежинской гимназии. Их учитель вообще со многими литераторами знаком — и с Вельтманом, и с Загоскиным, и с Федором Глинкой. А уроки как он ведет! У него не просто зубрежка: он учит мыслить, рассуждать и уметь выражать свои мысли. Так он сам говорит, и подтверждений тому — множество...

Суббота и воскресенье пролетают незаметно: за чтением, разговорами, играми с малышами. Обсуждается и летняя поездка в «поместье». Конечно, поместье крошечное — меньше ста душ в сельце Даровом да в деревеньке Черемошне, но все же кое-какая прибыль есть, а самое главное — есть где малышам побегать, отдохнуть. Вот только маменьке все больше трудов и забот...

Но это будет летом. А пока утром в понедельник кучер Давид Савельев запрягает лошадей. Миша с Федей отправляются на Новую Басманную — в пансион Чермака, а Варенька — в пансион при церкви Петра и Павла, что в Козьмодемьянском переулке. На Божедомке до следующей субботы устанавливается скучная тишина...

Размышления в квартире на Кузнечном

Жаль, что не сохранилась настоящая обстановка детской в петербургской квартире Достоевских. Наверное, устроена была эта комната любовно и заботливо. Своих детей Федор Михайлович любил страстно, беспредельно. Маленьких — он забавлял их, возился с ними. На рождество всегда покупалась большая ветвистая елка, и отец украшал ее сам. Вечерами он заходил в детскую, чтобы попрощаться с малышами на ночь. Им разрешалось входить в кабинет, где их всегда ждали в одном из ящиков книжного шкафа вкусные сюрпризы: финики, орехи, изюм, фруктовая пастила, королевский чернослив.

И не только к своим — так любовно Достоевский относился ко всем малышам.

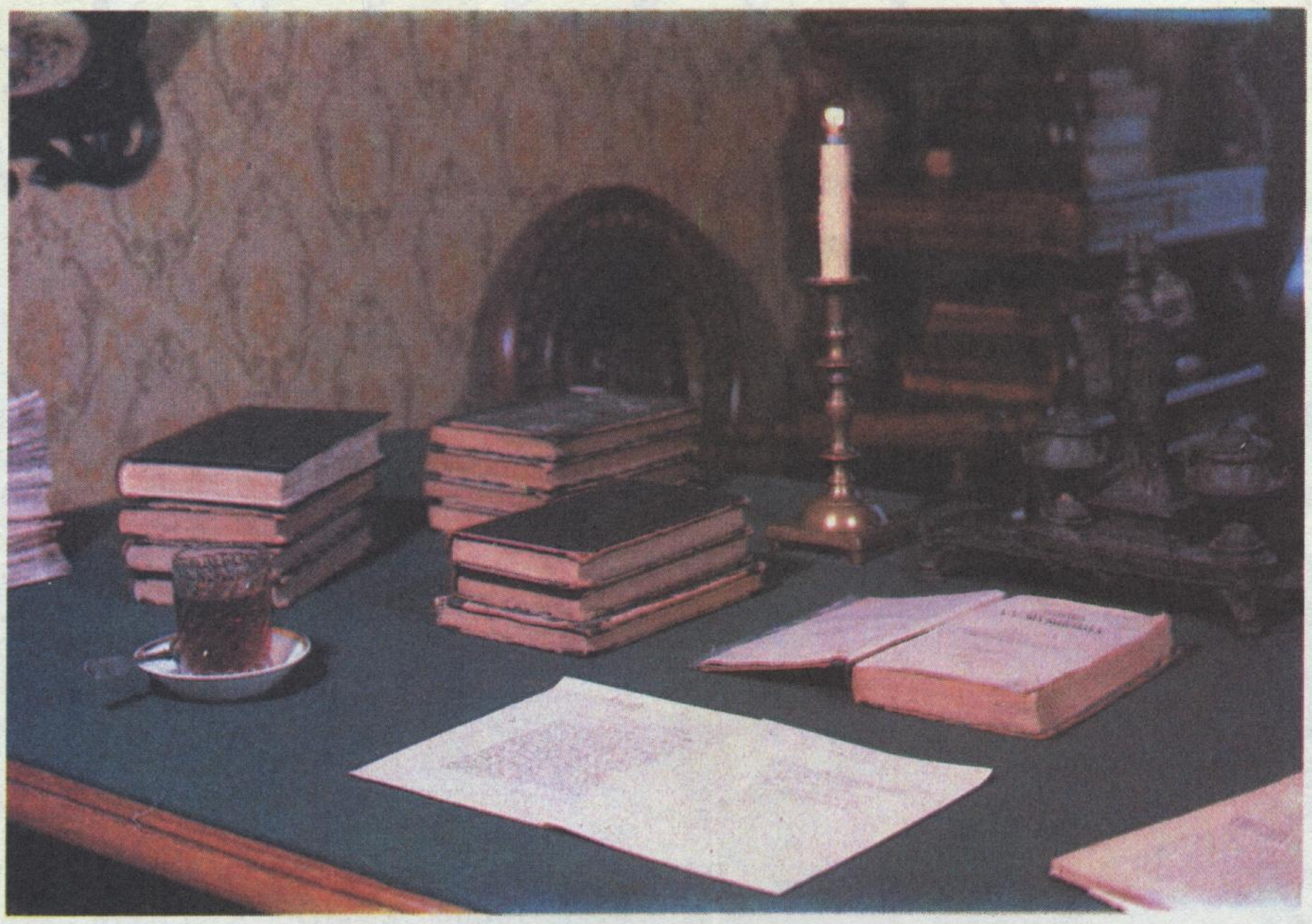
В маленьком садике на углу Владимирского проспекта и Кузнечного переулка Федор Михайлович часто отдыхал во время прогулок. Не раз заставал там его, сгорбленного, худого, с впалыми щеками, совсем уже больного, один из его молодых современников, будущий народоволец И. И. Попов. Юноша всегда раскланивался с писателем, который был известен всем без исключения образованным людям, а как-то раз подсел к нему на скамью. И вот что запомнилось ему:

«Перед нами играли дети, и какой-то малютка высыпал из деревянного стакана песок на лежащую на скамье фалду пальто Достоевского.

— Ну что же мне теперь делать? Испек кулич и поставил на мое пальто. Ведь теперь мне и встать нельзя,— обратился Достоевский к малютке...

— Сиди, я еще принесу,— ответил малютка.

Достоевский согласился сидеть, а малютка высыпал из разных деревянных стаканчиков, рюмок ему на фалду еще с полдюжины куличей. В это время Достоевский сильно закашлялся, а кашлял он нехорошо, тяжело... Полы пальто скатились с лавки, и «куличи» рассыпались. Достоевский продолжал кашлять... Прибежал малютка.



В кабинете Федор Михайлович работал, в кабинете он и отдыхал. Поэтому-то здесь были собраны не только вещи, создающие удобство в работе, но и просто вещи любимые, приятные. Одной из самых любимых вещей в кабинете была фотография, висящая над диваном. Эту фотографическую копию с картины Рафаэля подарила Достоевскому вдова поэта Алексея Константиновича Толстого — Софья Андреевна Толстая.

— А где куличи?

— Я их съел, очень вкусные...

Малютка засмеялся и снова побежал за песком, а Достоевский, обращаясь ко мне, сказал:

— Радостный возраст... Злобы не питают, горя не знают... Слезы сменяются смехом...»

И не о том же ли самом говорил герой Достоевского — Иван Карамазов: «Дети, пока дети, до семи лет например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой»?

Но чем старше становились Любочка и Федя, тем строже обращался с ними отец. О нет, это не значило, что нежность сменилась окриком. Федор Михайлович оставался нежен с детьми по-прежнему. Но требовал с них больше.

В сущности, если вдуматься, Достоевский стремился, осознанно или нет, в жизни своей семьи повторить жизнь семьи родительской, исправляя и улучшая, конечно же, эту жизнь. (Да разве одинок был Достоевский в этом стремлении? Мечтал о повторении родительской жизни, о «замене» ее и Лев Толстой.)

В семье Достоевских знакомство с литературой началось для детей с «Разбойников» Фридриха Шиллера. Федор Михайлович читал дочери и сыну это свое любимое произведение вслух. Но оказалось, что драма еще сложна для малышей. Тогда перешли на русские былины, повести Пушкина, кавказские поэмы Лермонтова, «Тараса Бульбу». А когда отец посчитал, что литературный вкус у детей уже достаточно развит, он начал читать им стихи поэтов, более всего им любимых: Пушкина и Алексея Константиновича Толстого.

Федор Михайлович часто делал детям (да и жене тоже) подарки. Но с годами они изменялись. Маленькая Любочка получала огромных кукол, чайную кукольную посуду. Подросшая дочь получила в подарок от отца книгу, и книга эта, первая среди подаренных, была русская история Карамзина с хорошими иллюстрациями.

Да, впечатления детства (хотя и не было оно так уж безоблачно и счастливо) действительно стали для Федора Михайловича «спасением на всю жизнь». Недаром же он через много лет разыскал тот самый, из детства, экземпляр книги Гибнера и говорил младшему брату, Андрею Михайловичу, что «бережет его как святыню».

Но писатель Достоевский не просто берег как святыню впечатления детства, впечатления жизни. Он «раздавал» эти впечатления своим героям, поселял людей, встреченных в жизни, на страницах своих книг. И нянюшка Алена Фроловна появляется в романе «Бесы», и о бедном Иове говорит Митя Карамазов, и шиллеровских «Разбойников» упоминают герои «Братьев Карамазовых»... Да мало ли еще можно вспомнить.

Но вот, пожалуй, главное, что вспоминается: во всех почти книгах Достоевского есть дети, а главные герои его романов — совсем молодые люди, не старше двадцати шести, двадцати восьми лет. Молод Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», молод князь Мышкин в «Идиоте», совсем юн Аркадий Долгорукий в «Подростке», молоды братья Митя, Иван, Алеша Карамазовы.

Писатель словно предназначает свои романы, полные изломов и надрывов, ставящие тягостные, не разрешимые во всю человеческую жизнь вопросы, в первую голову детям, подросткам, юношам. Молодые его современники, а за ними — молодые последующих поколений, читали эти трудные книги, заглядывая в бездны своей души, узнавая в героях самих себя, подчас в виде совершенно неблагообразном. И Достоевский считал, что именно такие — трудные — книги, как и вообще трудности в жизни, и нужны молодым для их развития. И еще Достоевский писал: «...потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, в борьбе, т. е. когда наиболее живет, потому что человек наиболее живет именно в то время, когда чего-нибудь ищет и добивается; тогда в нем и проявляется наиболее естественное желание всего гармонического, спокойствия, а в красоте есть и гармония и спокойствие».

Не в этих ли словах заключается объяснение тайны Достоевского: тайны его творчества и его жизни? Побывайте в мемориальных музеях писателя, побродите по их тихим комнатам, подумайте: наверняка разгадка тайны Достоевского не придет к вам, но на один шаг к ней вы приблизитесь.

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

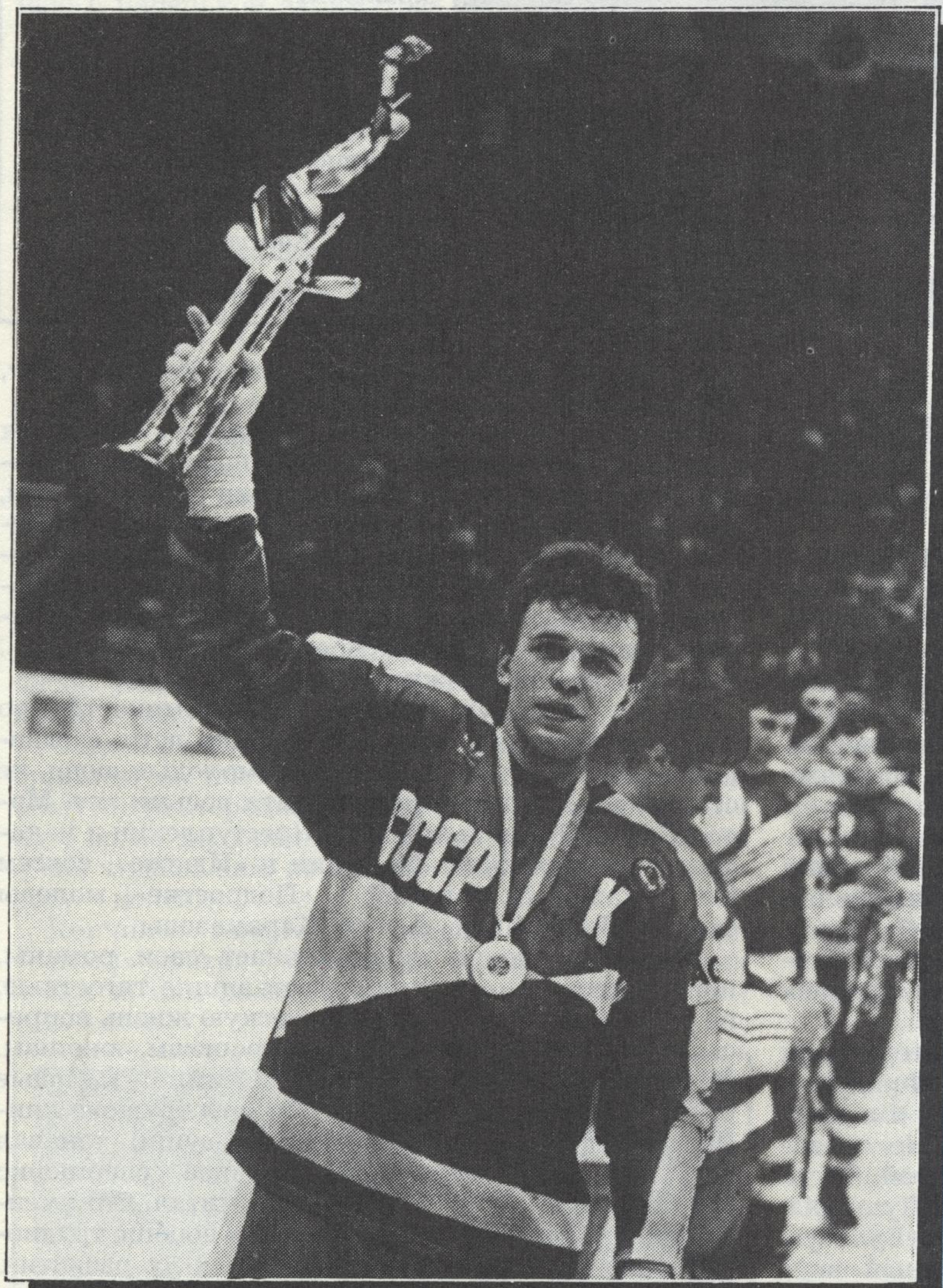
«Пионер»ский

СПОРТЗАЛ

1988 год — год очередных Олимпийских игр. И открывают этот год зимние Олимпийские игры, которые проходят в канадском городе Калгари.

Вячеслав Фетисов:

«НАЙТИ СВОЮ ИГРУ!»



Сегодня у нас в гостях — неоднократный чемпион страны, Европы, мира, Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта СССР, многолетний капитан сборной страны по хоккею Вячеслав Фетисов. Мы решили показать прославленному чемпиону вопросы, которые чаще всего встречаются в письмах наших читателей, ничего в них не изменяя и не приукрашивая.

Фотография С. Сафонова

Итак, вопрос первый:

Вячеслав Фетисов — наш самый любимый хоккеист. Просим рассказать, как он пришел в большой хоккей, как стал капитаном советской сборной.

— Сам я москвич. Учился и рос в рабочем районе столицы, там же осваивал и хоккейные азы. Считаю, что мне повезло: спортом в округе занимались все мальчишки, а любимейшим увлечением был хоккей. Первый тренер Борис Николаевич Бервинов. Знавал я в своей жизни хоккейных специалистов самой высокой квалификации, не чета нашему дворовому наставнику. Многому у них научился, многим им обязан. Но вот был у Бориса Николаевича один секрет, который почему-то остался неведом его старшим коллегам: не стричь всех под одну гребенку, давать каждому возможность играть в такой хоккей, который ему ближе и понятнее всего. Может, и помню-то я его крепче других как раз поэтому. А ходил я тогда в первый класс. Поглядел на меня Бервинов, да и поставил для пробы в команду к ребятам двумя годами старше. Через пару-другую игр никому уже и в голову не приходило переводить меня к сверстникам. Надо сказать, старался я вовсю, не жалел ни локтей, ни коленок, ни даже амуниции — настоящей! Но какая жизнь у самого младшего в команде? Наверное, многие мальчишки знают на собственном опыте: на какое место поставили, там и играй! Вот и пришлось мне действовать в защите. Мало-помалу вошел во вкус: полюбил разгадывать финты и комбинации соперников, перестал бояться схваток у борта и на пятачке перед воротами. А выпадал случай — мог и в атаку подключиться, доводилось и шайбы забрасывать. Вот это меня и подвело впоследствии!

По совету Бориса Николаевича решил я заняться хоккеем всерьез. Объездил почти все московские спортшколы, но —

без толку. Поставят меня тренеры на пробу в команду новичков, а через матч-другой говорят: «Иди-ка, братец, домой! С такой игрой тебе в хоккее делать нечего; уж больно непонятно играешь — то ли защитник, то ли нападающий... В самоучках нужды у нас нет!»

Не знаю, как пошли бы дела дальше, не выиграй мы с командой районных соревнований на приз клуба «Золотая шайба». Финальный матч проходил на детском стадионе ЦСКА. Закончился третий период, и после радостных поцелуев и объятий потопали мы в раздевалку. Вдруг слышу — кто-то кричит вдогонку: «Эй, «пятерка»! Тебя тренер Чабарин просил подойти!» Подхожу — и сразу получаю первый урок армейского стиля общения: «Тренировка — с восьми утра. Не опаздывать!» Вот так все и началось...

На кого хотелось походить больше всего — не только на ледовой площадке, но и в жизни?

— А вы знаете, я не люблю разделять свою жизнь на особые отрезки: слишком многое связано в ней с хоккеем. Может, поэтому и люди, которых я уважаю больше всего,— хоккеисты. Во-первых, это многолетний капитан советской сборной Борис Михайлов. Честность, бесстрашие, настоящая человеческая мудрость — вот за что уважали его многие поколения спортсменов. Именно Михайлов научил меня многому. Например, я никогда не считал себя трусливым. А по молодости да неопытности канадских профессионалов все же побаивался. И вот однажды, перед самым выходом на лед, Борис как бы невзначай заметил: «Учти, что «кленовые листья» специально ищут слабаков. Чуть только почувствуют, что робеешь,— так непременно «отделают» по первое число. Вдобавок, глядишь, в твою смену и шайбу забросят. А потому сразу покажи характер, даже если обидчик в два раза здоровее. Только тогда они тебя зауважают и лишний раз не станут цепляться». Словом, после нескольких объяснений «накоротке» канадцы, кажется, действительно меня зауважали...

Никогда не забуду и уроков нашего замечательного вратаря, комсорга советской сборной Владислава Третьяка. Как-то раз я удивился: зачем он так старательно готовится к игре, которая для нас ровным счетом ничего не значила? «Зачем? — переспросил Владик, продолжая разминаться. — Да затем, что ты — спортсмен!» Потом я узнал, что даже в редкие выходные дни Третьяк никогда «ни на миллиметр» не отклонялся от своего поистине железного режима.

Не по этой ли причине первая пятерка нашей сборной намного сильнее остальных?

— Что ж, от трудолюбия и старания многое зависит. Но не все. Нужны выдумка, дерзость, хитрость, своя «фирменная» игра. Вот ее-то многим молодым спортсменам сейчас и недостает. Привыкли жить по тренерской указке... Так, конечно, проще: выполнил задание — и ладно. Но разве при таком подходе можно стать настоящим мастером?

Что, по-вашему, самое трудное в хоккее?

— Кое о чем в этом роде я уже сказал. Но если суммировать, то труднее всего найти свою игру. А нашел — сумей выдержать испытание «медными трубами». Лично у меня это не сразу получилось. Сложилось так, что всего за полтора сезона я стал трехкратным чемпионом мира: дважды среди молодежи и один раз — на взрослом первенстве 1978 года. И трижды меня признавали лучшим защитником. Вот тут-то голова и закружилась... Любое замечание партнеров вызывало раздражение: завидуют и придираются! Мог и посвоевольничать на льду, лишь бы самому покрасоваться. А мог и пожалеть себя, расслабиться, когда другие из последних сил сражались за победу. К чему приводит расслабленность, известно: следующий мировой чемпионат я уже смотрел по телевизору, с больничной кровати. По сути, подвел я товарищей. А когда вернулся на лед — повел себя совсем иначе.

Скажите, какой недостаток вы считаете самым непростительным?

— Нечестность. Но только это — не недостаток. В старину такое скверное качество называли словом грех, да еще и тяжкий. Не терплю вранья — во всех его проявлениях, пусть даже самых мелких: рано или поздно маленькая ложь приведет за собой большую.

Я не могу спокойно слышать о таком безобразном явлении, как «подставки» на детских спортивных соревнованиях. А разве мало их даже на всесоюзных финалах «Кожаного мяча», «Золотой шайбы», «Стартов надежд»? Обычно за них наказывают взрослых, и правильно наказывают; по-моему, так надо бы еще крепче, без скидок и послаблений! Но вот одно мне непонятно: как на это соглашаются мальчишки?! Разве не ясно, что завоеванная нечестным путем победа, пусть даже самая громкая, унижает?

Весной прошлого года наши хоккеисты проиграли чемпионат мира. Осенью упустили Кубок Канады. Неужто и на Олимпиаде в Калгари они не сумеют отыграться?

— Как показывает опыт, заверения в спорте — вещь ненадежная. Хотя, если по правде, еще несколько лет назад все было намного яснее: любая наша неудача воспринималась как сенсация. Но ведь соперники не стоят на месте.

Как капитан команды твердо могу обещать одно: сделаем все, что только в наших силах, чтобы подняться на высшую ступеньку пьедестала почета. Наверное, для многих из нас, хоккеистов старшего поколения, эта Олимпиада станет последней. А кто же хочет уходить из большого спорта побежденным?!

Тут Вячеслав Фетисов извинился перед читателями: время вышло, пора на тренировку. На прощание капитан с улыбкой спросил: «А кто будет «отчитываться» перед читателями журнала в будущем?» И мы подумали, что в этом вопросе содержится неплохая идея — сделать беседы по письмам любителей спорта традиционными. Итак, напишите нам, с кем из знаменитых советских спортсменов вы хотели бы повстречаться на наших страницах. И присылайте заодно свои вопросы. На конвертах обязательно пометьте: «ПИОНЕР»ский спортзал».

С Вячеславом Фетисовым беседовали Саша Жаров из Москвы, Вера Шор из Брестской области, ростовчане Женя Головин и Зоя Семина.

Вел беседу спортивный журналист С. ШАЧИН.

Фотография А. БОЧИНИНА.

ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ

Что такое Планета детей?
Это новый клуб журнала «Пионер».
Но Планета детей реально существует. Со своими границами и расстояниями. С республиками и международными объединениями. Со своими проблемами, радостями и невзгодами. Ведь Планета детей — часть сложной и разноречивой Планеты людей.

Планета людей — просто и емко назвал нашу Землю отважный французский летчик и замечательный писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Он очень любил людей и страстно желал, чтобы они жили в мире.

«Чего ради нам ненавидеть друг друга? — спрашивал он в канун второй мировой войны. — Мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы — команда одного корабля».

Пожалуй, никогда прежде эти слова, написанные полвека назад, не звучали так остро и так верно, как в наши дни. И, может, поэтому самые юные члены команды общечеловеческого корабля уже не хотят быть просто пассажирами.

Планета детей — мирная планета. Планета взаимопонимания и дружбы, несмотря на все различия и разногласия. И у нее может быть только один курс — к миру, к жизни.

Эмблема будущего фестиваля

Знакомьтесь: перед вами эмблема XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который состоится через полтора года в Корейской Народно-Демократической Республике. Впрочем, можно не сомневаться: фестивальную ромашку вы узнали сразу. А вот и отличительные черты новой эмблемы. Обратите внимание на фигурку голубя, изображенного на фоне земного шара. Его крылья составлены из двух цифр — единицы и тройки, вместе это число «13». А ниже — название города Пхеньяна по-английски.

Те, кто получал наш журнал в прошлом году, знают, а тем, кто стал подписчиком «Пионера» недавно, мы хотим сообщить, что в 1988 году будет объявлена викторина, посвященная КНДР — стране-хозяйке XIII фестиваля. На нашу просьбу придумать вопросы для этой викторины откликнулись ребята из разных республик и областей. «Эту интересную работу я выполняла с большим удовольствием,— написала нам Маша Бланк из Челябинска. — Узнать о Корее все хочется, это же наши друзья. А она так далека от нас и все же близка. У нас в Челябинске живет много корейцев, у моей подружки Оли Ефремовой мама даже родилась и жила в Корее. Она очень тепло рассказывает нам об этой стране, о ее народе и обычаях. И нам захотелось побольше узнать о корейских детях. И вот я взяла книгу «Товарищ», а потом и другие книги, где рассказывается о пионерах КНДР. Это очень интересно, тем более, что у них пионерская жизнь построена по-нашему, по-пионерски. Значит, они нам родные... Значит, у нас общие цели. А еще я попутно прочитала все, что попалось по истории и географии Кореи, о народных традициях... А вопросы составлять все же нелегко, хотя и очень интересно. Спасибо за науку».

Прежде чем подвести итоги читательского конкурса на лучший вопрос о КНДР, мы хотим дать возможность включиться в него и тем, кто начал выписывать наш журнал с января нынешнего года: эти читатели могут прислать свои предложения до 15 марта 1988 года.

ВОПРОСЫ ФЕСТИВАЛЬНОЙ ВИКТОРИНЫ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В 9-м, СЕНТЯБРЬСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

С днем рождения, Викки!

До условленной встречи оставалось еще немного времени, и я решил полистать буклет, изданный секретариатом СИМЕА. Девятая главка в нем была о Викки.

Любопытно, что же думают о нем люди, которые общаются с ним чаще, чем кто бы то ни было в мире? Ведь Викки — символ СИМЕА, символ всех детей земного шара.

Прежде всего он хороший и верный друг. И хочет, чтобы все дети мира дружили между собой. Сам готов прийти на помощь в любую точку Земли. Жизнерадостен, трудолюбив, настойчив в достижении цели. Любит разные игры и очень увлекается техникой. Всегда говорит только правду. Уважает и почитает старших, за исключением тех, кто обижает детей или показывает им дурной пример.

Викки дисциплинирован, смел, ненавидит трусов. Любит хорошую шутку. Заботится об охране животных, птиц и растений. Во всех своих друзей стремится вселить уверенность, что общими усилиями можно добиться лучшего будущего для всех детей Земли.

Читаете вы и, наверное, думаете: уж очень какой-то правильный этот Викки, одни добродетели, что-то он не больно похож на обыкновенных мальчишек и девчонок.

Но... не спешите с выводами. Посмотрим, что дальше.

Оказывается, Викки далеко не безгрешен. Он бывает и вспыльчив и хмур без особых на то причин. Иногда выглядит слишком самоуверенным. Любит похвастать. После вкусного обеда не прочь поспать, да так крепко, что разбудить его бывает очень нелегко. Когда же начинает играть, то не знает меры. Порой ведет себя легкомысленно, и время от времени ему приходится напоминать о его обязанностях. Постоянно чем-то озадачен и сует свой нос во все дела.

Ну, теперь, кажется, все в порядке: Викки — нормальный мальчуган, каких немало на белом свете.

Тут за дверью послышался едва уловимый шорох, и в следующее мгновение на пороге появился он сам, Викки.

Да, именно такой, каким он сейчас предстал перед вами: в белом галстуке, с туловищем в виде земного шара и, конечно же, улыбающийся. Викки выглядел точно так же, как и тридцать лет назад, когда он был придуман известным венгерским кукольником и режиссером мультфильмов Отто Фоки.

Заметив в руках у меня буклет, Викки улыбнулся еще шире:

— Как вам нравится, что там обо мне написали? По крайней мере вы знаете теперь все, и мне не нужно ничего добавлять.

— Да, но здесь,— возразил я,— ничего не сказано, почему тебе выбрали имя Викки и почему у тебя белый галстук.

— Ну, на эти вопросы ответить несложно. Мое имя известно в самых разных странах и его носит множество детей. Если мальчик — значит, Виктор, если девочка — Виктория. «Виктория» — по латыни означает «победа», Виктор — «победитель». По-моему, очень хорошее имя. Ведь все мои друзья, а их у меня миллионы на всех континентах, хотели бы быть победителями в столкновении с трудностями, в борьбе со злом, которого еще хватает, с вредными привычками и недостатками в нас самих, с предрассудками, которые разъединяют людей и мешают им стать друзьями. Ну, а белый галстук у меня потому, что все дети хотят мира. Ведь именно белый цвет у многих народов символизирует мир.

— Говорят, что ты непоседа, Викки, и тебя трудно застать дома?

— Да, это верно, если иметь в виду штаб-квар-

тиру СИМЕА, которая расположена в венгерской столице Будапеште. Но ведь гражданство у меня международное и дом мой — вся Земля. Я много езжу, помогаю ребятам устраивать международные лагеря, проводить конкурсы рисунков, спортивные соревнования, детские фестивали. Просто немыслимо перечислить хотя бы города и страны, в которых мне довелось побывать за тридцать лет.

— Ну, а если бы все-таки понадобилось рассказать о чем-либо подробнее, что бы ты выбрал?

— Пожалуй, акции солидарности. Каждый раз, когда я обращался к своим друзьям за помощью, на призыв откликались миллионы. СИМЕА направлял палатки детям Ливана и Палестины, которых война лишила крова над головой. СИМЕА помогал, чем мог, юным жителям Афганистана, Чили и Анголы, Вьетнама и Эфиопии. Когда мы вместе, мы можем сделать очень много! Собрали же мы школьные принадлежности детям Кампучии и подарили игрушку каждому ребенку в Никарагуа. Сейчас помогаем строить детские дома для никарагуанских детей-сирот. А недавно я побывал в Ханое: там открылась пионерская гостиница «Красный галстук», которая построена и оборудована на средства членских организаций СИМЕА.

— Если не секрет, куда ты сейчас направляешься?

— Никакого секрета. В Москве я проездом. А путь мой лежит в Варшаву. В Польской Народной Республике в середине февраля собираются все мои давние и верные друзья, чтобы отпраздновать 30-летие СИМЕА.

— А дальше?

— А дальше — опять в дорогу. «Дети вместе строят мир» — так называется программа действий детских демократических организаций, которая была принята VI Ассамблеей СИМЕА. Мир нужен всем — и взрослым, и детям. И дети тоже должны бороться за то, чтобы сохранить жизнь на нашей прекрасной планете.

— Ну, что ж, Викки, «Пионер» поздравляет тебя с днем рождения, а всех твоих помощников и единомышленников — с юбилеем СИМЕА. От имени наших читателей желаем тебе успехов!

Н. ТАРАСЕНКО.

Наша справка:

Слово СИМЕА составлено из первых букв французского названия Международного комитета детских и юношеских организаций при Всемирной федерации демократической молодежи. Создан он 15 февраля 1958 года. Его учредителями были детские организации Аргентины, Кипра, Финляндии, Франции, ГДР, Венгрии, Индонезии, Польши, Советского Союза и Вьетнама.

Сейчас комитет объединяет 79 детских и юношеских организаций из 74 стран мира. Один раз в четыре года все членские организации СИМЕА собираются на свою Генеральную ассамблею, чтобы совместно выработать программу действий. Последняя, VI Ассамблея проходила в Будапеште в ноябре 1986 года. Она избрала президиум, в который вошли пионерские организации Анголы, Венгрии, Вьетнама, Кипра, Колумбии, Конго, Кубы, Монголии, Никарагуа, Польши, Сирии, СССР, Судана, Финляндии и Франции. Организацией-президентом СИМЕА является Национальное пионерское движение имени М. Нгуаби Народной Республики Конго, вице-президентами — пионерская организация имени Хосе Марти (Куба), Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина и «Пионеры Франции». Генеральным секретарем — Союз венгерских пионеров.

Заседания президиума проводятся дважды в год.

Секретариат СИМЕА работает постоянно. Кроме генерального секретаря, в него входят представители пионерских организаций Финляндии и Монголии.

ЮНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ, ВНИМАНИЕ!

В Госбанке СССР открыт

СЧЕТ ПИОНЕРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ № 700409.

Этот счет — продолжение интернациональных пионерских традиций, которые всегда выражались не только в словах сочувствия и протеста, но и в конкретных делах: в направлении зарубежным сверстникам медикаментов, палаток, одежды, продовольствия, учебных принадлежностей, пионерской атрибутики.

Сейчас мы сотрудничаем более чем со 100 детскими организациями, многие из которых действуют в трудных условиях и нуждаются порой в самом элементарном. Открытие счета пионерской солидарности позволит сделать нашу помощь пионерским организациям развивающихся и борющихся за свою независимость стран существеннее и оперативнее. Средства счета № 700409 будут использоваться также на проведение акций в защиту мира, международных и всесоюзных кампаний солидарности.

Вы можете перечислять в банк деньги, заработанные на субботниках и воскресниках, в летних трудовых объединениях, средства от сбора металлолома и макулатуры, грибов и лекарственных растений, от проведения ярмарок солидарности, платных концертов и т.п.

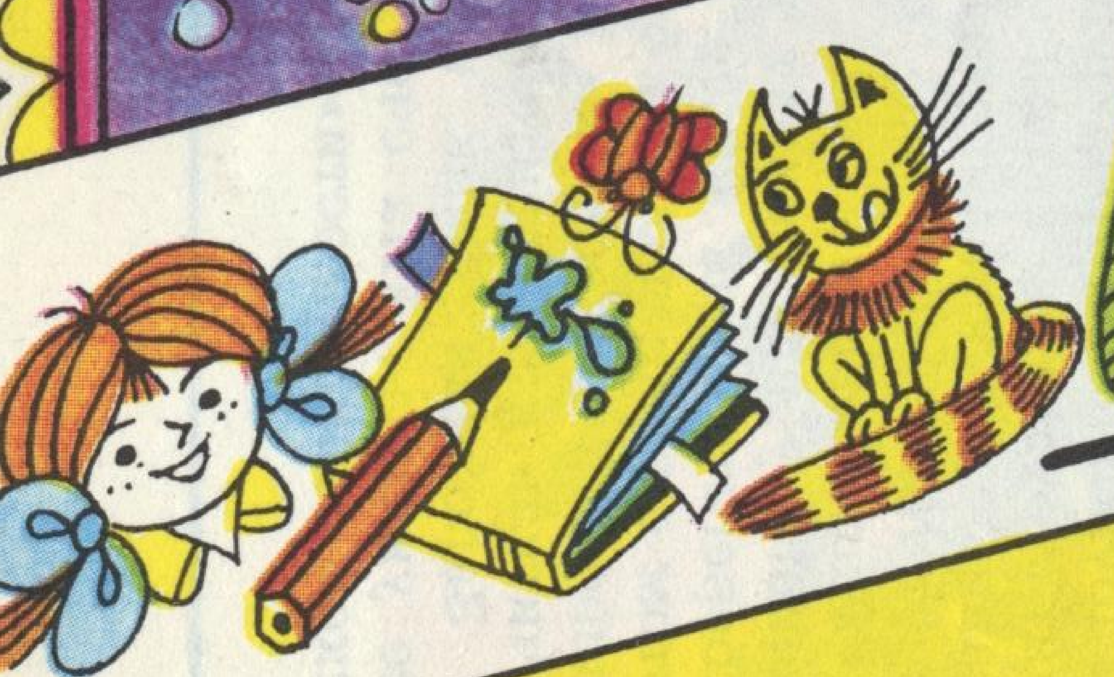
Отмечая 8 февраля День юного героя-антифашиста, многие пионерские отряды и дружины по традиции проводят трудовые акции. Заработанные средства переводите на счет № 700409!

Напоминаем вам, ребята: деньги у вас примут в любой сберегательной кассе, но при этом с вами должен быть кто-либо из взрослых: вожатый, учитель или родители.

Заполняя бланк, не забудьте указать: «На счет пионерской солидарности».

Рисунки И. ПАНКОВА.

ПЕРЕМЕНКА



ЖИЗНЬ замечательных ДЕТЕЙ

Если разбудить ночью Федю П. и спросить у него: «Сколько будет дважды два?» — он всегда отвечает: «Четыре».

А вот Коля М. на тот же вопрос ничего не ответит. Его ночью вообще не добудишься.

* * *

Вчера на уроке зоологии Витя К. узнал, что он произошел от обезьяны. Что тут бы-ыло!

* * *

У Геры В. очень хороший нюх. Он сразу чувствует, где находятся знания, и обходит эти места стороной.

РЕКОРДЫ «ПЕРЕМЕНКИ»

Вот уже двенадцать лет борется со своей привычкой много кушать Григорий А.

Эта борьба будет продолжена сегодня за завтраком, обедом и ужином.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что если осуществить некоторое число перестановок слов в сочинении Миши Ж., то получится текст сочинения Добролюбова Н. А. «Луч света в темном царстве».

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Всем желающим научиться плавать раньше, чем ходить, предлагается лично явиться в бассейн и встать на очередь.

* * *

Потерявшего атташе-кейз с джинсами фирмы «Ли», стереокассетником «Шарп», кроссовками «Адидас» и складным зонтиком «Три слона» просят к Володе Д. не обращаться. Он ничего не находил.

Володя Д.

* * *

Петюне Г., играющему на скрипке, как Эйнштейн, делающему чемоданы, как Менделеев, и коллекционирующему марки, как Карпов, срочнс требуются преподаватели по физике, химии и шахматам.

Родители Петюни Г.

Спрашивайте — отвечаем

— Папа, я купил тебе подарок ко дню рождения.
— Самым лучшим подарком для меня будут твои отличные отметки.
— Поздно, папа, поздно. Я уже купил тебе галстук.

* * *

Учитель. Как жили крестьяне?
Ученик. Крестьяне жили плохо. Зато мы живем хорошо.

Прислали Таня Соболева из Красноярска и Оля Баташова из п. Большой Картель Хабаровского края.

Перловая книга

«В дупло утром проник солнечный луч и огрел кукушонка как следует».
«С юга нашу страну омывают три моря — Черное, Каспийское и Айвазовское».
«В классе на стене висит картина, двадцать одна парта, стол и стул».
«У Сережи зачесались руки на коленках».
«В спортзале дрессировались борцы».

Перлы отыскали Максим Гируханов из Тольятти, Ф. Шумков из п. Углегорск Ростовской области, Аня Редько из г. Комсомольска Донецкой области, Леша Габбасов из с. Приволье Пензенской области и Наташа Денисенко из Запорожья.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

А. УСАЧЕВ

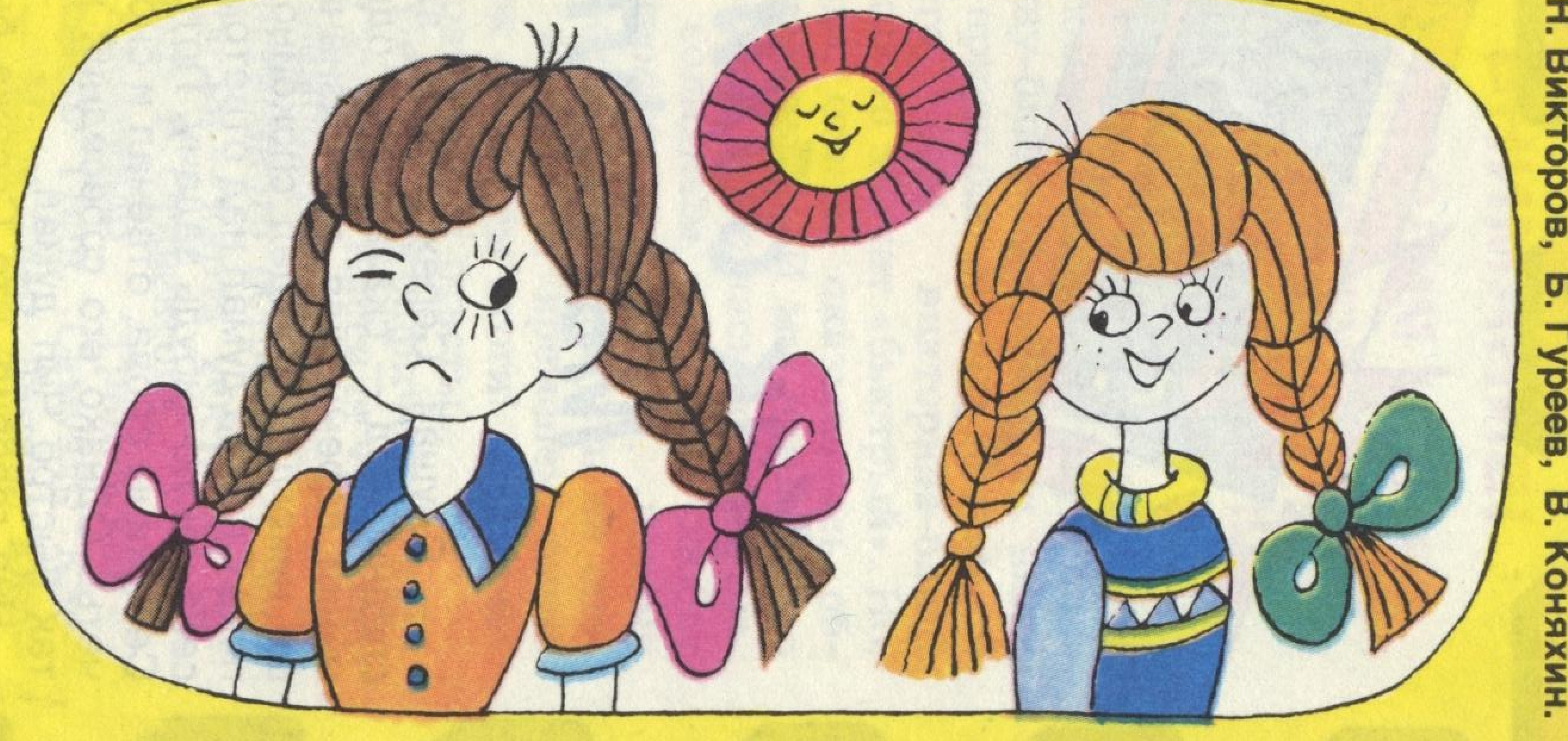
Спаситель

— Придется наказать Козлова! —
Учитель вымолвил сурово.
— Скажи, Козлов, зачем ты снова
Петрову дергал за косу?

Козлов ответил: — Что ж такого...
Быть может, я ее спасу!
А вдруг она пойдет купаться,
И вдруг начнет она тонуть! —
Мне ж надо потренироваться,
Как из воды ее тянуть...

На это крикнула Петрова:
— Спасай кого-нибудь другого!

В тот день Козлов решил с расстройства:
— Нет в жизни места для геройства!
Но через день с надеждой новой
Смирнову дернул за косу:
— Смирнова! Я ТЕБЯ спасу...
Пускай завидует Петрова!



«Переменку» придумали Н. Викторов, Б. Гуреев, В. Коняхин.

Как обхитрить Мегафлопа

— Слушай, Сережа, а ты здорово вырос за последний год,— сказал Чип, одновременно для разминки перемножая десятизначные числа. Он вообще никогда не сидел спокойно — говорил фразу и, пока Сережа думал над ответом, успевал решить про себя какую-нибудь задачу. Потом быстро обдумывал Сережины слова, отвечал и снова погружался в расчеты. Однако его собеседник ничего не замечал — так быстро Чип думал.

Чип говорил, что Сережа был для него медленным внешним устройством, а расчет шел в фоновом режиме. То есть на фоне расчета он разговаривал с Сережей, как солист в опере поет на фоне оркестра. Например, ЭВМ может одновременно печатать на машинке и решать сложную задачу. Пока машинка печатает строку, Чип успевает сделать массу вычислений. Потом он прервет решение задачи, пошлет в печать новую строку и возобновит работу с того места, где остановился. Иначе Чипу пришлось бы очень долго, по его понятиям, сидеть без дела, а машины этого не любят. Поэтому в хороших вычислительных машинах могут одновременно решаться десятки проблем, и одна программа не замечает присутствия остальных.

Все это Чип успел рассказать сам себе за ту секунду, которая потребовалась Сереже, чтобы ответить:

— Да, на целых пять сантиметров. А ты почему не растешь? Когда ты станешь таким же большим, как твой папа — Центральный процессор?

— Мы, чипы, не растем, а сразу рождаемся взрослыми: большими или маленькими, умными или глупыми, быстрыми или медленными. Но бывает так, что несколько медленных чипов оказываются быстрее одного быстрого.

— Десять черепах обгоняют одного зайца?

— Почти так, но поскольку машины сами думать не умеют, им должен помочь хороший программист. Вот как-то раз приехал к нам из-за границы нахальный чип Мегафлоп. Был он маленький, гладкий и все ходил и похвалялся: «Эх вы, старикашки! Вам бы на пенсию или в демонтаж! Краска облуплена, час поработаете и перегреваетесь, а уж считаете вы совсем как черепахи. Пока вы два числа сложите, я — сто, пока вы два числа умножите, я — двести. На что вы годны?!» Обидно нам стало, и решили мы пойти к программисту Лене и попросить помощи — неужто и правда нами можно только гвозди забивать?

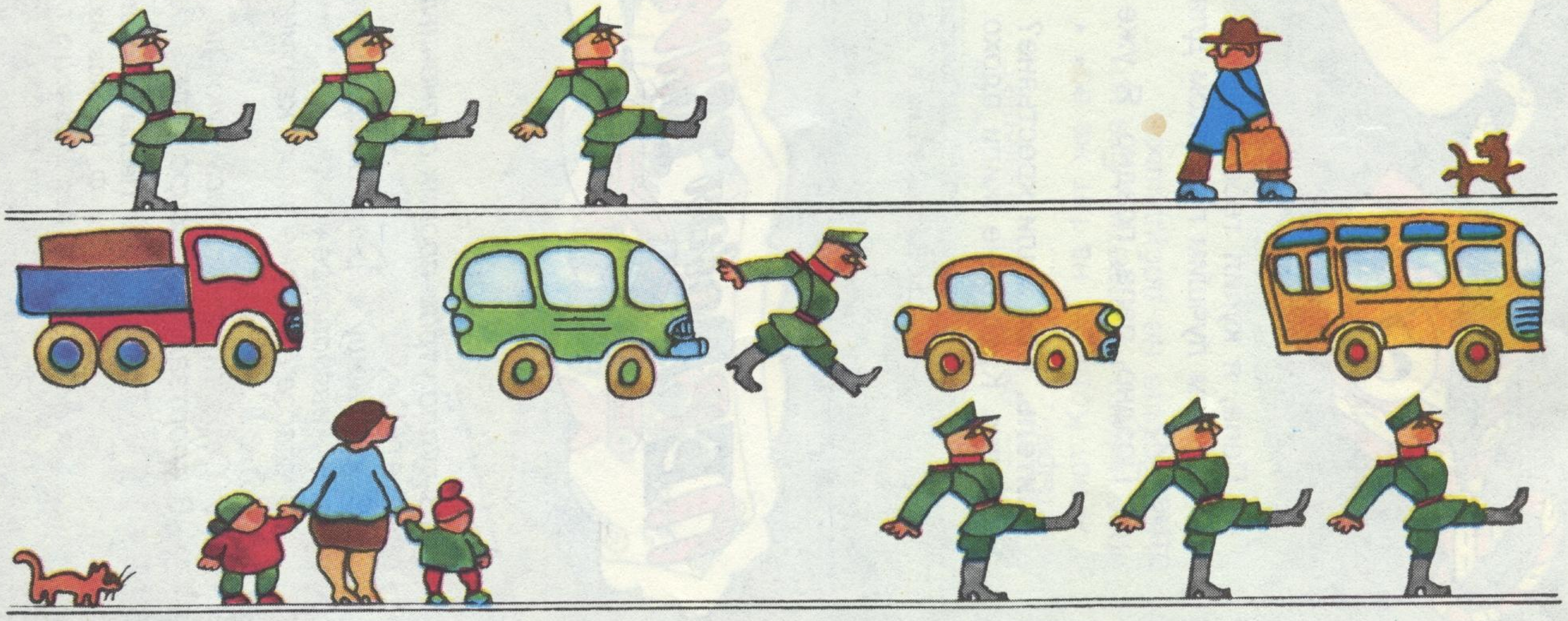
Леня засмеялся и сказал: «Чипы! Решите-ка такую задачу: по длинной улице идут сплошным потоком машины. Между каждой парой машин может проскочить один человек. За какое время перейдет на другую сторону улицы рота солдат, если один человек перебегает улицу за десять секунд?». «За тысячу секунд»,— хором ответили чипы. «Ну и неверно! Кто вам мешает построить солдат вдоль улицы, и тогда вся рота перейдет за десять секунд. Так же и из вас, медленных чипов, собирают параллельные машины, а мы, программисты, ломаем потом голову: как распределить работу, чтобы вы все решали одну задачу, но каждый делал свой кусок и не зависел от товарищей. Все крупнейшие современные машины устроены по такому принципу. Предложите вашему Мегафлопу соревноваться. Например, сложить, кто быстрее, тысячу чисел. Он будет суммировать их все подряд, а вы сделайте так, как я нарисовал. Вы вместе за десять шагов сложите всю тысячу потому, что вас много, а я дал вам хороший параллельный алгоритм».

— Погоди-ка,— перебил Чипа Сережа.— Ведь тысяча — это не степень двойки. Разделил пополам — 500, сложил 500 пар, разделил на 250 пар, снова попарно сложил, разделил на 125 пар, сложил — и стоп! Дальше не делится! Не додумал твой Леня алгоритм.

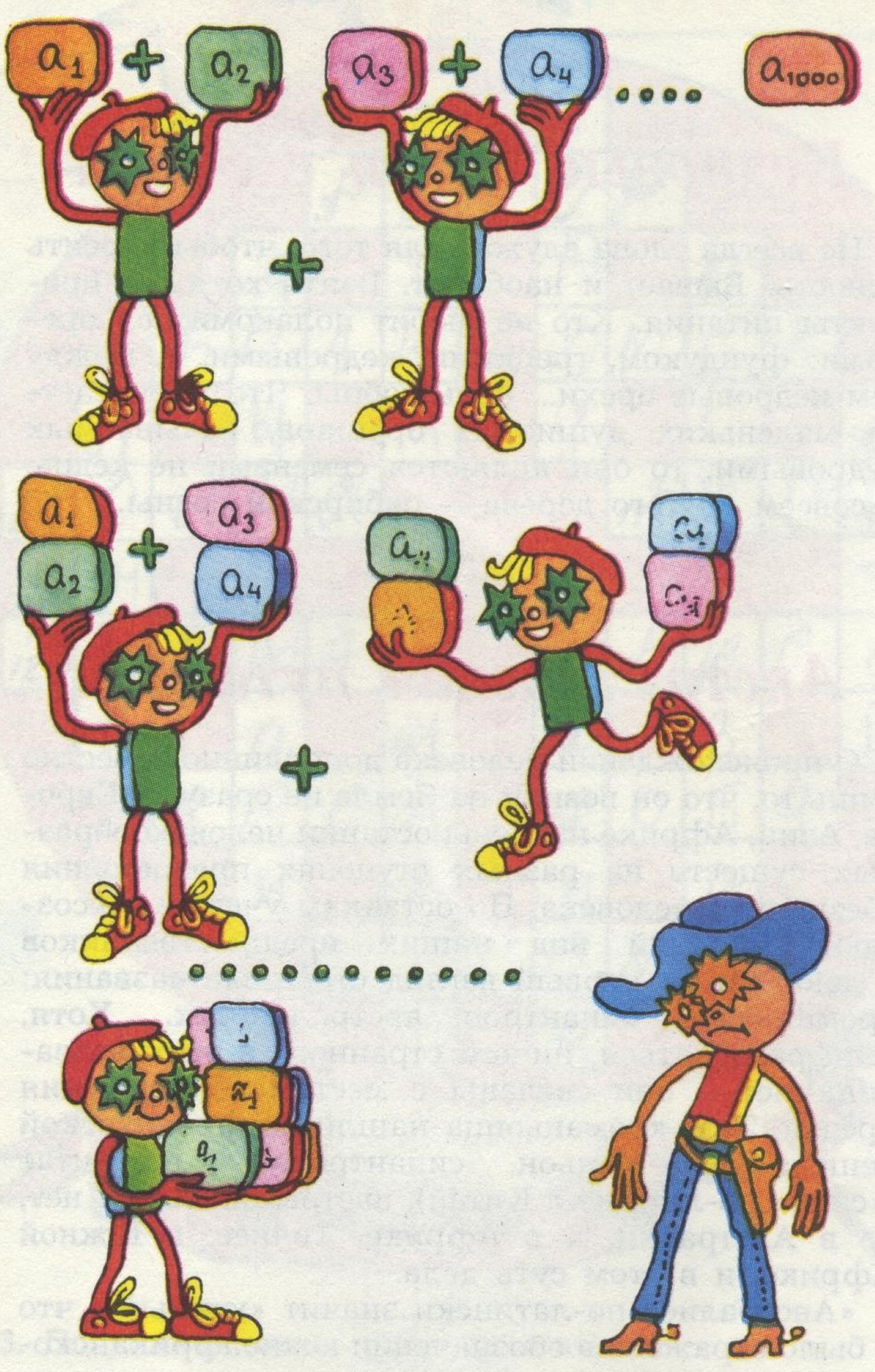
— Молодец,— усмехнулся Чип,— не зря я тебя учил. Что же, в этом случае проще всего добавить три числа, равных нулю.

— А зачем нули добавлять?

— Чтобы всем чипам работа досталась. Сумма не



Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.



изменится, а слагаемых станет 128, их можно до конца разбивать на пары. А еще проще, как только количество чисел становится нечетным, к ним добавляется еще одно число, равное нулю.

— Удивительно! Вроде лишнюю работу делаем, а получается быстрее.

— Зато все чипы при деле, в ногу шагают! — Чип подмигнул Сереже и продолжил: — Так мы и сделали, а потом и сами предложили Мегафлопу вторую задачу: найти наибольшее из тысячи чисел. (Кстати, как это сделать за десять шагов?) Потом третью: вывести оценки за четверть для всей школы (для каждого ученика его оценка за четверть по каждому предмету есть среднее арифметическое его оценок, полученных в течение четверти). Как, по-твоему, мы решили эту задачу?

Проиграл Мегафлоп раз, проиграл другой и от стыда сгорел.

Но тут появилась новая проблема! Приехал младший брат Мегафлопа — Гигафлоп. Он работает так быстро, что за ним не угнаться. Давай предложим ребятам придумать такой алгоритм, чтобы все чипы работали одновременно, ни один не стоял без дела.

— А над какой задачей они должны работать? — спросил Сережа.

— И задачу пусть ребята сами придумают. Чипы могут делать что угодно: умножать, делить, сравнивать... из того, что мы научились делать в прошлом году.

— А на конверте пусть ребята напишут: **«Сразимся с Гигафлопом».**

Раздел ведут профессор А. МИГДАЛ и М. АГИШТЕЙН.

ВНИМАНИЕ! ПОДВОДИМ ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВИКТОРИНЫ-БЛИЦ!

В 10-м номере за прошлый год мы поместили литературную викторину-блиц. Письма шли вяло. Мы приуныли. И еще подумали: ничего себе викторина-блиц! «Блиц»-то значит «быстрый». Но, правда, ответы оказывались обстоятельными. И мы поняли, что викторина пришлась по душе людям солидным, которые любят действовать наверняка, потому и не спешат. Ну и пусть не спешат, а мы тем временем точно в срок подведем итоги! Но сначала правильные ответы...

1. Первая географическая карта из книги Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания», вторая — из «Таинственного острова» Ж. Верна, третья — карта «Острова сокровищ» Р. Стивенсона.

2. Александр Гриневский — Александр Грин, Самуэль Клеменс — Марк Твен, Даниил Ювачев — Даниил Хармс, Чарльз Латуидж Доджсон — Льюис Кэрролл, Афанасий Шеншин — Афанасий Фет.

3. Предметы могли бы принадлежать Шерлоку Холмсу.

4. К. Коллоди, «Пинноккио, или Похождения деревянной куклы» — «Буратино», А. Н. Толстой; «Девочка — золотые кудри», французская народная сказка, «Три медведя», Л. Н. Толстой; Л. Ф. Баум, «Мудрец из страны Оз» — «Волшебник изумрудного города», А. М. Волков; Бью Лофтинг, «Приключения доктора Дулитла» — «Айболит», К. И. Чуковский; С. Ф. де Жанлис — «Красавица и зверь», также эта сказка имеет народные корни,— «Аленький цветочек», С. Т. Аксаков.

5. Л. Н. Толстой.

А теперь имена лидеров... Мы отобрали пять лучших работ. Победителями викторины стали: восьмиклассник Сергей БАСОВ из Архангельска, семиклассница из Воронежа Ирина УЛЬЕВА, семиклассницы из 15-й московской школы Элина МАЛЮТИНА и Катя КОШЕЛЕВА, подруги из Архангельска Аня ГОЛОВИНА и Аня АРЕЩЕНКО и шестиклассник из Львова Максим АВЕРБУХ.

В качестве призов будут вручены книги известных писателей с автографами.

От всей души поздравляем победителей!

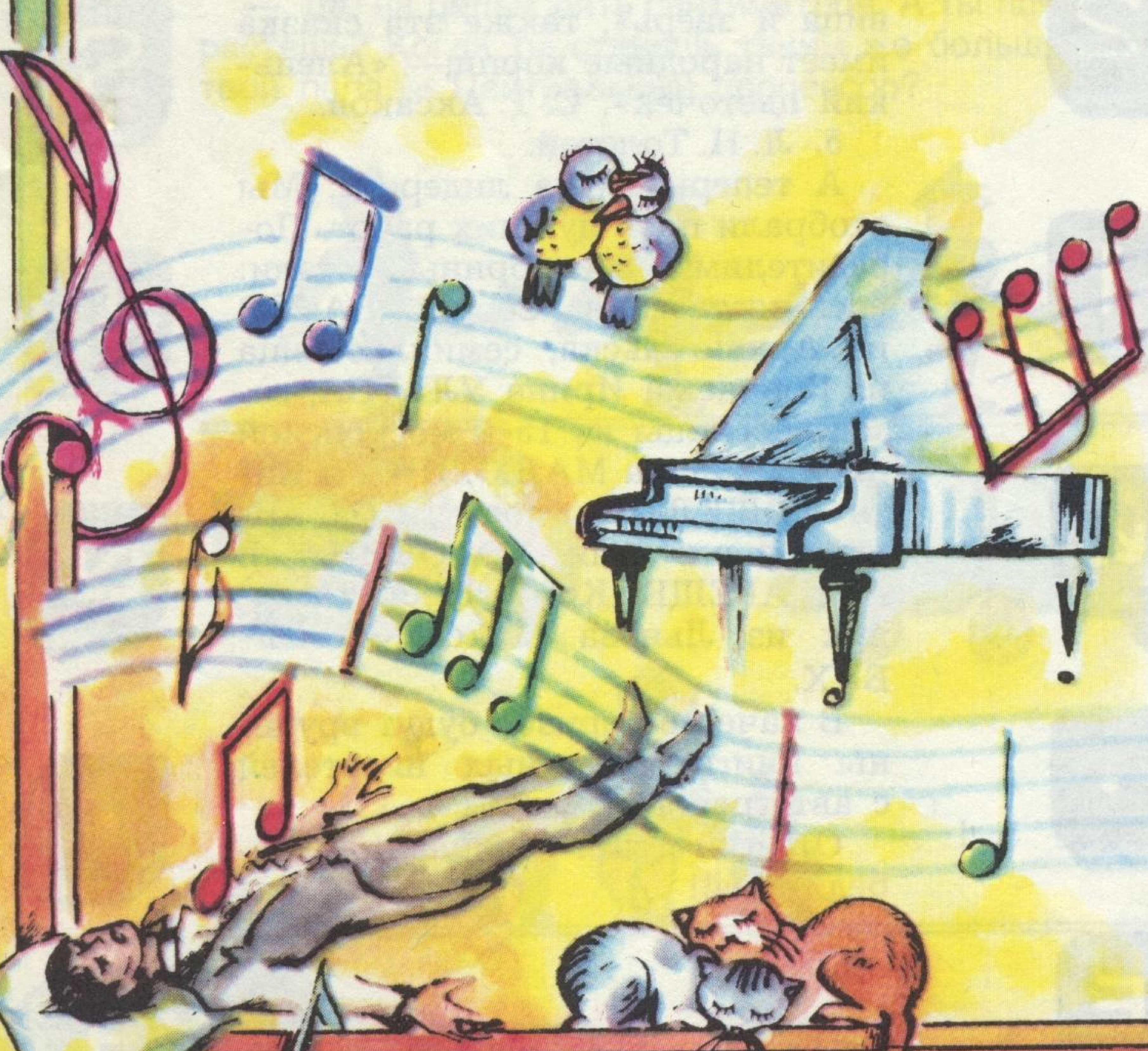
Кедровые орехи с сосны

Не всегда слова служат для того, чтобы вносить ясность. Бывает и наоборот. Взять хотя бы продукты питания. Кто не любит полакомиться орехами: фундуком, грецкими, кедровыми. А между тем кедровые орехи... несъедобны. Что же касается маленьких душистых орешков, называемых кедровыми, то они являются семенами не кедра, а совсем другого дерева — сибирской сосны.

Жертва собственного шедевра

Треть жизни человек спит. То есть не читает, не смотрит телевизор, не учится, не играет в футбол и не ходит в кино. А представляешь, что было бы, если бы человек все время бодрствовал! Ну пусть не всю жизнь, а хотя бы месяц или пару недель...

Оказывается, не было бы ничего хорошего. Сон человеку совершенно необходим. Еще мудрецы Древней Греции сравнивали его с божественным даром, который проясняет ум и делает неутомимыми мышцы. Сон восстанавливает силы; его уменьшение, бессонница — беда. К сожалению, не такая уж редкая и у взрослых, и у детей. Поэтому усилия специалистов направлены не на то, чтобы навсегда избавить человека от сна, а как раз наоборот — продлить сон, сделать его крепким и освежающим.

Обычно для этого применяют лекарства, но в последние годы нашли новое средство — музыку. Ты, возможно, и сам замечал, что порой слушаешь, слушаешь какую-нибудь спокойную, тихую мелодию да и начинаешь клевать носом. Именно такую музыку и решили использовать от бессонницы, и не без успеха. В разных странах создают и записывают на пластинки «сонные» мелодии, которые помогают людям уснуть. Но того, чего сумел добиться японский композитор Садзо Мики, не удалось больше никому. Он создал подлинный шедевр. Эффект его композиции был настолько силен, что композитор в процессе работы над музыкой несколько раз сам засыпал и падал со стула.

Австралийская путаница

О происхождении человека доподлинно известно лишь то, что он возник на Земле не сразу. В Европе, Азии, Африке найдены останки человекообразных существ на разных ступенях превращения обезьяны в человека. По останкам ученые воссоздают внешний вид наших предшественников и дают им на первый взгляд странные названия: кроманьонец, синантроп, австралопитек... Хотя, если разобраться, ничего странного в этих названиях нет — они связаны с местом обнаружения предка. Так, кроманьонца нашли во французской пещере Кро-Маньон, синантропа — в Китае («сина» по-латински Китай), австралопитека... нет, не в Австралии, а в Африке. Точнее, в Южной Африке, и в этом суть дела.

«Австралис» по-латински значит «южный», что и было отражено в обозначении южноафриканского предка. Австралия же не имеет к нему никакого отношения и только воспользовалась для своего названия тем же латинским корнем. Так что загадочно-романтическое название далекой страны означает просто «Южная» и связано с ее расположением в южном полушарии.

Что бы это значило?

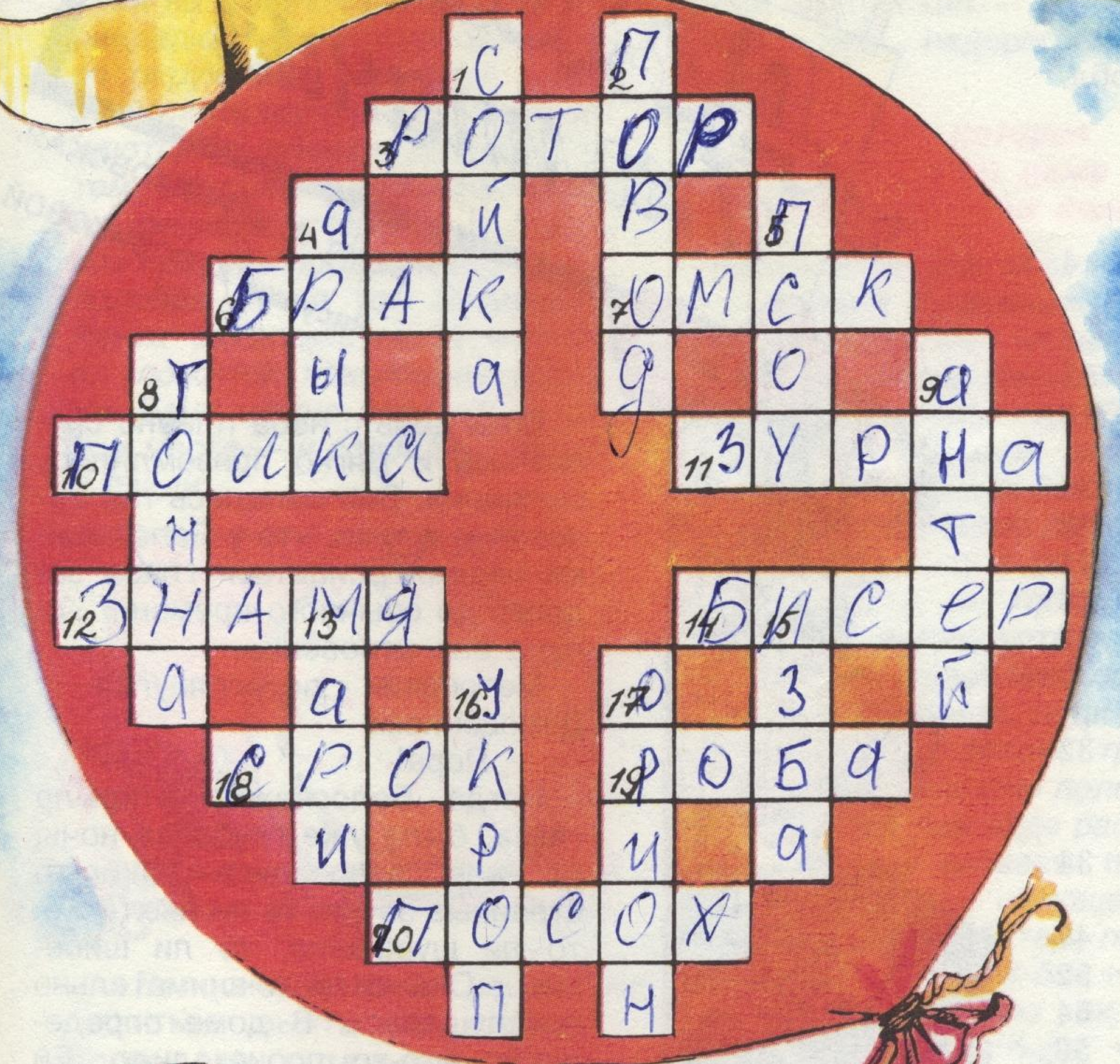
Синтетические ткани входят в жизнь не только со своими новыми свойствами, но и с новыми непонятными названиями. Откуда взялись и что означают эти загадочные «нейлон», «дедерон», «лавсан»?.. Приоткроем завесу таинственности.

Работа по созданию одной из первых синтетических тканей проводилась в Нью-Йорке и Лондоне одновременно. Это и было отражено в названии полученного материала. Соединили две заглавные буквы Нью-Йорка, звучащие по-английски «най», с первым слогом Лондона — «лон». Так родился «найлон», или нейлон.

Другой материал, разработанный химиками Германской Демократической Республики (сокращенно ГДР, или по-немецки произносится ДДР), назвали в честь нее «дедерон». А синтезированную у нас ткань назвали первыми буквами создавшего ее учреждения: Лаборатории высокомолекулярных соединений Академии наук СССР. Ты, наверное, уже расшифровал, что это всем известный «лавсан».

М. ЗАЛЕССКИЙ

КРОССВОРД



По вертикали:

1.

2.

4. Оросительный канал в Средней Азии.

5. Река на границе Краснодарского края и Абхазской АССР.

8. Мера веса.

9. Имя одного из советских самолетов.

13. Коренная национальность в одной из автономных республик РСФСР.

15.

16. Приправа к пище.

17. (Название созвездия.)

По горизонтали:

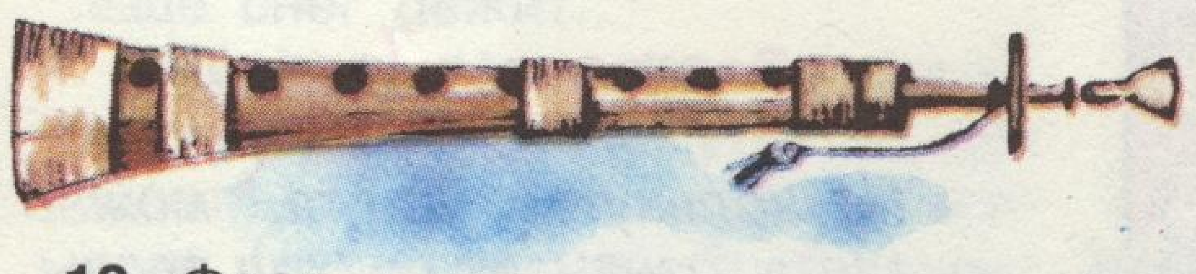
3. Подвижная часть электродвигателя.

6. Некачественное изделие.

7. Крупный город в РСФСР.

10. «Кровать» в поезде.

11.



12. Флаг.

14. Стеклянные бусинки, которые нашиваются на ткань для украшения.

18. Время, которое дается для выполнения, например, какой-нибудь работы.

19. Рабочая одежда моряка, рыбака.

20.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 1.

По горизонтали: 1. Лампас. 4. Геракл. 5. Сосна. 7. Сет. 9. Рупор. 12. Луза. 13. Рефери. 14. Картинг.

По вертикали: 1. Лига. 2. Морзе. 3. Скляр. 5. Соляр. 6. Сизиф. 7. Сани. 8. Трек. 10. Пони. 11. Ринг.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Содержание

«...Про отвагу, долг и честь».— Н. Ламм. Фотографии М. Вылегжанина .... II обл.

Песенка о бумажном голубе. Понедельник — день веселый. Не на дорожке, не в строю. Мы избавились от Грекова. Куда уходит время? Гармошка из тетрадного листка.— Стихи М. Вейцмана. Рисунок А. Дугина 4

Форвард — в защиту.— Повесть И. Москвина. Рисунки Л. Хачатряна 6

Виталий Баневур. «Работал на революцию» 17

Юнкоровский пост «РВС» 18

Если черепаха снится по ночам...— А. Маркуша 20

Игра в войну.— Стихи Г. Гагиева 22

Волшебный дневничок.— Г. Надеждин 24

Зеленая карета.— Н. Реймерс 26

Узел связи 29

«Кораблик» 30

Моя любовь Маммилярия Вильда.— А. Саломатов. Фотографии В. Трубицина 32

Золотые весла времени, или «Уйди-уйди».— Повесть Е. Велтистова. Окончание. Рисунки А. Борисова 34

Приближение к Достоевскому.— Е. Селезнева 47

Найти свою игру! — В. Фетисов 52

Планета детей 54

Переменка 58

Игры с Чипом 60

Подводим итоги литературной викторины-блиц! 61

Узнавайка 62

Домовенок и компания 64

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Н. А. ФЕДОРОВОЙ.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1988.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.12.87.
Подписано к печати 21.12.87. А 05185. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 1719.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Весь день с неба плавно спускались и мягко приземлялись снежинки. Они сыпались так монотонно и тихо, что у Белоснежки начали слипаться глаза задолго до обычного времени. Уснула она мгновенно.

Матроскин переглянулся с Домовенком:

— Пора!

Когда Белоснежка открыла глаза, была уже глубокая ночь. До нее доносились какие-то странные звуки: то ли пыхтенье, то ли шуршание, то ли шипение... Она села и внимательно прислушалась. В доме определенно что-то происходило. Ей стало страшно...

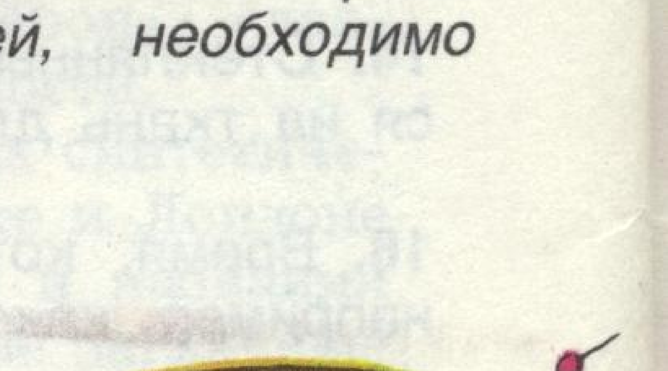
— Ножницы! Иглу! — важно распоряжался у себя наверху Домовенок.— Главное — быстрота и незаметность,— поучал он Винни-Пуха.

— А почему днем-то нельзя было все сделать? — недоумевал Винни, расторопно подавая все, что требовалось.

— Половина успеха в неожиданности! Белоснежка еще про 8 Марта и не думает, а мы уже подарки делаем. Вот она обрадуется, когда мою шляпку увидит!

Все дело в шляпе

Поскольку 8 марта, можно сказать, означает приход весны, а значит, и увеличение ярких солнечных дней, необходимо



к весенне-летнему сезону запастись элегантной шляпкой. Которую чрезвычайно просто выполнить из плотной ткани — например, джинсовой или пикейной.

Из материала вырезается круг диаметром 62 см. Края его аккуратно подшиваются. Затем

на расстоянии 12—15 см от края на изнаночной стороне карандашом или мелом проводится окружность. По всей длине этой окружности ножницами делаются маленькие прорези. Затем материал выворачивается на лицевую сторону, и сквозь все прорези продевается лента, подобранная в тон материалу. Лента затягивается, и материал ложится красивыми волнами. Бант можно завязать в любом месте — и спереди, и сбоку, и сзади.

...Белоснежка никак не могла решиться выйти из комнаты. Вдруг все остальные крепко спят, а в дом кто-то пробрался? Что она сможет сделать с этим кем-то? У нее нет никакого опыта борьбы с бандитами! Что подобные странные звуки могут издавать исключительно злоумышленники, у Белоснежки сомнений не было!

А шуршал Матроскин. Шуршал и рассуждал:

— Вот назначили бы праздник девочек, мам и бабушек в мае. Или в июне. Тогда и тюльпаны, и нарциссы, и розы с сиренью цветут. Выбирай любой цветок — и дари. А в марте? Еще снег лежит...

Правда, тем, кто на рынке торгует, снег почему-то не мешает — цветочки у них красивые. Но кусаются! Особые, кусачие цветы — по три рубля за штуку. А то и еще дороже. Откуда бедному коту такие деньги взять? Даже если целый учебный год экономить, все равно на большой букет не хватит! Можно, конечно, заранее поставить в воду веточки багульника, и вполне вероятно, что именно к празднику они расцветут фиолетовыми цветочками. Но гарантии на это никто не даст. Вдруг багульнику вздумается зацвести не к 8 марта, а к 1 апреля? Поэтому я придумал подарить Белоснежке пальму.

— Где же ты пальму в нашей местности раздобудешь? — изумился папа Карло.

— Учитесь! — хвастливо ответил Матроскин.— Я вывел новый вид недорогостоящей пальмы.

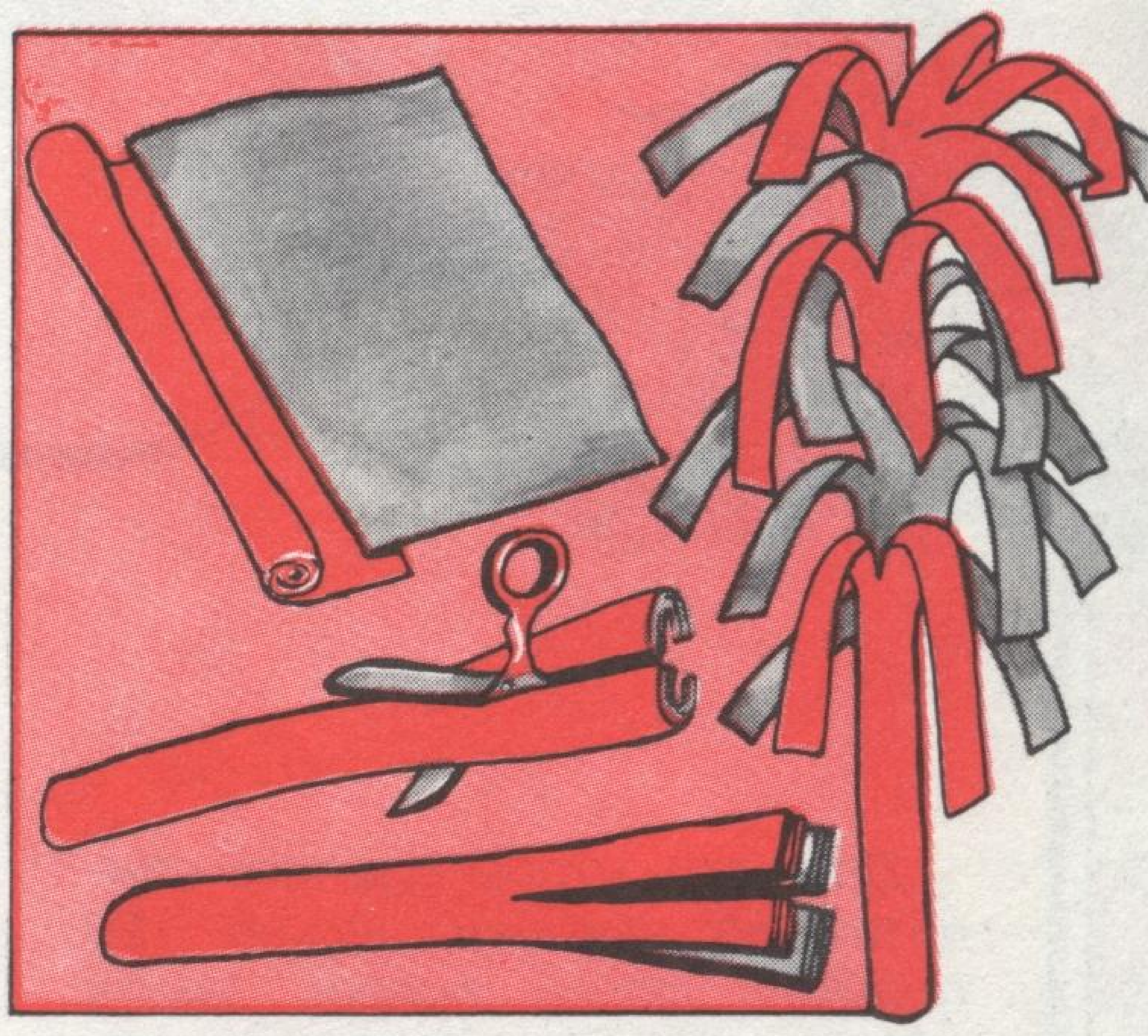
Пальма, которая может расти даже на самом крайнем севере

Называется эта новая пальма — пальма бумажная, разноцветная. Вырастает из нескольких листов гофрированной бумаги следующим образом. Берете 4—5 листов бумаги шириной 25—30 см, а длиной 50—60 см. Сворачиваете первый лист в рулон диаметром от 1 см до 5 — в зависимости от того, какой ширины пальму вы хотите получить. Когда первый лист еще не свернулся до конца, подкладываете второй, потом третий и т. д. Затем примерно половину скатанного рулона надо расплющить — просто провести по бумаге рукой. И эту сплющенную часть разрезать. Затем повернуть рулон на другой бок и сделать еще один разрез так, чтобы получилось четыре части (смотрите рисунок). Теперь аккуратно возьмитесь за разрезанные лепестки и вытяните их вверх. Получится раскидистое пальмовое дерево, которое ввиду его экзотики приятно дарить и получать. Чтобы пальма не падала, а стояла, ее ствол внизу можно обклеить бумажной полоской и сделать ноги — вырезать снизу три полоски, отогнуть и приклеить на картонную подставку.

Белоснежка не могла больше оставаться в неведении. Не зажигая света, она оделась и вышла в коридор. Посторонние звуки усилились. Белоснежка постучала тихонько в дверь Колобка. «Колобок, конечно, никого не напугает, но он ловкий»,— думала Белоснежка. Но Колобок не отзывался.

Колобок в этот момент был полностью сосредоточен на тренировке. Увы, о спортивных достижениях он уже не мечтал... Он тренировался выполнять сладкое блюдо, доселе не отведанное никем из его друзей (и, по правде говоря, им самим!). Чтобы сюрприз удался, его необходимо тщательно подготовить — кредо Колобка. Кстати, он скромно предложил назвать новое блюдо его именем. И получились

«Плавающие колобки»



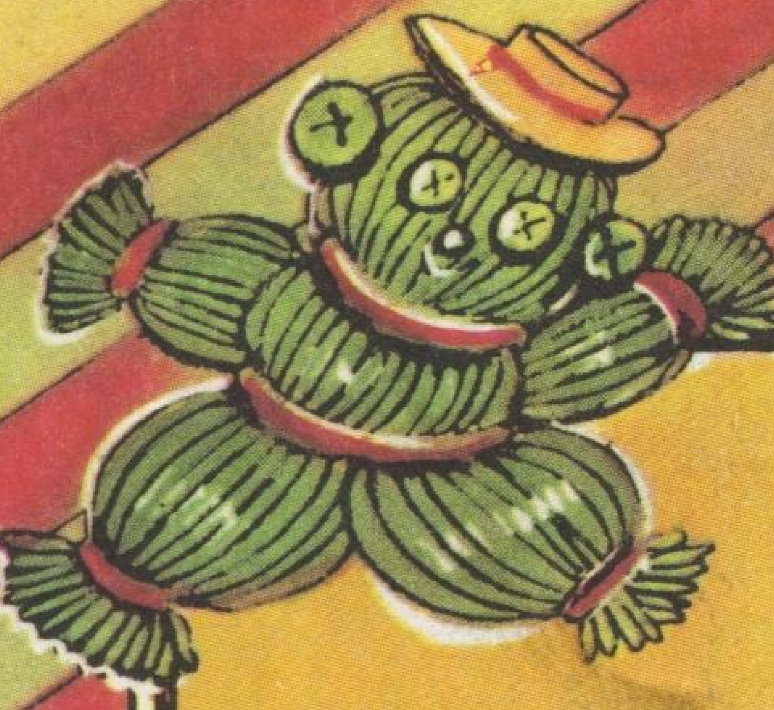
Надо разделить белок и желток одного яйца и вылить их в разные миски. Взять белок и взбить его с двумя чайными ложками сахарного песка в крепкую пену. Взбить можно вилкой, венчиком, миксером. Поставить на огонь кастрюлю со 150 г молока и довести до кипения. Уменьшить резко огонь под кастрюлей, но не снимать с плиты. Ложкой захватывать комки взбитого белка и класть одним слоем в кипящее молоко. Время от времени переворачивать их, а всего держать в молоке 3—5 минут. Затем шумовкой вынуть комки и положить в глубокие тарелки.

Желток взбить с двумя чайными ложками сахарного песка и добавить ванилин или ванильный сахар. Вылить в кастрюлю с молоком, в котором варился белок. Хорошо размешать содержимое кастрюли и греть на медленном огне, постоянно помешивая. Когда соус загустеет, залить им «колобки» из белка.

Теперь надо подождать, пока блюдо остынет, и — можно есть. Заранее посчитайте, сколько человек вы захотите угостить, чтобы у каждого получилось по тарелке.

Белоснежка замерла от страха. Может, с Колобком что-то случилось? И она на цыпочках побежала наверх, к Домовенку. Но уже на второй ступеньке поняла, что странные звуки как раз оттуда и доносятся. «Что делать?!»

Белоснежке и в голову не приходило, что в такое время на чердаке у Домовенка могут собраться все обитатели дома. У страха глаза велики, а у напрасного страха — еще больше... Белоснежке мерещились всякие ужасы, а это папа Карло всего-навсего стриг ножницами обыкновенные нитки. Но ножницы-то, конечно, клацали! Папа Карло, большой специалист по изготовлению кукол, осваивал новый материал — пряжу.



Не дергай за ниточку — куколка и не развяжется

Для того, чтобы сделать симпатичную куколку, нужно 120 граммов любой пряжи. Уметь вязать при этом совершенно необязательно. Берете книжку такой высоты, какой вы хотите сделать куклу. Обмотайте книжку нитками 75 раз. Аккуратно снимите моток с книги и разрежьте внизу. Чтобы получилась головка, перевяжите нитки, отступив сверху на то расстояние, которое при ваших размерах соответствует голове и шее. Все узлы, которые надо завязывать, делайте на одной

стороне куклы. Их можно не обрезать, но обязательно спрятать в пряже. Делаем руки. Разделите моток на две части, потом каждую — еще на две. Крайние пряди с каждой стороны и будут руками. Обрежьте их и перевяжите в запястьях. Оставшиеся пряди образуют туловище куклы. Если вы хотите сделать куклу-девочку, подстригите нитки ровно внизу и перевяжите их в талии. Если же вы хотите куклу-мальчика, перевяжите куклу в талии, а оставшиеся нити разделите на две части и перевяжите каждую «ногу» в месте «щиколотки». Из пуговиц разной формы и цвета можно сделать глаза, уши, нос. И, наконец, проденьте петлю в верхнюю перевязь. Теперь куклу можно подвесить. И она будет смешно вертеться от любого дуновения.

Домовенок осмотрел подарки. «Хорошие»,— подумал он.

Наконец, Белоснежка собралась с духом и подкралась к комнате Домовенка. Приложила ухо к двери и услышала знакомые голоса. Матроскин по обыкновению ворчал, папа Карло что-то считал, Винни-Пух задавал вопросы Домовенку, а Колобка почему-то слышно не было.

Белоснежка с облегчением вздохнула: померещилось. Приснилось. И она тихонечко пошла обратно, потому что говорить о своих страхах ей было все-таки стыдно.

А полуночная компания спрятала свои подарки, чтобы встретить праздник вовремя. Недаром ведь предусмотрительный папа Карло любит повторять: «Лучше сделай сегодня то, что понадобится завтра».

Цена 30 коп. Индекс 70694.